рыболов-спортсмен

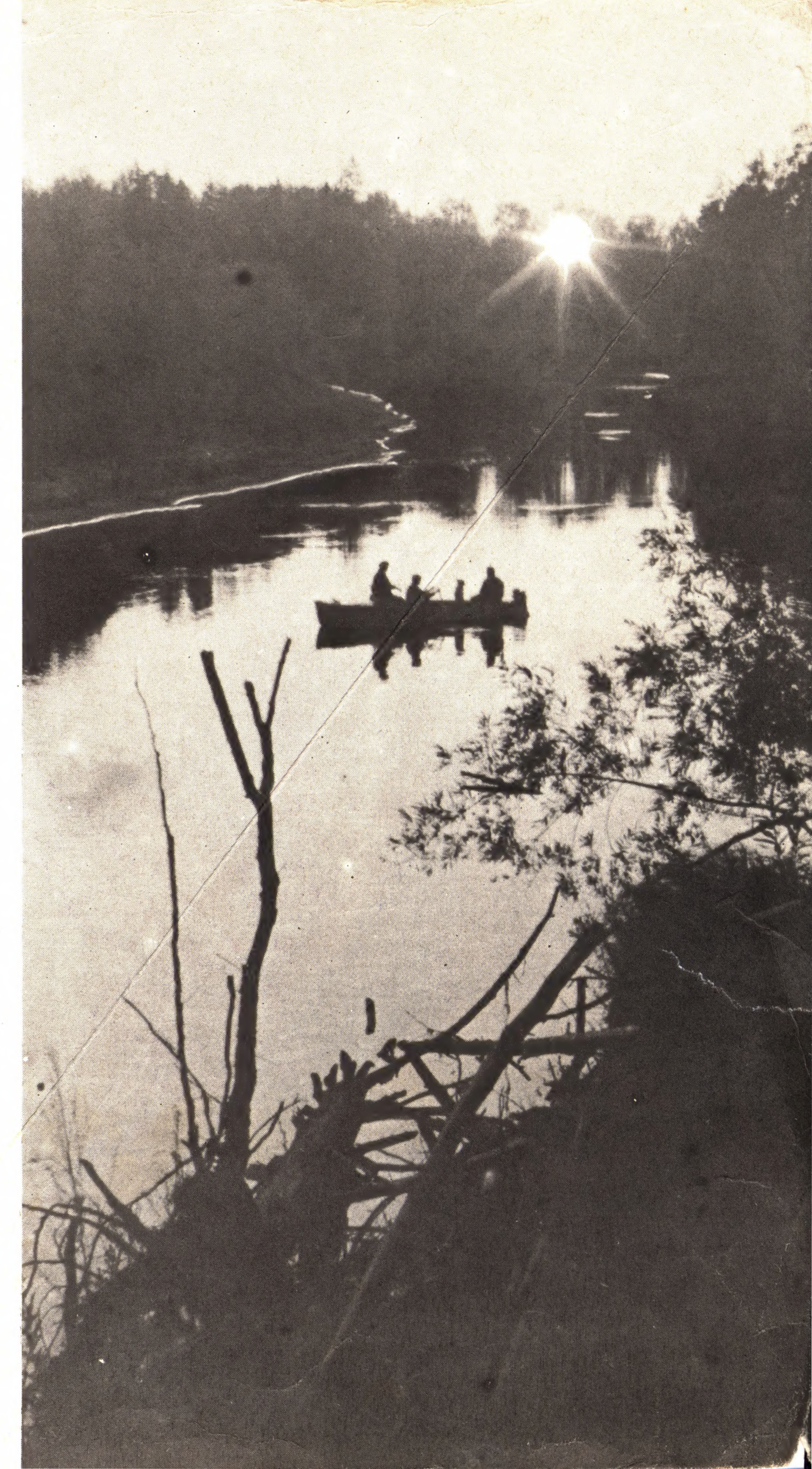
33

АЛЬМАНАХ

Очередной выпуск альманаха мы адресуем, как всегда, не только «организованным» рыболовам (которых по данным бассейновых управлений Главрыбвода на сегодня насчитывается 2,5 млн.), но и всей 10-миллионной армии рыболовов-любителей нашей страны.
В разделе «Клуб рыболова» вы познакомитесь с некоторыми предварительными итогами дискуссии о будущем нашей рыбной ловли. Надеемся, что разумные мысли и предложения, высказанные в этой дискуссии, воплотятся в конкретные организационные формы уже к следующему выпуску нашего альманаха.

Редколлегия

рыболов-спортсмен

АЛЬМАНАХ

33

ФиС

Москва
«Физкультура и спорт»
1973

Составитель
С. Череватый

Оформление:
Н. Смоляков
(главный
художник)
А. Тертышников
О. Теслер
Е. Шабельник
Ю. Бажанов

Фотографии
АПН

РЫБОЛОВ-СПОРТСМЕН № 33

0693—120
Р ———— 94—73
009(01)—73

М. Рощин
24 дня в раю

В. Безносиков
Конец «добытчика»

ПОВЕСТИ, РАССКАЗЫ

Л. Прозоровский
Брат Жака Паганеля

С. Спасский
Пятеро на острове

К. Иванов
Кока

Михаил Рощин

24 ДНЯ В РАЮ*

Это Лида первая сказала, что мы живем в раю. Мы поехали на закате по Шевакалу, я перестал грести, положил весло поперек лодки, стало так тихо, что слышно, как капли падают с весла. Вода была зеленая, и гладкая, и густая, как масло. А тепла, словно парное молоко, которым поит нас вечером Шура, подоив Морозку. Листья лежали на воде, крепкие, как подносы. На коротких шеях торчали круглые и плотные головы кувшинок. Стрекоза остановилась и вибрировала в воздухе рядом с нами. Долгоногий водомер скользил по воде, как Христос.

— Ну рай, просто рай, — сказала Лида, — двадцать четыре дня в раю.

Она сидела лицом ко мне на средней скамье, опустив обе руки по бортам лодки в воду. Комары стояли над ее головой, словно нимб. Розовое небо плавало в озере, облака вытянулись по небосводу, как Млечный Путь. Десятый час был в начале, а солнце все горело над лесом...

Вообще-то мы собирались провести свой отпуск в Карелии, а попали в Японию. Каких названий нет в России! В девятьсот пятом году какие-то дальние мужики пришли в эти среднерусские места, построились, их назвали (из-за японской войны) японцами. Так и осталось. Деревня была богатая, разрослась, мужики корчевали лес, сеяли травы в пойме. В тридцатом кое-кого раскулачили и выселили; потом закрыли торфоразработку поблизости; потом война — деревня оскудела. Остался всего один дом, дяди Максима.

Мы живем не в самой Японии — от нас до нее два километра, — а на Шишке, на пасеке. Железная дорога недалеко, и ночью слышно, как проходит по мосту через Суру поезд; но до ближайшей деревни Соколовки — семь километров, до Репьевки — десять. В приемнике у Ивана давно сели батарейки, света на пасеке, конечно, нет, почта до Шишки не доходит. Чем не рай?

Стоят на бугре дом, хлев, ульи, пониже, в огороде, банька, вот и все. Позади лес, впереди простор: озеро, луга, потом Сура, за Сурою опять леса. Райские кущи.

Шевакал и Сура богаты рыбой, за Шевакалом в пойме есть еще полузаросшее озеро Травное, по которому еле проберешься на лодке, но уж зато там самые лини, по килограмму и больше. В Шевакале водятся ондатры и бобры. Вечером от дома, сверху, видно бывает, как ондатра режет воду, словно перископ. Дед Антон стреляет зверьков:

* *Отрывки из повести.*

больно много рыбы они поедают, к тому же ондатру в закупку можно сдать: первого сорта шкурка — рубль, второго — восемьдесят копеек.

Дед Антон каждый вечер отправляется ставить и проверять сети, к нему ездят за рыбой со станции, сам Луцков приезжает (о Луцкове речь впереди), и нам всем чуть не каждый день бывает на уху.

Дед Антон сильно кривоног, суховат, мелкорослый, ему за семьдесят, но, как он сам признается, ничего у него пока не болит, уши слышат, глаза видят. Он всегда побрит чисто, у него усы седые и завитки седые из-под картуза. Он суетлив, услужлив, говорок у него мягонький. Уютный, милый дед и улыбается хорошо. Сидит вечером на крылечке, вырезает себе мундштучок ореховый, говорит, что будет сигаретку надвое резать и курить. Жена у него умерла несколько лет назад, сын где-то на Дальнем Востоке, для Шуры с Иваном он тоже как бы член семьи. Маленький Вовка говорит: «Он у нас сиротиночка, Ильич-то...».

Всего хозяйства у деда Антона — сети, тулуп, ружье и чайник. Чайник настоящий рыбацкий, видавший виды. Сроду болтается на рогатине он над костром, сроду его не чистили, и так славно пахнет рекой и дымом кипяток из него! Чаю тут не знают, дед Антон запаривает в чайнике лычку черемуховую или шиповник. Шура, когда самовар ставит, тоже запускает туда шиповнику.

Но дед хитроват, приходится ему хитрить с рыбкой: кому дать, кому отказать. Где-то в потайных местах на озере стоят у него садки, куда он непременно припрячет часть улова: карасей получше, плотвичку покрупней, а то и налима.

Вчера принес он хорошую щуку и карасей с десяток. Лида стала жарить на костре карасей в сметане, вкусно было чертовски, но никому, кроме нас с нею, новое блюдо не понравилось: кисло, а в рыбе хороша сладость.

Вовка натаскал целое ведро ракушек из озера, лазал без штанов в тине у самого берега, орал от радости, отполаскивал ракушку от грязи и кидал в ведро. Иван увидел и загорелся:

— Сейчас зажарим!

И вот собрались у костра, помыли еще раз ракушки — они крупные, крупнее морских мидий, некоторые чуть не в руку Вовкину, — повесили в ведре над костром. Ракушки закипят, раскроются, вылезут тогда их надо почистить немного и жарить можно. Пока ракушки кипят, мы рассказываем про устриц, «слегка обрызнутых лимоном», как Пушкин писал, а Иван, не слушая, нам в ответ с возбуждением говорит:

— Да у них мясо лучше, чем у рака, рыбье мясо-то, и вкус как у рыбы! Мы, бывало-то, в голодные годы, всей деревней их ели, бывало, и не найдешь уж в озере раковинки-то, рад бы, да не найдешь. Я вот их, ей-богу, люблю, мне и рыбы не надо!

Ракушки прокипели, воду слили. Иван, Валёна и Лида сели вокруг ведра чистить их. Перламутровые изнутри раковины бросали тут же в траву. Отрезали какие-то темные желудочки; мякоть ракушек и по виду и на ощупь сделалась, как белая резина. Пахли они тиной. Иван все продолжал говорить, как вкусны ракушки и сколько их пришлось когда-то поесть.

— Быть в Японии, — сказала Лида, — и ракушек не попробовать?

Вовка притащил сковородку. Шура скрепя сердце дала масла. Начали жарить. Моллюски сжимались и желтели от жара.

Я попробовал, разжевать это можно было с трудом, все так же пахло тиной. Я собрался с силами и сказал, что мне это не по вкусу. Шура ходила вокруг сковородки, посмеивалась. Она так и не попробовала, не отведала японского блюда. Вовка, Иван и Лида ели втроем. Мы сидели и смотрели на них с сочувствием. Лида в конце концов не выдержала, схватила с тарелки вилкой кусок требушины, стоявшей рядом (к обеду были щи с требухой), съела и облегченно дыхание перевела.

Лодок у Ивана и деда Антона две: красная и маленькая. На красной можно уехать впятером, хотя на вид кажется, что и троих не увезет. Она плоскодонная, с широкой кормой и скошенными бортами, так что похожа как бы на пол-лодки. Но она что-то рассохлась совсем: Шевакал переедешь, и уже набирает воды по щиколотку, сидеть нельзя.

Сначала я не умел грести одним веслом. Вовка меня учил. Как-то зазвал он нас утром на рыбалку, выехали мы, я пересел на корму, попытался грести — не выходит. Весло вибрирует, лодка разворачивается все время в одну сторону. Лида глядит испуганно, вцепившись в борта, Вовка смеется. Так и пришлось снова уступать ему место. Вовка взял в руки короткое, вроде лопатки, весло, и лодка пошла легко, быстро; он вел ее среди тростника и кувшинок лихо, как гондольер. Выехали потом на середину, размотали удочки, Вовка вытащил банку с червями в капроновом чулке, сам насадил червей на крючки, сам вывел лодку на те места, где рыба должна брать. Целый час глядели мы на поплавки, но хоть бы кто клюнул!

— Айдате на Суру тогда, там должна быть! — сказал Вовка.

Мы пристали к другому берегу, вышли, отправились лугом к Суре.

— Не спеши, Вовка, давай гулять!

— Можно, куда нам!

Лида шла босиком, пела песню и плела на ходу венок из клевера. Мы с Вовкой рвали и ели коневник: очищали зубами толстые стебли и жевали всласть. Я рассказывал ему, какая Москва, во всякую мою паузу он торопился спрашивать:

— Что ж, и лесу нету у вас? А пчелы-то есть?

По его вопросам я мог догадаться, что понятие о Москве складывается у него весьма причудливое: если бы попросить его нарисовать Москву, то вышла бы, должно быть, Соколовка, набитая красными автобусами, кучей людей, вроде нас с Лидой, а под землей еще поезд идет, и везде свет горит.

В свои восемь лет Вовка умеет стрелять из отцовского ружья, знает всякую рыбу, птицу, деревья, помогает на пасеке, знает, зачем отец к овцам барана из деревни приводит, и много других подобных вещей, которые знают обычно деревенские дети. Но в кино Вовка еще не был никогда, телефона не видел; я нарисовал ему военный корабль, он не мог сказать, что это. Вот мороженое он ел, знает. Луцков мороженое делает, все дети теперь его пробовали.

Мы шли вспаханным полем, уже подсохшим и пыльным.

— Посеяно небось, а мы топчем, — сказал Вовка. Он раскраснелся от жары, под мышкой нес охапку коневника и шел теперь позади, устал. Я рассказал ему, что поля нарочно притаптывают: если прикатано, то зерно теснее сойдется с землею, скорее набухнет и прорастет, а так может попасть между комочков в воздушную ямку и пролежать долго. Вовка подумал и согласился: — Похоже, верно говоришь.

Мы вышли на высокий и заросший берег Суры, пробирались долго сквозь высокую крапиву, пока сыскали спуск и песок внизу. Сура текла желтая, глинистая и полноводная. Стрижи носились над нею с пчелиной скоростью. Мы разделись, улеглись на песочке и ели опять коневник. Вовка чистил его ножом и угощал:

— Это тебе, тетя Лида, а это тебе.

Удить мы не стали.

Когда вернулись в Шевакалу, разомлевшие от солнца и воздуха, наша красная лодка насочила в себя столько воды, что минут двадцать вычерпывали, никак вычерпать не могли. Вовка сказал, что потонем, пожалуй, разделся до трусов и нам велел раздеться. Но ничего —переехали.

Все-таки с тех пор мы на красной лодке не ездим, а берем маленькую. Это прелесть что за лодка! Она только на двоих; легка, как перо, рукой станешь грести — и то идет, слушается. А грести одним веслом ловко — и весло и руль сразу. Я научился и гоняю теперь, как на байдарке. Вовка глядит с одобрением и не говорит ничего, не поправляет — значит, все в порядке.

Приехал любезный Луцков, привез нам репудин от комаров (Шура говорит «кумары») и бадминтон. Все засуетилось, пришло в движение. Луцков со всеми поговорил, всех обласкал.

Дед Антон, загребая кривыми ногами, торопливо сбегал к озеру, и появились лини и щука на уху, Иван стал чистить рыбу, приговаривая:

— Сейчас, Анатолий Бенедиктович, сейчас, ушицу-то мы можем, что уж тут...

Луцков толст, весел, оживлен, на нем парусиновый пиджак и соломенная шляпа, на пальце крутит ключ от машины — у него «Москвич» на высоком шасси, с передней ведущей осью, бегает не хуже «козликов» райкомовских по любым дорогам. Отчество Луцкова Венедиктович, но никто его выговорить никак не может, Шура даже произносить не решается — не вышло бы как неприлично. Говорят, Луцков был еще много толще, чем теперь, да и сам он признается, что вот занялся спортом, легче стало. Каждое утро часовая зарядка, вечером два часа бадминтон, зимой лыжи, диета. Ему сорок пять лет, но выглядит он, несмотря на то что толст, лет на десять моложе. У него молодая жена, в старом своем, отцовском доме он поставил белую газовую плиту, сделал котельную, ванную (привез из Москвы плитку кафельную), гараж. Детей у него нет, он целиком погружен в бурную свою деятельность, он преуспевает, он доволен.

Заведует Луцков местным промкомбинатом, делает колбасу и мороженое, крепленое вино и конфеты, печет хлеб и пряники, шьет трусы и рукавицы. Все переходящие знамена, грамоты и премии — у Луцкова, причем премии делятся справедливо между всеми работниками: сторожам и уборщицам хоть по три рубля, но дадут тоже, когда все получают премии. Луцков уже двадцать лет на этой работе, на одном месте, его все знают, и он всех знает. Приглашали работать в область, в Москву, он отказался. О нем говорят и хорошее и плохое, называют его великим комбинатором, но все знают, что Луцков не жулик, не вор, не взяточник. Он построил новые и улучшил старые цехи, чистота — это его больное место; теперь он увлечен строительством винзавода. Рассказывают, что особенно охотно и много помогает он многосемейным. Из окрестных деревень на комбинат сдают свиней и телок, сливки и молоко, промкомбинатовские грузовики летают по деревням, и лихие луцковские эмиссары скупают яйца для мороженого. Между прочим, мороженое очень вкусное, желтенькое, крупитчатое, похожее на домашнее, как в детстве.

Пока Шура, Иван и дед Антон суетятся с ухой, варят ее в ведре на костре, мы, собрав вокруг всех ребят, играем в бадминтон. Луцков сбросил пиджак и шляпу, пузо вывалилось из рубахи, он летает по лужайке, лихо отбивает волан, игриво пикируется с Лидой. Ребята в восторге от игры, они никогда ее не видывали. Луцков тоже доволен, что опять ему все удается, опять он на высоте...

Уха готова. Снова мы садимся все вокруг одной миски, Луцков глядит на нас с Лидой чуть удивленно: мол, вот так и едите? Иван подкладывает Луцкову рыбку и потчует, уже чуть заплетаясь языком, но говоря все равно громко, с протестом:

— Да вот линька-то, лёньку-то, Анатолий Бенедиктович, такой ведь рыбки, как у нас, нету нигде...

— Да что ж ловите мало? — спрашивает Луцков и глядит на Ильича.

Дед Антон суетливо головой машет, ухой поперхнулся, ложку отложил, усы обтирает.

— Да ведь это... Анатолий Бен... это... как, значит, сетя-то давеча того, уперли трактористы сетя-то, Анатолий... это... уперли, совсем уперли, вот Ванька знат...

— Забрали, Анатолий Бенедиктович, — гудит Иван, — начисто все!

— Ну дам я вам сеть-то, выпишу! — говорит Луцков, хотя не очень, видно, верит старику. Начинается долгий разговор о том, кто бы это мог украсть да чьих рук дело.

Надо сказать еще, что Луцков — гроза всех рыбаков местных. Все окрестные водоемы и сама Сура взяты Луцковым в аренду. Хочешь рыбачить, промышлять рыбкой — иди к Луцкову, он разрешит, будешь ловить, а рыбу сдавать в промкомбинат. Вот так-то.

Луцков почти не пьет с нами, ест тоже мало, ему уже пора, сегодня концерт в клубе (клуб тоже он построил), областные артисты гастролируют, надо быть, надо встретить, принять, небольшой ужин организовать. Со всеми лучше быть в ладу, в хороших отношениях, так жить приятнее и легче. Пусть Луцкова добром вспоминают.

Мы тоже благодарим растроганно Луцкова за бадминтон, за репудин, за внимание. Иван просит потихоньку, нельзя ли, мол, дрожжец, Анатолий Бенедиктович, и Луцков говорит:

— Дам, конечно. Приезжай.

Деду Антону он пишет от руки бумажку размашистым красивым почерком, ставит дату, острую подпись с тысячью завитушек; дед Антон бормочет чуть не со слезой в голосе, прячет бумагу глубоко в недра своих рубах и фуфаек: завтра поедет за сетями.

Луцков садится в машину, машет нам рукой, мы тоже, стоя толпой, машем и прощаемся. Он уезжает, и мы остаемся взбудораженные, обласканные, довольные тем, что все так хорошо, славно, и еще долго говорим, что, мол, ай да Луцков, ай да человек! Ну бог, просто бог! Толстый, добрый, веселый Саваоф...

Счастье — это когда каждый день счастье... Плыть рано утром по озеру, лежать с травинкой в зубах на спине и глядеть на облака сквозь сосны, привыкнуть и почувствовать родство с людьми, которых никогда прежде не знал, жить в этом месте, и так, как давно мечтал. Садиться в семь за работу, а вечером играть на крылечке, отбиваясь от комаров, в подкидного дурачка. Перечитать, не торопясь, любимую книгу. Проснуться и глядеть на соломенную крышу хлева, в которой изнутри птицы навили гнезд, и теперь там пищат птенцы... Чтобы потом когда-нибудь, когда спросишь себя, был ли счастлив, сразу вспомнить синий далекий лес, поворот лесной дороги, облака сквозь сосны, лето, зеленый июнь...

Владимир Безносиков

КОНЕЦ „ДОБЫТЧИКА"*

Обед.

Солнце в зените, и Никодим, отдыхая, сидит на чурбаке возле будки. Неделю назад сплавщики поставили запань в километре от перевоза, и теперь по Сысоле плывут только редкие бревна, вырвавшиеся из запани, да корье. Никодиму редко приходится отдыхать — дорога установилась, и машины, снующие между лесопунктом и совхозом, беспрестанно требуют паром. Недавно, когда моль еще шел по Сысоле, Никодим багром прибил к берегу четыре бревна, прикрутил их проволокой да заколотил между ними колья, чтоб не унесло течением. Потом взобрался на плот, попрыгал, прошелся несколько раз из конца в конец и остался доволен:

— Неплохой помост. Завтра и на том берегу сделаю.

Теперь, сидя на чурбаке, Никодим любуется сделанным плотиком-пристанью.

— Здорово, капитан-ефрейтор! — раздался веселый голос.

Никодим обернулся: сзади стоял участковый с удилищем и баночкой червей в руках.

— Здорово, коль не шутишь! — скупо улыбнулся Никодим: обида за штраф все-таки не совсем покинула его. — Или опять ругаться пришел?

Старшина курил и глядел, как легкие волны Сысолы лизали носки его яловых сапог.

— За что на тебя ругаться-то! Лодки у тебя просмолены, весла крепкие, сиденья, видать, новые. Вот и сходни вроде плота соорудил. Выходит, ты рабочий мужик, а не хвастун. Заботишься о вверенном тебе участке.

— Сам не позаботишься, дядя не придет и не сделает. Сенокос скоро начнется, потому и сходни сделал — косари на тот берег будут переправляться. Зачем мне от них плохие слова слышать?

— Что ж, молодец, Зизганов. Ты извини, если вначале что не так сказал. В людях сразу-то не разберешься. Как говорится, надо пуд соли съесть, а уж потом судить. Не серчай, пожалуйста!

— Мы что, мы понимаем, — растроганный извинением Коноплева, Никодим не мог подобрать слов и только жадно затянулся.

— Сам-то ходишь на рыбалку?

— Иногда посижу на зорьке ... с удочкой!

— Ну, и хорошо ловится? На что ловишь?

— На червяка. Да разве у меня улов? Так, кошке на обед. Сетями-то я не занимаюсь, не промышляю рыбу. Это твой помощник Коскоков, вот у того, правда, ловится. Мешками волокет рыбку с реки.

— Завидуешь?

— На кой мне завидовать. Я не жадный!

— Но ведь Аксен Антонович ловит на основании договора. Он же промышляет не для себя — для сельпо, для людей.

Но в голосе Коноплева не было уверенности. Никодим, почувствовав это, резанул напрямик:

— Молод ты еще, старшина. Зеленый, как в тайге говорят. Будет тебе Аксен стараться для людей. Один хвост он, верно, и отдаст повару в чайной, а уж пяток себе оставит. А десяток бабам продаст. Кто их считал, его уловы-то? Кто его контролирует в сельпе твоем? Или на сетях спидометр нынче ставят? А тем более у него и красная повязка на рукаве...

— Но ведь он в николин день действительно дежурил в чайной! И пьяниц выгонял, и за порядком следил...

— До того наследился, что у Мотри Кузькоковой в огороде свалился. А буфетчица всю магазинную водку по ресторанной цене продала. Следил!..

— Ты серьезно?

— С детства болтать не обучен.

— Нет, Зизганов, видать, между вами еще в детстве черная кошка пробежала.

— Ты ту кошку не трогай, старшина, она уже двадцать лет моей женой зовется. А правду про Аксена тебе не только я сказать могу... Да ты бери у меня лодку-то одновеслуху да гони на Черное озеро. Он непременно сейчас там — сети вытягивает... Аксен тебе подскажет, где рыбку ловить.

Коноплев кинул в воду папироску и прыгнул в лодку, на которую ему указал Никодим. Шея и лицо пылали: если этот Зизганов прав, выходит, он сам пустил волка в овечий загон? А может, Никодим все это по злобе? Сам же признался, что из-за жены они враждуют. Не поделили в молодости девчонку, а ненависть на всю жизнь друг к другу осталась.

Оттолкнувшись веслом, он спросил поднявшегося с чурбака Никодима:

— А на озере рыбка клюет?

— В протоках поклевывает. На уху, может, и натаскаешь.

— Если запоздаю, эту лодку на том берегу не тронь, оставь. Переправлюсь — сам привяжу к сходням. А на Черное озеро дорогу как отыскать?

— Найдешь. Как переправишься, шагай по проселку — он сейчас хорошо заметен, телеги разбили — и топай прямо. К озеру и выйдешь... — напутствовал его Никодим.

Черное озеро тянется на километр, изгибаясь подковой возле Сысолы. В начале озера три рукава — протоки с ключами, с лужами, а у лугов озеро кончается узкой протокой, переходящей в неболь-

* *Отрывки из повести.*

шой заливчик. Черное озеро от веку любимое место рыбы для нереста. Дно илистое, мягкое, словно пуховая перина, а над озером кисеей висят мошки, снуют мотыльки. А мотыль, известно, для рыбной молоди, что молозиво для теленка-сосунка. Сытное место для рыбы это озеро, жирует она здесь на свободе. Поймаешь, приятно в руки взять. Озеро умелого рыбака круглый год может прокормить.

От перевоза проселочная дорога выбегает в светлый сосновый бор, а из него бросается на усыпанный желтыми лютиками луг, взбирается на холм и тут уж покорно подползает к дремотному озеру. С этой стороны на берегу озера комластые сосны, как часовые, стерегут покой водной глади, а с другой стороны говорливые ивы беспрестанно шепчутся с ветром, заглядываясь в воду. И по всему окружью, у самой воды, белые шапки черемухи. Коноплев просунул голову сквозь ветви и внимательно оглядел озеро. На рябой глади не было никого. Только возле затопленных пихт виднеются кончики кольев да среди кувшинок плещется молодь, охотясь на комаров.

Коноплев подошел к березе, отломил веточку с сережками и растер между пальцами клейкие листочки. Их запах напомнил ему березы под окном в родном селе, баню, отца, хлещущегося до исступления веником.

«А на березе листья уже с трехкопеечную монетку. Значит, лещи нерестятся вовсю. Прав Никодим: кто хочет разжиться лещами, должен быть на озере... А мы поудим — может, бог пошлет окунишко или подлещика».

Старшина наживил на крючок червяка, закинул удочку за кувшинки. Поплавок покачался на воде и застыл. Прошло около получаса, но никто не позарился на червяка.

«Ладно, им, видать, и букашек хватает, на мясную пищу не тянет. Пойдем в другое место, может, там окуньки поголоднее...»

Закинув удилище за плечо, старшина берегом направился к лесочку на возвышенности. Внимание его привлек дымок, подымающийся из зарослей ивняка. Старшина подошел поближе и сквозь заросли заметил Аксена — тот вытащил сети и подвешивал их на рогулины для просушки.

«Совсем ничего не опасается мужик. Ах да, у него ведь договор, он промысловик. Ладно, лишь бы запретного леща не промышлял, а сети мы не тронем. Переправлюсь к нему — должен же он указать место, где хороший клев».

Но переправиться через протоку не простое дело. Вплавь можно, но север — это вам не Южный берег Крыма и даже не ласковый Днепр. Здесь и в июле вода такая, что окунешься и выскакиваешь как ошпаренный. Возле берега старшина обнаружил несколько бревен. Связав их ремнем, перебрался на ту сторону залива, оставил плотик возле сухой ивы и вышел на сухое место. Аксен, увидав старшину, выронил сеть и открыл рот, словно рыба, брошенная на берег.

— Поклон труженику! — улыбаясь, сказал Коноплев. Он сел возле костра, не обращая внимания на остолбеневшего Аксена. «Видать, прав-то Никодим, с чистой совестью люди так не пугаются!» Повернувшись, старшина неловко ткнул сапогом в котелок. Угли зашипели, покрылись седым налетом.

— Эх, жаль, уху опрокинул... Да ты, видать, уж отобедал...

Но остатки ухи, пролитые на костер, не волновали Аксена. «Зачем он пожаловал? — билась мысль в мозгу. — Может, нерестилище обнаружил? Тогда хана...»

Аксен улыбнулся через силу, бросился в шалаш и вынес из него сухие пихтовые чурки.

— Садись поудобнее, товарищ старшина, отдохни на свежем воздухе. А то ведь у тебя все дела да происшествия, так и организм можно раньше времени износить. Я сейчас ушицу сготовлю.

Уха на костре возле озера... Что может быть слаще? Но уж очень суетится вокруг него Аксен Коскоков.

— Спасибо, в другой раз, — тихо сказал старшина. — Я ведь сам за рыбкой пришел, а за час даже ерш не клюнул. Ну как, Аксен Антонович, дежурство провел без меня?

— Так себе, товарищ старшина, — не понимая куда клонит Коноплев, ответил Аксен. — Обыкновенно. Пьяниц маленько пошугал, шоферам мораль прочел. И — домой. Сюда на озеро подался. У меня ж план по сельпу. Выполнять надо. Однако вода светлая, на уху только и вылавливаю — рыба теперь сеть видит, обходит стороной. Думаю шабашить да в другие места податься.

Коноплев искоса посмотрел на сети, а потом на ведро — в мутной воде плавала чешуя крупной рыбы. Да и на углях жарился хвост отнюдь не бросовой плотвички.

— Прибедняешься, Аксен Антонович. Эвон в ведре какая чешуя плавает. Что пуговицы на кителе.

— Так это вчера попалось маленько. А сегодня ни одной. Это вчера пара карасей запуталась в сети.

Аксен явно нервничал: старшина, выходит, не такой уж лопух. Глазаст — углядел-таки чешую. «Нет, — решил Аксен, — с ним ухо востро надо держать, парнишка только с виду прост».

— А когда дежурил, не замечал, чтобы в чайной буфетчица водкой торговала?..

— Нет, не было такого, я бы пресек. Ты ведь мне инструкцию дал, как можно. Не было, — божился Аксен, суетясь возле костра, подкладывал ветки, подгребал рассыпавшиеся угли.

«Врет!» — почувствовал Коноплев.

«Как бы не углядел в кустах мешок с утренним уловом!» — беспокоился Аксен, кидая вороватый взгляд на ивняк.

Сегодня на зорьке Аксен выбрал из сетей десяток лещей величиной с печную заслонку. «На полпуда потянет! — выбирая рыбу, радовался он. — И вот на тебе — сидит у костра старшина, а в кустах валяется мешок с уловом. И как его оттуда взять — уму непостижимо. А ведь это только утром, а сколько сейчас лещей болтается в сетях... Как же спровадить старшину подальше?» — потел от мыслей Аксен.

— А ты, старшина, в протоке возле Сысолы не пробовал? Знатное место? — залебезил он. — Сам, бывало, когда еще для сельпа не работал, сиживал там с удочкой. На кастрюлю подлещиков да окуньков, бывало, натаскивал.

— Ну? — заинтересованно поднялся старшина и взял удочку. — Значит, говоришь, у протоки, возле Сысолы? А может, у перевоза?

— У перевоза, у перевоза, — заторопился Аксен. «Пусть уйдет, а там я уж быстро обернусь с мешком и сетями».

«Спроваживает», — догадался Коноплев.

— Ин ладно, туда и направлюсь, — старшина закинул удочку на плечо и шагнул к кустам ивняка. — А это что?

— Да ведь говорил тебе: утром пара карасей... Ну, может, больше...

Коноплев нагнулся и вытащил из мешка полуторакилограммового леща. Он давно уже не видел такой крупной рыбы с черной спиной. Разбухший ее живот был полон икры.

— А говоришь — карась. А ведь это лещ!

— Маленько и лещ был, — ответил побледневший Аксен.

— А разве ты не знаешь, что во время нереста леща промышлять не положено? Ты ведь должен сам соблюдать и других наставлять, а нарушаешь...

— Я-то, что.... Попалася в сеть, не выбрасывать же? Подумаешь, лещ... Их через месяц столько расплодится... Да ты возьми его себе...

— А ведь это ты мне взятку предлагаешь, Коскоков? — голос старшины налился гневом.

— Я по дружбе...

— Мне и по дружбе незаконно выловленная рыба не нужна.

Коноплев стал опорожнять мешок.

— Десять крупных лещей... Нет, это, Коскоков, не случайно. Случайно я тебе доверил удостоверение дружинника. Просчитался я, выходит. Ладно, разговоры в сторону, собирай рыбу в мешок и пойдем.

— Куда? Зачем? — сопротивлялся Аксен.

— Не прикидывайся, Коскоков, делай, что приказывают. Живо!

Аксен обреченно вздохнул, завязал мешок, вытащил из шалаша котомку с харчами, бросил в нее закопченный котелок и спросил:

— А сети куда?

— С собой бери. И вытащи те, что еще в озере стоят.

В аксеновской лодке тесновато: котомка, мешок с рыбой — не повернешься. На носу устроился хмурый Коноплев, на корме с веслом Аксен. У нерестилища возле пихт старшина ухватился за кол и скомандовал:

— Выбирай сети...

Коскоков неторопливо, оттягивая время, начал выбирать сеть. В первой, к счастью, не было ничего. Но во второй... Три леща и щука. Аксен, не выпутывая рыб, кинул сеть на дно лодки. Под тяжестью мокрых сетей лодка осела на корму, борта возвышались над водой с ладонь.

«Все, попался я на крючок. Теперь не выпустит, все припомнит. Штрафом если отделаюсь — хорошо. А может и дело завести. Очень даже просто... А коль узнает, что в сельпо я щурят да плотву сдаю — совсем пиши пропало!» — горестно размышлял, гребя веслами, Аксен.

— Товарищ старшина, прости, — как провинившийся первоклассник, Аксен пытался заглянуть в глаза Коноплеву. — Ну, хочешь, всех лещей отдам в столовую. Или детишкам в детский сад? Хочешь?

— Греби без разговоров! — сквозь зубы сказал Коноплев. Он злился теперь уже на себя: какой-то проходимец, неграмотный, можно сказать, дядька обвел его, выпускника областной школы милиции, вокруг пальца. Да мало сказать — обвел... Еще и красную повязку ему доверил. Послал козла капусту стеречь.

«Нет, с лещами мне в сельсовет показываться не резон. Вызовет понятых, составит акт, а там уж прокурор разбираться будет», — размышлял Аксен.

Лодка вошла в залив. Течение стало сильнее, чувствовалось приближение реки. А вот и Сысола. Аксен правил на фарватер. Показался и перевоз. На берегу возле парома вышагивал Никодим.

И Аксен решился: «Лещей с сетями за борт! Пойди докажи потом!». Он бросил весла, схватил сеть с пойманной рыбой и кинул ее за борт. Лодка покачнулась и зачерпнула бортом воду.

— Ты что делаешь?

— Хватит! Ни тебе, ни мне... — и Аксен швырнул в воду мешок с лещами. Он пытался выбросить и последнюю сеть, но капроновая паутина зацепилась за пуговицу кителя старшины, рванувшегося с носа лодки к Аксену. Коскоков потянул к себе сеть, дернул и оборвал паутинку. От толчка Аксен не удержался в раскачавшейся лодке и шлепнулся в воду. Лодка накренилась, зачерпнула воды, но еще держалась на плаву. Аксен вынырнул с выпученными от страха глазами, судорожно выплевывая воду. Он ухватился за борт, пытаясь выбраться, но лодка накренилась к нему и ушла под воду. Коноплев, как был в форме, оказался в ледяной воде. Только сверкнул на солнце алый околыш фуражки.

Вынырнув, старшина тряхнул стриженой головой и легкими саженками поплыл к берегу. Аксен скрылся под водой, но успел стащить сапоги и теперь, молотя, как вальками, босыми ступнями, подгребал, словно щенок, воду под себя. Но плавать Аксен был не мастер. Отяжелевшие телогрейка и брюки тащили его ко дну. И тогда он заорал истошным голосом:

— Тону! Тону!

От перевоза мчался Никодим с багром — он раньше всех услышал крики. Добежав до будки, он прыгнул в лодку и заработал веслами.

Течением несло к нему милицейскую фуражку. Никодим веслом подвел фуражку к борту, вытащил ее, положил на сиденье. «Уж не утопил ли этот гад участкового?»

— Спа-си-и-те! — совсем близко послышался охрипший голос, и лодка, выйдя из-за поворота, пошла по фарватеру. Никодим повернул голову и увидел: навстречу ему днищем вверх плывет лодка, а возле нее молотит ногами и руками по воде человек.

«Аксен! Точно, он! — узнал Никодим. — А почему фуражка плыла? Где же участковый?»

— Старшина! Ко-но-плев! — крикнул Никодим.

— Не ори, я здесь! — Под обрывом стоял старшина в трусах. Он выжимал галифе. Сапоги и китель валялись рядом с ним. — Захвати лучше рыбака в лодку. Он мне нужен...

Никодим подвел лодку к барахтающемуся Аксену:

— Лезь!

Аксен ухватился за днище своей лодки и дрожащим голосом повторял:

— Тону! Уто-пили!

Никодим ухватил Аксена за ворот телогрейки и втащил в лодку.

Пристав к обрывистому берегу, Зизганов сказал:

— Товарищ участковый, садитесь. У меня в будке печь топится и чайник стоит. Обогреетесь.

Коноплев натянул галифе, всунул ноги в сапоги и, взяв в руки намокший китель, влез в лодку. Усевшись на корме, он брезгливо глянул на дрожащего Аксена:

— Доигрался, рыбак! Теперь-то уж придется отвечать по всей строгости, дружинничек... Думал, дурачки вокруг тебя? Думал, не разгадают, отчего ты баб от своего погреба гонишь, когда милиционер идет. Деятель! — и Коноплев отвернулся от заскулившего Аксена.

Лодка шла к перевозу.

Перевод с языка коми В. Стерина

Лев Прозоровский

БРАТ ЖАКА ПАГАНЕЛЯ

У настоящего рыболова есть одна любимая река. Своя река!

Вот для меня такой своей рекой стала тихая Лиелупе. Мир обитателей ее глубин, или, как говорят специалисты, ихтиофауна, значительно отличается от населения таких рек, как быстрая Гауя или холодная Салаца. В моей реке нет форели и хариуса, в ее лениво текущие воды не заходят могучие балтийские таймени, здесь почти отсутствуют омуты, которые могли бы служить обиталищем усатым хищникам-сомам. А любитель ловли ельцов найдет два-три быстрых переката, где любят резвиться эти серебристые чистенькие рыбки, лишь в самых верховьях, почти на границе с Литвой.

Красота Лиелупе — в ее задумчивости.

Несколько лет назад я облюбовал себе местечко рядом с очень оживленным поселком Дубулты, одним из центров города-курорта Юрмалы. Стоило только пересечь реку на лодке чуть выше лесозавода, и вы оказывались у входа в узкий, в летнее время почти совершенно зарастающий кувшинками, канал, неизвестно кем и для какой цели прорытый. Прорезав дугой луга, канал возвращался в Лиелупе в районе Дзинтари, там, где река, сворачивая, образует несколько заливов. У входа в верхнюю часть канала и находилось облюбованное мною местечко.

Я приплывал сюда на своей резиновой лодке до утренней зари и ловил часов до десяти в полном одиночестве. Ставил две удочки. Главной добычей была крупная плотва, хорошие окуни. Иногда привозил отсюда лещей, дважды моей наживкой соблазнились угри.

Я хорошо прикормил свой участок, ездил сюда, как на собственный водоем, и поэтому был неприятно удивлен, когда однажды ранним утром увидел, что место мое уже занято каким-то рыболовом, расставившим с голубой прогулочной лодки целый веер удочек.

«Захватчик» заметил меня.

— Гребите сюда! — крикнул он и замахал длинными, похожими на весла, руками. — Становитесь рядом, — продолжал он, когда я подплыл. — Нет, нет, правее! Тут заросли цератофилума, сейчас пора его цветения, и вся рыба от него отошла.

Разговаривая, рыболов продолжал размахивать руками. Своей тощей фигурой он напоминал складной метр, на который надели шляпу. Он то складывался, то раскладывался, явно обрадованный моим появлением, и продолжал атаковать:

— Цератофилум, или попросту роголистник, содержит в своих дыхательных органах дубильное вещество — танин. А раз так, личинки водяных насекомых, которые, как мы знаем, являются пищей рыб, на нем почти не поселяются... — Он остано-

вился, чтобы набрать воздуха, и я поймал себя на том, что отсчитываю кивками такт его частой речи. — Вредный роголистник очень легко отличить от другого, весьма полезного растения... Сорвите, пожалуйста, веточку роголистника!

Окончательно обалдевший, я машинально сунул руку в воду и вытащил одно из растений.

— Поднимите повыше! — приказал странный рыболов. — Вот так. А теперь — глядите!

Он ловко сунул руку за борт своей голубой лодки и тоже вытащил водоросль. Внешне она была похожа на мою, но листики ее на воздухе сразу слиплись, в то время как на моей, даже вытащенной из воды, они стояли торчком.

— Видите! — торжествующе выпалил рыболов. — Теперь вам понятна разница?

Я понемногу начал приходить в себя и, сердито отшвырнув водоросль, произнес со всем ехидством, на которое был способен:

— Все нормально, за исключением одного: местечко, на котором вы стоите, я прикармливал больше двух недель!

Складной метр сразу сломался. Он опустился на лодочную банку и проговорил растерянно:

— Извините, я не знал.

Лицо его стало грустным. Я внимательнее пригляделся к нарушителю моих владений. Это был сухощавый человек средних лет. Шляпу он откинул назад, и мне был виден его выпуклый лоб, странно несовместимый с худыми щеками, длинным носом и острым подбородком. Глаза закрыты большими черными очками. Закатанная до локтей зеленоватая рубашка обнажала сухие коричневые руки, которые находились в движении даже в те минуты, когда им нечего было делать. Глубоко вздохнув, рыболов повернулся к борту и быстро убрал одну за другой все свои удочки. Прежде чем я успел опомниться, он вытащил камень, служивший ему якорем, взмахнул веслами и погнал свою лодку к берегу. В моей практике это был первый человек, который так поспешно освобождал чужое место.

Проплывая мимо меня, он сказал:

— Извините! — и снял шляпу. Но тут же, нахлобучив ее опять, добавил: — А насчет урути и роголистника — советую запомнить! Это очень пригодится в дальнейшем.

Через минуту он, ткнув лодку носом в берег, уже раскинул весь свой веер с кормы. Признаться, я почувствовал себя неловко.

— Зачем же вы так?.. Места много... Ловили бы рядом... — Мне стало стыдно за мой недавний ехидный тон. — Тем более что здесь прикормлено...

— Я принципиальный противник всякой прикормки, — громко ответил этот человек. — Какой смысл ловить прикормленную рыбу? Это все равно, что стрелять в ручных зверей. Серьезный любитель поймает в любом месте.

Словно в подтверждение этих слов, он вытащил приличного, этак на полкило, подлещика с глубины немногим более метра.

— Если не секрет, на что вы ловите? — полюбопытствовал я.

— На гаммарусов, — тут же ответил он. — Представитель семейства рачков-бокоплавов. В Латвии встречается чаще, чем принято думать. Нужно только уметь искать... Вот! — Взмахнув своими плещущими руками, он нагнулся и вытащил из-под борта лодки пучок водорослей. — Двигайтесь ко мне, я вам покажу.

И опять машинально, словно загипнотизированный этим странным человеком, я подплыл к нему, так и не начав раскладывать удочки. Он поднес к моим глазам пучок водорослей, и я увидел на стеблях и листьях расползающихся во все стороны желтоватых рачков, похожих на крошечных креветок.

— Раз уж мы подошли к берегу, не грех и поразмяться! — предложил мой сосед и выпрыгнул на песок. Я поглядел на его парусиновые штанишки до коленей, на тощие босые ноги и вдруг неожиданно для самого себя сказал:

— А ведь я вас откуда-то знаю!

Он снял очки и подслеповато посмотрел на меня. Лицо у него было умное и доброе.

—. Скажите, — продолжал я уже с улыбкой, — а вам не знаком жюльверновский Паганель?

Он нацепил очки и всплеснул руками.

— Жак-Элиасен-Франсуа-Мари Паганель, секретарь Парижского географического общества и член-корреспондент десятков других обществ? Конечно, знаком. А что, — доверительно спросил он, — я похож на Паганеля?

— Как родной брат! — выпалил я.

— Ну что же, будем считать, что я брат Паганеля. Правда, он в конце-концов стал доктором наук, а я пока лишь кандидат, но ведь я же — младший брат!

— Кандидат географических наук?

— Нет, биологических. Моя специальность — крупный рогатый скот. Но это не мешает мне интересоваться урутью, роголистником и даже такой мелочью, как рачки-бокоплавы... Кстати, вы сумеете теперь отличить роголистник от урути?

— Боюсь, что нет, — признался я.

Он укоризненно покачал головой.

— Напрасно, напрасно... Вот что — я дам рисунок, и вы тогда все моментально запомните.

Прежде чем я успел что-либо ответить, он в очередной раз сделал по-своему. Полез в один из больших накладных карманов своих коротких штанишек, извлек блокнот с прикрепленной к нему изящной шариковой ручкой и принялся рисовать на вырванном листке, приговаривая:

— Заодно я вам представлю и рдест, самое приятное для нас, рыбаков, растение. Заросли рдеста — это пастбище мирных рыб!.. Только не считайте меня чудаком-натуралистом, умоляю вас!

— Что вы, что вы, — запротестовал я и чуть было не сказал: «Чудаки украшают жизнь», но вовремя спохватился: ведь это было бы как раз то, чего мой собеседник не хотел! И я заметил серьезно: — Если разобраться хорошенько, то и Паганель не такой уж чудак. Ведь за его спиной стоял отличный натуралист Жюль Верн.

— Вы мне нравитесь, — подняв голову, сказал

он. — И за это я добавлю рисунок элодеи... Хотя она выглядит достаточно привлекательно, рыба боится элоидеи как чумы.

Он протянул мне отлично сделанный рисунок:

— Вот, пожалуйста!

Тут он вдруг вспомнил о своих удочках, искоса посмотрел на поплавки и, улыбнувшись, пригласил: — Пожалуйста, пожалуйста... Входите смелее!

Кому это он? Я повернулся к воде. «Веер» соседа состоял из четырех удилищ. Поплавки, с моей точки зрения, были странными: длинные гусинки с пенопластовым, сдвинутым к нижней стороне пояском. Они лежали на поверхности воды во всю свою длину. Сначала я подумал, что это от неправильной регулировки глубины. Но тут увидел, что один поплавок поднялся торчком, покачался-покачался, будто кто-то и впрямь просил разрешения войти, после чего опять лег плашмя. Сосед не спеша вытащил второго за это утро приличного подлещика.

— Нет, — сказал я, — все же у вас есть какой-то секрет, который вы от меня скрываете. Никто еще не ловил подлещиков на таком мелководье.

— Во-первых, здесь больше метра, — тут же возразил сосед. — А мой секрет вам известен: ловлю на рачка-гаммаруса... Хотя, впрочем, кое-что для вас пока является тайной. — Он приподнял очки, подмигнул мне хитро и продолжал: — Тайна в том, откуда я знаю, что рыба сегодня предпочитает именно гаммарусов! И вообще, как мне было знать, что в этом месте есть гаммарусы? А было так. Когда я утром приплыл на это место, то прежде всего прочесал прибрежную полоску дна штукой, которая называется «ловилом». — Подойдя к лодке, он вытащил треугольную металлическую, сва-

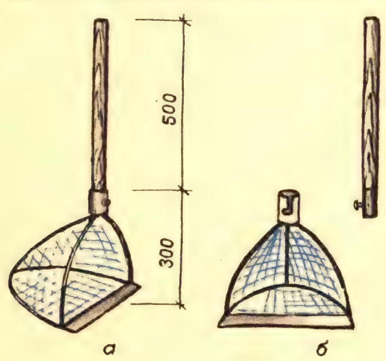

Рис. 1. «Ловило» (размеры в мм): а — в сложенном виде; б — в разобранном виде

ренную из полосового железа рамку с небольшой деревянной ручкой. На рамку была натянута частая металлическая сетка. Весь предмет был размером с теннисную ракетку (рис. 1). — Прочесав дно, я промыл тину. На сетке у меня остался целый зоопарк: рачки, водяные ослики, мелкие пиявки, щитики... Насадив одно из этих существ на мелкий крючок, я поймал первую рыбку. Это была небольшая плотвичка. Я вскрыл ее острым ножом, взял маленькую лупу, которая продается в любом фотомагазине, заглянул рыбке в желудок и увидел, что моя плотвичка из всего богатого меню, предоставляемого ей природой, сегодня выбрала рачков-гаммарусов. После этого мне оставалось только потратить минут двадцать на создание соответствующего запаса «ходовой наживки» и затем ловить. Результаты вы видели.

— Лупа из фотомагазина? — переспросил я.

— Да. Ее вообще полезно иметь при себе. Проверить остроту крючка, качество завязки узла... Места она не занимает почти никакого. А кроме того, в солнечный день это те же спички: можно прикурить, развести костер... Я бы вообще включил лупу в перечень непременных предметов рыбацкого инвентаря.

— Ваша рекомендация принята, — сказал я. — А теперь объясните, что у вас за поплавки? Должен признаться: поплавки — моя слабость!

— Что вы говорите! — радостно встрепенулся сосед. — Я тоже поплавочник. Честно говоря, я и ловлю-то, собственно, для того, чтобы насладиться прелестной картиной — поплавок на воде. Хотя я и латыш, однако наизусть помню слова замечательного русского писателя-натуралиста Аксакова: «Внимательное наблюдение за движением поплавка, за различием и значением этих движений, ожидание, что сейчас потянет или утащит поплавок, — все это вместе составляет наслаждение для охотника»... А я гурман, люблю утонченные наслаждения. Именно такого рода радость и доставляет мне сконструированный мною поплавок, названный «джентльменом», ибо он приподнимается при малейшем прикосновении... У меня есть запасной, я охотно объясню вам устройство.

Порывшись в карманах, он протянул мне поплавок.

— Вот, прошу принять на память. В виде компенсации за то, что я нынче занял ваше место. И до сих пор не дал возможности поймать хотя бы одну рыбу.

— Пустяки, пустяки, — успокоил я, с интересом рассматривая поплавок (рис. 2). — Объясните, пожалуйста... Я вижу здесь какой-то передвижной поясок, какой-то свинцовый носик...

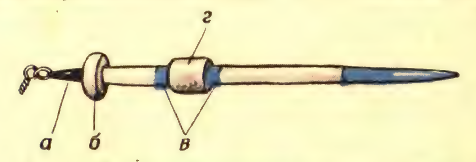

Рис. 2. Поплавок «джентльмен»: а — свинцовый носик (на проволоке); б — пенопластовый поясок (прикреплен наглухо); в — колечки из ниппельной резинки; г — поясок из пенопласта (передвигается)

— Этот свинцовый носик находится во взаимодействии с пенопластовым пояском, который фиксируется двумя колечками из ниппельной резинки.

Поясок передвигается влево и вправо, в зависимости от веса насадки и грузика на поводке. Регулировать нужно точно, чтобы поплавок вставал торчком от малейшего прикосновения. Практически это делается очень просто... Любопытно, что и на большой волне, когда все поплавки пляшут, мой «джентльмен» ведет себя невозмутимо и поднимается только при поклевке.

— Это очень хорошо, — похвалил я, — только мне не нравится примитивное крепление. Поглядите, как сделано у меня.

Я развернул одну из своих удочек с нижним креплением поплавка (рис. 3). Затем я разложил на песке весь богатый комплект поплавков собственной конструкции, которыми очень гордился.

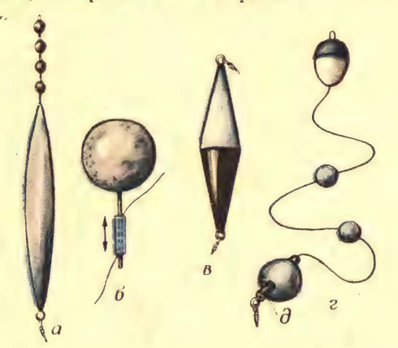

Рис. 3. Поплавки: а — особо строгий, со снимающимися шариками; б — мормышечный; в — двусторонний; г — для ловли на мелкой быстрой воде (д — свинцовая трубочка, равная по весу первому шарику из пенопласта)

— Вот этот я называю сверхчутким. На длинную бамбуковую палочку, высовывающуюся из пенопласта, я могу надеть такое количество имеющихся у меня в запасе красных шариков, что он, как и ваш «джентльмен», тоже будет реагировать на малейшее прикосновение рыбы. «Сверхчуткий» особенно хорош, когда осенью ловишь плотву на хлеб... А вот этот, круглый, с вделанным в него отрезком проволоки, предназначен для ловли с мормышкой. Это, собственно, модификация уже известного поплавка. За счет удлинения проволоки я добиваюсь такой амплитуды колебаний, что мормышка играет даже на совсем маленькой волне. А вот этот, вроде вашего, тоже лежачий, но состоит он из четырех пенопластовых шариков, соединенных суровой ниткой. Он предназначен для ловли на очень мелких и быстрых перекатах. Сигнальным является самый крупный и последний шарик, окрашенный красной светящейся краской. А ближайший к рыбе, в данном случае к пугливым ельцам или форели, — маленький, серенький, к тому же самопогружающийся почти до полного затопления, — так у меня уравновешен груз... Ведь если груза не будет совсем, далеко не закинешь!

Следующий поплавок в комплекте — моя гордость. Внешне, как видите, он представляет собой два конуса, сложенных основаниями. Один конус — белый, пропарафиненный, чтобы не пачкался; второй — черный. Крепление с обеих сторон. Поплавок имеет ограниченное применение во времени: в те считанные минуты, когда начинает светать и когда начинает темнеть. Как вы знаете, рыба имеет привычку клевать именно в эти короткие минуты. В начале клева вода темна — это особенно хорошо заметно, если ловишь в проводку. На темной воде я надеваю поплавок белым конусом вверх. Но вот начинает светлеть, лучи солнца, низкие и длинные, делают зеркальной речную поверхность. Белый конус не виден, он сливается с водой. Тогда я моментально, в течение двух-трех секунд, переворачиваю его, креплю другой стороной, и по воде уже плывет черный конус, отлично видимый издалека.

— Но я вижу, вы забыли на песке бельевую прищепку. Зачем она вам в рыбацких странствиях?

— Нет, это тоже поплавок. Воздушный. Когда я на длинное удилище с катушкой ловлю с донным грузом. Похожую конструкцию я встретил однажды в одном иностранном журнале, затем видел нечто подобное в «Рыболове-спортсмене», но то было сложно, а это на редкость просто. Прищепка зацепляется между первым и вторым кольцом. Своим весом она оттягивает леску. Когда рыба клюет, прищепка подтягивается к удилищу. Во время наматывания лески на катушку совершенно не мешает. В нижней части прищепки я прожег отверстие. Можно прикрепить колокольчик.

Увлеченные разговором, мы не заметили, как солнце поднялось и уже начало припекать.

— Пора уходить отсюда, — заметил я. — Когда солнце поднимется, на этом месте делать больше нечего.

— Но вы же даже не начинали ловить! — ужаснулся мой сосед. — Хотите, я отдам вам своих подлещиков? Улов, как таковой, меня мало интересует.

— Меня тоже, — гордо ответил я. — Спасибо. Обо мне не беспокойтесь. Я поплыву вдоль берега и, пока доберусь до Майори, натаскаю плотвы. Возле берега она не очень крупна, зато берет весь день.

— Тогда хоть возьмите моих гаммарусов! — продолжал настаивать этот странный человек, у которого определенно был дар подчинять своей воле собеседника.

— Ну ладно уж, давайте ваших гаммарусов.

Месяц спустя, развернув во время завтрака свежий номер республиканской газеты, я обратил внимание на снимок, украшавший первую полосу. Снимок был сделан на колхозной животноводческой ферме. Возле упитанной «латвийской бурой» стояли два человека в белых халатах. Подпись под снимком гласила, что один из крупных ученых Латвии посетил недавно колхоз, где откорм скота ведется по его методу. Приглядевшись, я узнал в ученом своего соседа по рыбалке. На этот раз он был не в черных, а в обычных очках, что еще больше делало его похожим на Паганеля.

СОЛНЦЕ В ПРОРУБЯХ

Василий Бочарников

От одной мысли, что еще в дорассветный час расстанешься с городом, что тебя где-то ждет речка, что от автобусной остановки первым проложишь след на молодом снегу, что за тобой, послушно виляя, на длинном шнуре поволочится пешня, что будешь дышать морозным с примесью хвои воздухом, — от всего этого сладко защемит сердце, и ты будешь бодрить себя и повелевать: «Вперед! Вперед!».

Для истого рыболова нет трудностей и преград. Откуда у него берется прочный запас оптимизма? Пока никто не знает и даже наука не может объяснить.

Нырнул и пропал в темноте автобус. Одиноко в настуженном небе мерцает белая с зеленым ободком звезда. Забыты до весны старые тропы. Идешь с таким чувством, как будто ты в разведке: что там, впереди?

Да, что там, впереди? Белая извилистая полоса — река Покша! Но где же голос реки? Где ее ласковые, окуневые всплески, разговорчивые волны? Все сокрыто. Река подо льдом. А поверху — снег. Только местами бурый хвощ да камышок зашелестят, и печаль будет в этом шелесте; или хрустнет под ногой мерзлая ивовая ветка. Тишина на реке.

И в прибрежном ельнике тишина — великий дар природы. В наш суетный век все заметней не хватает тишины.

Рассветает. Скоро как раз то самое место, о котором мне говорила летом нелидовская бабка Фроловна. Она родилась еще тогда, когда жили Некрасов и Тургенев... Мудрая бабка. Все знает, все помнит. И, видя

мои летние сборы на рыбалку, может заранее угадать, каким будет улов. В первое нелидовское лето Фроловна свела меня на Покшу и указала местечко:

— В этом омуте и лови вандышков зимой и летом. Тут когда-то мельница стояла.

Всякую рыбу она почему-то ласково называла «вандышками». От Фроловны я узнал также, что означает название реки. Покша — значит левша, то есть левый приток Волги.

Вот и пришел на место. Снег ровным холстом задернул мой омут. Рукавицами разгреб снег и увидел спокойно-гладкий, темно-зеленоватый лед. Где-то там, в глуби, меж корягами важно ходят щуки, перебегают стайки окунья, дремлют голавли... Скорей за дело. Осколки льда звонко брызнули во все стороны. Я нагнулся и упрятал один кусочек, как леденец, за щеку. И тем как бы сразу породнился с рекой. Проворней заработала пешня, и вот на снег выплеснулся фонтанчик воды. Она пахла водорослями, песком и немножко рыбой. Готова прорубь.

Привычное дело поставить удочку. Под пробковую рукоятку с шершавинкой подложен кусочек льда. Вот и еще две проруби готовы. День посветлел. Взошло солнце. И — первая удача — солнце в прорубях. От этого сразу стало как-то веселее.

Всегда ждешь первой поклевки. Внутренне готовишься к ней: вот сейчас... И все-таки она для тебя неожиданна и потому сладка. Рука дернулась вниз, к проруби. Короткий подсек, три-четыре вымета лески, и из проруби вынут трепещущий окунь.

ПРОВОДКА

Иван Мовчан

Помните, у Гоголя: «Вдали показался красавец Псел...»

И вот я в родных местах, приехал из Москвы в отпуск. Меня познакомили с известным в нашем селе рыболовом Дмитрием Михайловичем Пересыпайло. У него парализованы рука и нога, и удивительно, как он одной рукою гонит лодку, равномерно берясь то за правое, то за левое весло. Нелегко ему орудовать удочкой, наживлять крючок, однако же рыбачит, и неплохо. Реку знает как собственный дом: где какая глубина, какое дно, где лежит затонувшее дерево, где гаснет течение... Все знает!

При первой же встрече уговорились, что после полудня отправимся на ловлю плотвы и сомят, километров за восемь от села. Называются те места Голубивщиной. С детских лет помню это дивное сочетание реки, лугов и леса. Сколько раз за долгие годы снилась мне Голубивщина!

Сажусь к Дмитрию в ковчег. Неохотно, не сразу уступает мне весла. С нами еще два местных рыболова, каждый на своей лодке. Все люди немолодые, о деле, то есть о рыбалке, говорят солидно. Как свойственно украинцам, моим односельчанам в особенности, любят поддеть, пошутить.

Не обошлось без нападок на мою удочку.

— Конечно, складывается она хорошо и чехольчик завязывается... Но, говоришь, одна? Много ли на одну поймаешь?! В проводку? Ну, это весною разве... Легкая, говоришь? Так это только махать ею, а не рыбу вываживать. В кино или в цирке такой снастью людей потешать. А нас лучше не смеши, не вынимай ее из этой завязанной кишки!

Прибыли к месту. Здесь широкий плес, глубоко, течения почти нет. Под крутым берегом мои шефы вбивают топором по два кола, ставят к ним лодку бортом, привязывают. Разматывают по четыре удочки. Такие удилища из молодой лещины помню с давних пор. Но лески уже не из конского волоса — вижу и тут обычную современную жилку. Сечение ее и размер крючков нахожу крупноватыми. Пшеница для насадки приготовлена отлично.

Бросают прикорм — макуху (жмых). Удобно усаживаются в лодках, закуривают. Против каждого в шеренгу встали высокие перьяные поплавки.

Солнышко повернуло на запад. Повеяло приятным холодком. Я остаюсь зрителем, гляжу на чужие поплавки и их хозяев. Мне очень нравится эта сосредоточенность старых мастеров — они совсем обо мне забыли. Однако поклевок нет. Скучновато. Я спросил, нет ли вблизи такого места, где было бы движение воды. Все трое дружно указали вверх по реке, к повороту. Иду туда, напутствуемый предсказанием, что скоро начнется клев плотвы.

Прекрасное место! Небыстрое течение, не очень глубоко, вода тут будто чище, просматриваются небольшие камни на светловатом, не илистом дне. Вон там, чуть ниже по струе, продольная канавка. Туда и покатились по дну брошенные мною зерна. Лозняк мешает забросам, но и маскирует меня, ломать его не буду. Избегая зацепов на берегу, делаю пробные забросы.

Глубина проверена. Насаживаю одно зернышко, первый заброс над канавкой, небольшой проплыв поплавка — и первая энергичная поклевка. И пошло как по заказу! Плотва ловилась крупная, бойкая и красивая — черная спинка, яркое оперение, зеркальные бока. Давно не ловил я такой породистой плотвы. Вот они, дары моего старого друга — Псла! Через час мой садок уже трудно было поднять.

Клев прекратился, будто кто-то сказал — хватит. Солнце ушло за Лысую гору. Голубая дымка спускается на луга. Воркуют горлицы — дикие голуби. Под лозняком зазвонил сверчок.

Слышу знакомый звук тяжелых уключин: сюда приближается Дмитрий Михайлович. За ним следуют товарищи. Они перемещаются на другое место, на ночную ловлю сомят (небольшой сом называется здесь «соменком»).

Подплыли ко мне. Решаюсь похвалиться — хочется отплатить за преждевременные насмешки. Тяжелое, живое танцующее в садке серебро производит впечатление. По очереди берут в руки мою легкую снасть, приговаривая:

— Вот тебе, хлопцы, и цирк! Вот тебе и кино! А у нас было в деле двенадцать удочек, на каждую и по рыбке не приходится. Да и плотва у него покрупнее. То-то и есть — проводка!

Борис Петров

МОЯ ПИРОГА

Дай коры мне, о Береза!
Желтой дай коры, Береза,
Ты, что высишься в долине
Стройным станом над потоком!
Я свяжу себе пирогу,
Легкий челн себе построю...

С детства мечтал я о такой сказочной пироге, как у индейского вождя Гайаваты. Из легкой светлой бересты, просмоленной душистым еловым соком, без весел и руля — чтоб мне тоже сама мысль «веслом служила, а рулем служила воля». То была не пирога, а настоящая сказка.

И вся жизнь лесов была в ней,
Все их тайны, все их чары...

Да, это была лишь сказка, мечта. Попробуй сегодня появиться среди рыбаков на Енисее в таком индейском челне — вот смеху-то будет! Пойдет слава: «Во дает! Наверное, он того... зачитался маленько...» Не тот век. Делать сегодня лодку из коры и смолы да еще с каркасом из кедровых ветвей — курам на смех. Все равно что заявиться на военный парад в ботфортах и шляпе королевских мушкетеров.

И скрепя сердце я взял вместо бересты тонкую капроновую ткань и специальный клей из полимерных смол. Несколько вечеров после работы кроил и склеивал куски, чертыхаясь, потому что это настоящий зверь, а не клей. Стоило чуть-чуть ошибиться, неловко приложить друг к другу две выкройки, и уже никакими силами нельзя разорвать их, чтобы переделать неудачный шов. Во время работы по всей квартире разносился ядовитый запах ацетона, от которого кружилась голова и саднило в горле. Это, я вам скажу, не тот аромат, что в «Песне о Гайавате». Чары индейских лесов не выдерживали запаха химии и быстро выветривались...

И все-таки, когда лодка была готова, я еще раз мысленно сравнил ее с пирогой-мечтой. У Гайаваты не было весел. М-да, я, конечно, могу приспособить подвесной моторчик, но это все-таки совсем не то. А что, если сделать украшения из игл дикобраза? Нет, уж очень несовременное будет оформление. Покрашу ее, как и Гайавата, в желтый цвет! Чтобы на темной осенней воде Большого Кемчуга она качалась,

Словно желтый лист осенний,
Словно желтая кувшинка.

А если разобраться, то движется моя пирога тоже почти без весел. Сегодня за день решил сплыть километров на пятнадцать, останавливаясь на глубо-

ких ямах, где собирается на зимовку всякая рыба. Тут же таятся хищники — щуки и ленки, которых я как раз и пытаюсь выманить тяжелой-отвесной блесной. Так что лодка все время плывет сама, я только иногда беру веселко, чтобы выровнять направление или пересечь отбойную струю.

На душе у меня мир и покой. Я радуюсь тому, что все-таки побывал на Кемчуге в такой тихий солнечный сентябрьский денек. Все ездят сейчас на заливы Красноярского моря, там, конечно, большие щуки и окуни. Но на открытом водном просторе любой ветерок может погубить рыбалку.

В прошлый раз мы были на море за Шумихой. Ветер дул, гнал от берега, надо было все время с усилием выгребать левой рукой против волны (в правой-то удочка). Я так натрудил мышцы, что три дня носил руку на перевязи. Разве это рыбалка? Это мучительный труд, раньше рабов и преступников ссылали на галеры и приковывали к веслу... Нет, не надо мне щучищ у Шумихи, лучше щучки здесь, на Кемчуге.

И вообще, признаться, я иногда выбираю место для поездки по совсем непонятным для моих друзей мотивам. Вот как в этот раз.

— Ты рехнулся что ли? — недоумевали они. — Все сейчас ездят на море, а тебя нелегкая несет куда-то на Кемчуг. Там теперь пусто, как на Подкаменной Тунгуске. Раз все валом валят в Шумиху, значит, не зря. Народ не проведешь! Знаешь, по скольку там ловят?

Ну и пусть. Ветер, в конце концов, можно перетерпеть. Просто мне хотелось побывать в эту пору на Кемчуге. Просто я люблю эти галечные перекаты и тихие плесы, которые караулят выстроившиеся вокруг темные великаны, — ели и кедры. Это, наверное, черта характера — привязчивость. Где бы я ни жил, у меня всегда находились такие места. На Вятке — никогда не забуду заброшенную тележную дорогу в глубине сосновых боров и при дороге родник, окруженный старинной кладью. Какие вокруг были глухариные чащи и зарастающие вырубки! Называли это место Исток. И еще я был влюблен в дальнюю окраину большого удмуртского леса, которая издавна звалась Сушинской рощей. В Сибири, на Тоболе, мне почему-то сразу стало родным чистое Боброво озеро, лежавшее в старых редких березняках. Иной год, бывало, глухариный ток найдут лучше, чем у Истока, и тетеревиных выводков в иных урочищах больше, чем у Боброва или в Сушинских перелесках. А меня тянет к заветному месту. И не надо мне щук у Шумихи, пусть лучше будут щучки на Кемчуге!

Река теперь пустынна. Глубоко подо мной проплывают таинственные коряги, которые видно в прозрачной голубовато-зеленой, как бутылочное стекло на изломе, воде. По берегам в сентябрьском скудном тепле опаленные с боков первым заморозком таежные куртины. Течение тихо несет мою легкую пирогу. Иногда рядом с нами долго кружатся другие желтые листки. Сухие таловые листья удивительно похожи на крохотные пироги с высоко загнутыми носами. И еще удивительно: намокнув, они опускаются на дно и спокойно лежат на камнях самых шумных перекатов. Как это у них получается? А на больших круглых ямах листья медленно кружатся на черной воде, словно на долгоиграющей пластинке. Вот бы услышать музыку!..

Я постукиваю блесною о дно, мерными движениями удилища покачиваю около придонных коряг и опустившихся водорослей, в которых прячутся плоскомордые щуки и хитрые ленки.

Там
На песчаном дне на белом,
Дремлет мощный Мише-Нама,
Царь всех рыб...

Уже заметно засентябрило. Журавли унесли лето. А после недавнего заморозка деревья начали сразу буреть, краснеть, быстро раскрашиваться — всякое в свой осенний наряд. И тайга от этого приобрела глубину, расцветилась по зеленому фону яркими мазками, флагами и полотнищами. Густые тальники просветлели. Молодые березы пожелтели, но странно — изнутри, а крайние листья еще зелены. Похоже, будто под прозрачным зеленым плащом у них где-то у ствола запрятаны горящие желтые фонари. Встречаются отдельные осинки малиновые! Такого чистого пылающего цвета, что никак нельзя привыкнуть и спокойно смотреть на этот холодный осенний огонь. И какая тишина вокруг... Только изредка доносятся далекие звонкие удары барцев — это шишкари сбивают с кедров свою добычу. А вот, пожалуйста, из-за поворота показалась лиловая купа, надречная черемуха. Лиловая, фиолетовая купа, как чернилами облитая. Вот что наделал с вешней красавицей первый мороз.

...Вдруг в глубине как саданет по моей блесне! Удар передался удочке с такой силой, что она чуть не вылетела у меня из рук. Эге, видно, приличная попалась!..

В сильных пальцах Гайаваты
Сразу удочка согнулась,
Он рванул ее так сильно,
Что пирога дыбом встала,
Поднялася над водою...

Я швыряю удилище в лодку и, перехвативши леску, начинаю торопливо ее выбирать. А там, внизу, могучими неторопливыми рывками сильный хищник пытается уйти в глубину. Нет, дорогой, теперь тебе никуда!

...Вечером я ехал домой в электричке, дремал у окна, и снова перед глазами проплывали осенние берега Кемчуга...

Если спросите — откуда
Эти сказки и легенды
С их лесным благоуханьем,
Влажной свежестью долины...
Я скажу вам, я отвечу...

И какая разница — береста или капрон? Век меняет материал, но химия сама по себе не уничтожает сказку. Потому что сказка, мечта — внутри нас, надо только услышать и увидеть ее.

Дж. Б. Пристли

ТАВЕРНА ШЕСТИ РЫБОЛОВОВ

Сегодня утром мне впервые в жизни захотелось быть рыболовом, не одним из тех кто, как сказал вчера вечером толстяк, «половит рыбу часочек, а там готовы пойти хоть за ягодами», а настоящим рыболовом. Мы ехали из таверны, оставляя позади себя и ленивое плещущее озеро и на его глади всех шестерых счастливых рыболовов, и я сказал себе, что упустил случай обрести в старости счастье из-за того, что в юности не часто ездил на рыбалку. Это, наверное, все же таверна сотворила со мной, таверна и озеро вместе. Есть что-то обезоруживающее в маленькой, необычной, уютной таверне, где находишь и кров, и пламя в камине, и добрый ужин, и стакан вина и где наступает конец фантастическому путешествию. Нет в природе ничего очаровательнее озера. Любил я реки, любил и беспокойное море, такое печальное, может быть, потому, что оно кажется символом всех наших желаний. Но сердце свое я отдал исполненным прелести плещущим водным просторам. То не море и не река, и все же чувствуется в нем очарование и того и другого. И еще что-то, какой-то отсвет тишины, умиротворенности, душевного покоя. Едешь миля за милей по непокорно разметавшейся земле, потом вдруг свернешь в сторону и видишь: пред тобой расстилается простор, где нет земли, лишь только легкое отражение неба, едва заметное колыхание вод, ласкающих изогнувшийся дугой берег. Где еще найдешь такую то·кую красоту и покой?! Если бы только я мог окончить дни на берегах какого-нибудь озера, одного из этих маленьких окон земли, где голубой свет дня, и облака, и закаты, и звезды — все проплывает под тихую песню воды. В странных волшебных строках Вордсворта:

«Та тишина, что в звездном небе,
Тот сон, что средь покинутых холмов», —

нет и упоминания об озере, но готов спорить: они написаны где-то неподалеку от озера, в них чувствуется дух озера, тихое очарование, душевная легкость.

Может, это и впрямь озеро и таверна пробудили у меня такое сильное желание посидеть с удочкой. Вчера весь день мы ехали на север, через центральный Уэльс, прелестный край, исполненный старинной простоты и доброты, так редко встречающейся в людях. Я уже слышал об этом озере и твердо решил поехать туда и, если можно, поблизости заночевать. Единственное достоинство автомобиля — он позволяет осуществлять подобные прихоти. И вот мы уже мчимся на север и видим, как все величественнее становятся холмы и как небо темнеет у нас над головой. Остановившись выпить чаю, мы слышим разговоры об оползне, о том, что как раз там, куда мы держим путь, недавно смыло во время бури дорогу. Но мы уже твердо решили: погибнуть, но увидеть озеро. (Это настроение — единственное, что спасает душу автомобилиста, без него он был бы сущим зверем.) Мы отыскали на карте некое подобие дороги и вскоре уже тряслись по ней. В двух-трех последующих часах было нечто гомерическое.

Дорога, постепенно сужаясь, превратилась в узкую неровную тропу, ниткой извивавшуюся среди холмов: на каждом шагу попадались огромные рытвины, а руль порою был просто бесполезным дребезжащим металлическим колесом. Холмы теснились вокруг нас со всех сторон, громады сланцевых скал грозили раздавить наш весьма хрупкий, дребезжащий драндулет, а узкая разбитая дорога все кружила и кружила, через каждые пять минут открывая обрывы один круче другого. А тут еще сопровождавший нас последние часа два мелкий дождик обрушился мрачным бешеным ливнем, за которым в нескольких ярдах ничего не было видно. Машина дребезжала, ревела, подпрыгивала и на что-то натыкалась, а мы хохотали и что-то громко кричали друг другу в том состоянии странной, полуболезненной экзальтации, которая охватывает нас, когда, возможно, внезапная смерть ожидает за углом. Наконец, начался долгий спуск. Дождь притих. Мы катились вниз по затянутой туманом расщелине к серому таинственному месту, откуда, когда мотор нашей машины вновь заработал нормально, до нас долетел слабый плеск воды. Мы находились в горной лощине, которую почти целиком заполняло тусклое мерцание серой воды. Вот где, значит, оно, это озеро. Еще десять минут головокружительных поворотов, и, как выходящие из воды собаки, мы отряхиваемся перед невысоким домом, похожим на три приставленных друг к другу коричневых коттеджа. Это была таверна.

Никогда еще исход путешествия не бывал так благополучен. Самый заурядный пансион показался бы нам раем после этой мучительной поездки, но перед нами было место, какое попадается одно на целый миллион. Казалось, мы тряслись по этой дороге затем, чтобы, без задержки миновав современный мир, перенестись в иной, лучший век, где «беззаботно пролетает время». Вскоре мы, сидя у камина, в сухом, уютном месте, потягивали херес.

* *Публикуемый нами очерк появился в печати в 1927 году.*

Мелькнули неясные очертания фигур каких-то пожилых людей, по-видимому, рыболовов — повсюду виднелось множество удочек и ведерок с форелью. Потом в комнате с низким потолком при свете лампы начался обед. Здесь не было всей этой ерунды: маленьких столиков, официантов с деланной улыбкой, разносящих блюда крошечными порциями. Мы сидели за длинным столом вместе с остальными постояльцами, а постояльцы эти и были шесть веселых старых рыболовов, и самые старые и веселые из них восседали с обоих концов стола. Перед ними ставились блюда: огромные суповые миски, целые оковалки баранины — и они с шутками все это разделывали и разрезали. Обед — из простой, без выкрутасов, и обильной пищи — удался на славу, компания была и того лучше. Уже много лет не доводилось мне провести за столом время так необычно и с таким удовольствием. Как будто кто-то затеял сочетать «Справочник рыболова» с «Записками Пиквикского клуба». Там, над озером, таким далеким, словно оно лежало в глубине другого континента, сгустился туман, и темнота окутала холмы. Здесь, в мягком, ласковом свете лампы нам было уютно; все еще наполовину ошеломленные, слыша рев ветра и дождя в своих ушах, мы ели, пили и слушали, как во сне.

Все это я увидел в ясном свете утра. Рассеивался туман, на озеро падал слабый солнечный свет, и при виде жареной форели и бекона, которые раздавали два самых старых рыболова, текли слюнки. Наступило всего лишь утро следующего дня, и все же, когда я пытался представить себе события прошлой ночи, они казались мне похожими на сон. Поездка, само озеро, таверна, шесть старых рыболовов — все это больше напоминало какую-то счастливую главу из старинной неторопливой сказки, нежели кусочек реальной жизни. Я почти не могу поверить, что эта долина и озеро есть на карте, что в какой-нибудь справочнике с адресами отелей можно отыскать эту таверну. Кажется, что это отдаленное место проскользнуло через трещинку во времени и промчавшиеся годы не коснулись его, с его старинным духом беззаботности, учтивости и доброжелательства. Здешние постояльцы, шесть старых рыболовов, не были частью реального мира. Я думаю, они были — или пусть когда-то были — учителями, врачами, музыкантами, но их можно было представить себе только рыболовами — ничем другим. Рыболовами, которые вечно живут в этой таверне, спускаются не спеша по утрам к своим лодкам, возвращаются вечером с форелью, режут баранину и, сгрудившись вокруг освещенного стола, рассказывают по очереди длинные, неторопливые истории, вроде тех, что занимали целые главы в наших старинных романах. Один из них, тот, что разделывал баранью ногу, приезжает сюда по крайней мере лет сорок, другим эти места знакомы, видно, лет двадцать-тридцать. Не то, чтобы они не знали никаких других мест. Они делились воспоминаниями о далеких маленьких озерах Шотландии, безвестных ирландских речках, обо всех тех местах, где водятся форель и лосось. Всякий раз они называли друг другу приметы, давали точные указания, по которым можно было отыскать то или иное место, вспоминали названия гостиниц и имена их владельцев и егерей.

Они говорили так, словно жизнь наша длится тысячу лет, славных лет, в которых только и есть, что солнечный свет, туманы, плещущая вода, выпрыгивающая из воды рыба и дивные часы, проведенные за ужином. В джазовом ритме наших лет они явили мне вновь ту серебряную нить мирных и тихих дней, какие давным-давно знавал Исаак Уолтон. В конце концов, я тоже стану когда-нибудь рыболовом. Я вновь найду дорогу к этой таверне, на этот раз — чтобы стать одним из членов этого собратства. И, может быть, с помощью удочки мне тоже удастся ускользнуть от времени. Но даже сейчас все это кажется уже нереальным, и я чувствую, что не смогу отыскать вновь этого озера и этой таверны. А к тому времени, как я состарюсь, я уверен, что они исчезнут вообще.

Святослав Спасский

ПЯТЕРО НА ОСТРОВЕ

Весной работать не хочется.

Тут уж ничего не поделаешь — закон природы.

Уже дебоширят на тротуарах озорные воробьи, у районных отделений ГАИ выстраивается очередь свежепокрашенных автомобилей на предмет прохождения техосмотра, сдирается фанера с автоматов, торгующих газированной водой, и тысячи задумчивых юношей, мучаясь, подбирают подходящую рифму к слову «поцелуй».

И вот тогда мы — а нас четверо — собираемся, чтобы немедленно обсудить план очередного весеннего похода. У нас есть три байдарки, самодельное устройство для стыковки двух лодок, чтобы превратить их в катамаран, и мотор «Чайка». Моторчик старый-старый, как Ветхий Завет, и байдарки тоже достаточно помотались по порогам и мелям, но зато есть люди — железные, опытные, испытавшие на своем веку абсолютно все. Это Иван Караваев — адмирал и главный механик, и матросы: Станислав Борисов, Евгений Викторов и я. В обязанность матросов входит делать все то, что не захочется делать адмиралу. Они могут высказывать свое мнение, но не больше: решает адмирал.

Так вот: адмирал решил ехать к истокам реки Ущи, что на Псковщине. Там славная путаница озер, и рыба обязана ловиться. А чтобы она ловилась совсем уж отлично, мы усилили состав команды опытным рыболовом, художником-сатириком Геннадием Андриановым. Он знает, как ловить рыбу на донку, на кружки, на жерлицы, спиннингом, турбинами электростанций, гарпуном, динамитом, борной кислотой, голыми руками и с помощью малокалиберной винтовки «ТОЗ-9». (Во избежание недоразумений, спешу сообщить, что все браконьерские способы он знает только теоретически, так что рыбнадзор может быть совершенно спокоен.)

Отъезд был назначен на 5 мая поездом Москва — Рига с высадкой на станции Забелье. Оттуда рукой подать до самого первого в системе ущинских озер — Белого озера.

6 мая. Вылезли из поезда. До Белого озера — рукой подать, но телегой было бы лучше: вещей набралось порядочно. После усиленных двухчасовых поисков достали подводу и двинулись к месту отплытия.

Вот и берег. Сваливаем кладь, дружески прощаемся с возницей, распаковываем мешки с байдарками. Сразу надо заметить, что жестоко ошибается тот, кто думает, что было тепло и солнечно и что не было дождя. Я заметил интересную вещь: когда

человек вымок и продрог насквозь, ему хочется высохнуть и согреться, а вовсе не собирать под дождем байдарки. Мало того, у двух лодок оказались сломанными нужные детали, очевидно, при транспортировке, а самая старая и непокорная байдарка как-то непонятно разбухла и не дала застегнуть фальшборта. Да и мотор не заводился...

Голодные, злые, пропитанные водой, часа через четыре отплыли на веслах...

Белое озеро — небольшое, некрасивое, с плоскими берегами. Как можно быстрее пересекли его, через узкую экзотическую протоку вышли на второе озеро с интригующим названием Ашо. Делимся впечатлениями: «А шо, здесь уже уютнее!».

Нашли приличную стоянку и разбили лагерь: время к вечеру, дальше двигаться мы не в состоянии. Перед сном перекличка. Потерь нет, никто не утонул и не дезертировал.

7 мая. Солнечное веселое утро. Женя, Стась и Гена, вскинув на плечи удочки, торопливо убежали за ближайший мысок. Я решил отоспаться за последнюю хлопотливую неделю и спал бы еще долго и с удовольствием, если бы злобный адмирал не вытянул меня за ногу из палатки.

— Хорошо, — сказал я простодушно, — сейчас проверю удочку и пойдем.

— Нам нужна картошка, — мрачно сказало начальство.

Так и получилось, что вместо рыбалки пришлось идти обратно на станцию, на сей раз посуху, далеко по шпалам. Чтобы зря не пропадала рабсила, прихватили помимо картошки пять буханок хлеба. Умаявшись, возвратились в лагерь, где нас уже поджидали рыболовы, которые надергали двадцать семь небольших рыбешек. Решили изготовить из них уху, не счищая чешую и процедив варево через марлю. Благородные, деликатные Гена, Ваня и Стась удовлетворились этим консоме, а мы с Евгением — плебеи — уничтожили и саму рыбную кашу вместе с чешуей.

После завтрака (который, как мы позже узнали, был одновременно и обедом) адмирал с Женей уселись мурыжить проклятый мотор. Наконец, добились того, что винт очень здорово работал в воздухе, но, будучи опущен в воду, тут же замолкал. Видно, механики пошли не по тому пути и приближались уже к изобретению катамарана-вертолета. Не желая быть соавторами, мы с Геннадием удалились в лесную чащу, по пути заготовляя жерличные рогатки.

Адмирал трубит сбор: мотор покорился! Теперь наше дело — только рулить. Четверо разместились в катамаране, буксируют меня в отдельной байдарке. Очень приятно так бездумно ехать, лишь изредка подгребая или подтабанивая веслом. Протоки, заливчики, плесы... За очередным поворотом вдруг как-то сразу появляется водная ширь. Это наша цель — большое, извилистое озеро Ущо. Приближаемся к одному из многочисленных островов. Разглядываем его. На берег гурьбой выбежали белоствольные березки, как стая домашних гусей. При виде их на душе делается солнечно, радостно. И мы, не сговариваясь, поворачиваем к этому острову.

Выгрузились. Не теряя времени, Иван и Геннадий организовали мастерскую по изготовлению жерлиц, остальные трое — артель по поставке живца. Потом часть команды поехала устанавливать жерлицы, а мы со Стасем остались ставить палатки, варить ужин.

Под бешеные соловьиные трели завалились спать.

8 мая. Проснулись — дождик! Тихо капает вода: кап, кап... Чувствую себя неважно — это, видно, вчера поверил солнышку, ходил полуголым. Отлеживаюсь в палатке, несмотря на то, что проводится увлекательнейшее мероприятие — первый осмотр жерлиц.

И вот слышен победный клич. Тащат щуку.

Испытанные рыболовы — Андрианов и Викторов — уверяют, что в ней более двух кило. Я настроен более скептически — даю полтора. Рыбацкие чувства задеты. Быть бы мне битым, если бы не болезненное состояние.

Щука, сопротивляясь, изгрызла Гене пальцы. Он мстит ей жестоко: скоблит, потрошит, режет на куски. Я уж не говорю о том, что позже мы ее съели...

У меня аппетит совсем пропал, сижу на крепком чае. Костер лениво борется с дождиком. Ребята надели длинные морские накидки, похожи на зловещих инквизиторов. Особенно когда в молчании стоят вокруг костра: так и кажется, что рассматривают пепел только что сожженного еретика.

Весь день прошел в мелких хлопотах. Благоустраивали лагерь, кидали в разных местах удочки. Дважды осматривали жерлицы — что-то пустовато. А мы уже обсуждали планы постройки рыбокоптильни. Стась умеет, он показывает, где надо рыть колодец, где дымоход, куда будем закладывать сырье... После пустых жерлиц разговоры о копчении автоматически сошли на нет.

9 мая. Утро неплохое. Женя, Стась и Ваня усаживаются на катамаран и отплывают в неизвестном направлении. Самое главное сейчас — поиск. Где-то должен быть тихий омут, битком набитый окунями, сомами, лещами, язями...

Мы с Геной обследуем места с берега. С опасностью для жизни перебираемся на плавучий островок, который образовался из каких-то бревен, корней, мусора. Почва под нами колышется, а тут еще надо насаживать червя, закидывать удочки и молить бога, чтобы не попалась крупная рыба: при сильном рывке мы оба должны очутиться в прохладной весенней воде. Бог нас слышит и рыбы не посылает. Потом подъезжает Иван на катамаране, забирает нас. Едем к другим островам, отыскиваем «клевые» места.

Пока мы с Геннадием удим, адмирал занимается своим хобби — без устали дергает за шнур, что служит вместо заводной ручки у мотора. Мотор заводится и тут же глохнет. Мы тоже соответственно глохнем от яростных пиратских ругательств адмирала. Вообще-то у нас есть такая примета: чтобы мотор завелся, его надо крепко, а главное,

неожиданно для него обругать. Тогда он с перепугу начинает работать. Если же проклинать его все время, как делает адмирал, это не поможет: мотор приобретает стойкий иммунитет.

Худо-бедно, а рыбки натаскали. А поскольку сегодня День Победы, пришлось открыть пару бутылок из адмиральского фонда. И потом долго сидели у затухающего костра. Настроились на лирический лад, негромко беседуем. Вдруг видим — с противоположного берега плывут два каких-то предмета: в сумерках разобрать трудно. Приближаются. Теперь уже ясно видно: лось с лосихой Вылезли из воды совсем близко от нас, отряхнулись, спокойно ушли в лес. Мы их беспокоить не стали: лоси бывают не всегда такими приветливыми, как нам хотелось бы. Они любят демонстрировать свой «апперкот» копытом, против которого устоять трудно.

10 мая. Мое место на больничной койке занимает Гена. У него болит горло, он весь как-то посерел и заострился, хотя и раньше-то удобно рассматривался только в профиль.

Оставив больного в изоляторе на самообслуживании, едем снова за рыбой. Четверым в катамаране тесновато, тут уж удилищем не размахнешься. И потом каждый подозревает, что судно развернуто так, чтобы у всех, кроме него, было хорошее место для ловли. Действительно, у Стася — отличные бочажки, у Жени — тоже, Иван может хорошо закидывать под траву, а у меня — чистое, голое место, где берут только ерши и даже не ерши, а подъершики... Мои завистливые размышления прерывает дружное: «Ну!». У Стася удилище изгибается, леска натягивается струной. Стась весь тоже как-то натягивается, и только челюсть у него отваливается.

— Давай, веди! Подводи, спокойнее! Не вытаскивай из воды, что ты делаешь!.. Веди под водой... Быстро, ну, тащи!

Радужный горбач-окунь уже в лодке. Поздравляем счастливца, он расслабленно улыбается, вытирает вспотевший лоб и снова закидывает удочку... Секунда — и все повторяется снова. Те же выкрики, то же волнение — и второй крупный окунь шлепается под ноги Стася. Мы снова поздравляем, но уже не так искренне, и впиваемся взглядом в свои поплавки... Секунда — и опять Стась выводит очередного горбача... Мы наливаемся тихой ненавистью, молчим, а когда Стась вытаскивает четвертого красавца, Евгений не выдерживает — он придвигается к Стасю и закидывает удочку точно в «счастливое» место. Стась понимает, что, конечно, можно бы и уступить товарищу — каждому хочется испытать такие моменты, но, с другой стороны, азарт рыболова плюс частнособственнический инстинкт не дают развернуться благородному порыву. Стась что-то ворчит в усы и кидает в то же место. Лески запутываются... Пахнет скандалом. Но в этот момент у нас с Иваном одновременно начинают ходуном ходить удилища. Распри забыты. Окунь пошел широким фронтом! Это уже похоже на серьезную рыбалку...

К полудню клев ослабевает. Едем в лагерь. Первым делом проверяем, как больной — не умер ли. Пока нет. Наоборот — увидел улов и взбодрился. Очевидно, кризис миновал.

Жарко, как в Заунгузских Каракумах. Ходим вялые, невыспавшиеся, «снулые». Я решил обойти остров по берегу. Все-таки надо знать, где живешь, а то приткнулись на одну стоянку — и никуда! А может, в двух шагах волчье логово или янтарные россыпи?

Иду довольно долго — остров не маленький. Кое-где болотистые заводи, которые нужно обходить. Разок даже пришлось разуться и идти по колено вброд.

Тишина... Вдруг вижу впереди — лодка с двумя рыболовами. Вот как! Оказывается, мы здесь не одни! Осторожно, прячась за деревьями, подхожу. Что-то знакомые фигуры. Ну, конечно, Евгений со Стасем! Опять рыбачат как одержимые. Оказывается, я уже обошел весь остров и вернулся на нашу стоянку. Теперь я твердо знаю, что земля круглая.

Отчаянный адмирал выкупался с катамарана. Прямо вот так разделся догола и сиганул в воду. Сидим, наблюдаем. Наблюдать пришлось недолго — через четыре секунды адмирал поспешно карабкается на катамаран. Влезая, смахнул в воду полотенце, которое предусмотрительно захватил с собой с берега, предполагая быстро-быстро растереться, разогнать по жилам кровь после купания. Мы не преминули посмеяться, но адмирал постарался сделать довольное лицо и выкрикнул: «Эх,

хорошо!». Потом, поняв, что переборщил, честно добавил: «Только прохладно!».

К вечеру все силы были брошены на изготовление настоящей, первосортной, высококачественной, образцовой рыбацкой ухи-люкс. Специалистов по ее изготовлению оказалось что-то очень много. Я насчитал шесть человек из пяти возможных. Первым отличился Ваня — он шарахнул в кастрюлю венгерский суп-концентрат, по его словам, для приправы. Концентрат мы выловили, пока он не успел разойтись в воде, а Ивана с позором прогнали, невзирая на адмиральский чин. Выбрали шеф-поваром Гену и под его руководством сварили уху действительно люкс! Описать ее невозможно, перо валится из моих рук...

вращаюсь за Геннадием и насильно отвожу его туда. А вот ему не нравится: место слишком чистое, что рыба дура, что ли, в таких местах пастись?

Едем проверять жерлицы. Это дело уже знакомое. Тут, между прочим, происходит единоборство Андрианова со щукой, которую мы все прозвали «профессором». Этот «профессор» живет где-то рядом с самой дальней жерлицей и забавляется с ней как может: то сорвет живца, то уведет леску вглубь и запутает ее среди всяких подводных корней. На этот раз «профессор» удивил: леска вынута из воды и разложена поверх камышей, как для просушки, в десяти-пятнадцати сантиметрах над уровнем озера. Живец прокусан и брошен.

Геннадий мрачен, как вход в бомбоубежище.

11 мая. Два маньяка — Стась с Женей — с утра уже заседают над поплавками. А мне что-то надоело, хочется разнообразия. Решил теперь объехать остров на байдарке, причем если пешком я шел против часовой стрелки, то на лодке хочу наоборот — по часовой стрелке, для изменения угла зрения. Приглашаю в компаньоны Ивана. Но он решил побриться. Поскольку бритва механическая, знаменитой марки «Спутник», значит, на бритье уйдет не менее сорока минут. Я ждать не согласен. Адмирал не согласен ехать небритым — он начитался в детстве романов Станюковича, а там морские офицеры всегда выходят в море вылощенными и выскобленными. Зову Андрианова. Он себя все еще плохо чувствует и поручает мне найти подходящее место для рыбалки с берега: чтобы была глубина, чтобы были кусты и чтобы крючки не зацеплялись. Два последних условия совместить невозможно, но я обещаю поискать. Примерно в полукилометре от нашей стоянки я нашел маленький островок-сателлит с крутыми берегами. Мне понравилось, воз-

— Или я, или эта каналья! — клянется он. — Нет такой рыбы, чтобы перехитрила меня! Завтра же вы будете есть уху из «профессора»!

Возвращаемся с осмотра, сняв только одного щуренка. Довольная троица поджидает нас со своими трофеями. Отбираем одиннадцать самых крупных окуней, чистим их. Остальных только потрошим: они пойдут на первый навар. Уха получилась еще шикарнее вчерашней. Настроение испортила погода: меняется прямо на глазах. Начинается дождь, резко холодает. Залезаем в спальные мешки, не снимая телогреек. Тесновато, но тепло.

12 мая. Вот север, тучи нагоняя, дохнул, завыл... Удивительным кажется, что два дня назад изнывали от жары. Жмемся поближе к костру.

— Вот, хоть и холодно, — философствую я, — и только середина мая, а уже, смотрите, тополиный пух облетает! А в Москве обычно раньше июня он не летит.

Женя, самый нечуткий, выразительно крутит пальцем у виска. Остальные хохочут.

— Да ведь это же снег!

Мне стыдно за свои глупые разглагольствования. Но, честное слово, снег мне кажется еще более невероятным явлением.

— Адмирал, ты сейчас будешь купаться или перед обедом?

Адмирал закручинился, крутит седой ус.

— А не поехать ли нам уже сегодня домой, дети? — спрашивает нас.

— С тобою, батько, хоть к черту в глотку! — кричим мы.

Действительно, плохая погода установилась явно надолго. В пене гнева стонут волны, с ветром споря. А рыба уходит в глубокое подполье. Ее оттуда не выманишь даже котлетой по-киевски. Лишний день сидеть в такой обстановке никому не улыбается.

— Андрианыч, а как же «профессор»? Стало быть, перехитрил он тебя?

— Ну, нет, — недоволен Геннадий, — это же стихия, против нее не попрешь. Будем считать — ничья. Надо вот зимой сюда съездить, на подледный...

С грустью принимаемся за упаковку. Приходится везти обратно довольно много продуктов. Что поделаешь? Во-первых, снимаемся досрочно; во-вторых, мы с Геной, болея, не смогли переработать положенную долю еды; и в-третьих, конечно, рыба, свежая рыба, вытеснившая все остальные деликатесы из нашего меню.

А еще надо сказать, что адмирал часто зажимал продукты, хотя их явно должно было хватить. Например, все хотят сгущенного молока, а он выдает только пачку сахару. Почему он экономил — неизвестно. Может, он думал, что произойдет кораблекрушение и нас выбросит на необитаемый остров? Но мы и так на необитаемом острове...

Правда, как-то Стась начал выразительно пересказывать содержание фильма «Броненосец Потемкин». Адмирал тут же вынул пару банок сгущенки. И в дальнейшем заметно подобрел. Любит, видно, Эйзенштейна.

Но вот уложены палатки, и сразу лагерь пропадает. Остается обычная прибрежная полянка с помятой травой и пепелищем от костра.

Дом, очаг, крепость исчезли.

— Отчаливай!

Приехали за полчаса до поезда. Билеты достали легко, в нашем распоряжении пять полок. Ни тебе ветра, ни дождя — благодать! Я почему-то долго не мог заснуть, зато с гордостью слушал заливистые рулады, выводимые товарищами. Да, так уверенно храпеть могут только прошедшие огонь и воду, мужественные, закаленные бродяги. Соло вел Женя, остальные хором поддавали в нужных местах. Это было грандиозно.

Рисунки автора

Евгений Карелов

РЫБАК РЫБАКА...

Игорь Макарович Зеленушкин вышел из автобуса и сразу же почувствовал, что наконец-то начался отпуск!

Песчаную дорожку тесно обступили громадные ели, и каждая имела полное право оказаться на Новый год в Колонном зале Дома Союзов или даже в Кремле. Чувствуя свое величие, ели тихо покачивались, поскрипывали, словно переговариваясь о чем-то важном и только им понятном.

«Красотища, — отметил Игорь Макарович, обозрев протекающую внизу речушку, заливные луга и виднеющийся вдали погост, окруженный вековыми липами. — Не зря я удочку захватил, можно будет рыбалкой побаловаться на досуге».

— Милости просим!

Зеленушкин обернулся. Приятная полная дама в белом халате приглашала пройти в радушно распахнутый холл санатория.

— Рыбак? — лукаво спросила не менее приятная администраторша, глянув мельком на удочку, и, не дожидаясь ответа, обратилась к сестре: — Тоня, мы его тогда к Блинову подсадим. Он тоже рыбак, — пояснила она Зеленушкину. — Не возражаете?

— Ну, что вы! — улыбнулся Игорь Макарович. — Наоборот!

— Он просил исключительно только рыбака к нему подселять. Вот уже неделю койку держим. Располагайтесь, скоро ужин. Утром вас примет врач.

Комната находилась на первом этаже. Соседа на месте не оказалось, и Зеленушкин, развесив и разложив вещи в соответствии с инструкцией жены, принял душ и пошел ужинать. За столиком он также не обнаружил загадочного Блинова. Когда укладывался спать, соседняя койка по-прежнему продолжала пустовать.

«Это очень хорошо, что у меня оказался такой сосед, — думал Игорь Макарович, засыпая, — ни тебе беспокойства, ни ненужных дежурных разговоров... А того хуже еще — чего доброго — карты или выпивки по разному случаю...»

Проснулся Зеленушкин оттого, что на него кто-то внимательно смотрел. Это явно беспокоило его, как человека нервного и чувствительного. Он открыл глаза. Действительно, на него смотрел худенький человек, облаченный в тренировочный костюм. Он стоял у изголовья, скрестив на груди руки, в позе Наполеона, созерцающего горящую Москву, с той только разницей, что взгляд его маленьких хитрых в прищуре глаз был устремлен на возлежащего Зеленушкина.

— Дрыхнешь? — не представившись, начал человек.

«Видимо, это и есть тот самый Блинов», — догадался Зеленушкин без особой радости, потому что, мельком глянув на часы, отметил, что еще нет и четырех утра. Но в силу воспитанности улыбнулся и вежливо сказал:

— Здравствуйте!

— Вот что, голубчик, — заявил Блинов тоном, не терпящим возражения. — Ты чеши за червем, а я пойду гондурасика собирать. Вон видишь, — он указал перстом в окно, — будка с железной крышей. Там у двери стоит лопата, а справа увидишь кучу мусорную — там их пропасть. Больших не бери. Плотвичка тут не ахти, но пескари, я тебе скажу, — королевские. Удочку твою я возьму, внизу встретимся. Я буду у камней.

За сим сосед открыл окно и, выпрыгнув, зашагал напрямки к речке.

Зеленушкин ничего не смог понять основательно, но все же пошел выполнять распоряжение, вяло соображая, что же это за гондурасик? Государство такое было — это он помнил точно.

Когда с полной банкой червей Зеленушкин спускался по косогору, он еще издалека увидел Блинова. Тот стоял посреди речки по пояс в воде и, уперев конец удилища в живот, некоторое время возвышался как изваяние, потом вдруг высоко поднял его, подтягивая поплавок к себе. Когда поплавок плыл по течению, Блинов медленно опускал удочку, спуская с катушки леску, затем опять замирал и начинал всю процедуру сначала.

Присев на камушек, Игорь Макарович уже перестал бранить соседа за раннее пробуждение, так как утро из серого превратилось в нежно-розовое. Розовым был и туман, уползающий от реки, розовой была и сама река, по которой, словно от редкого града, расходились круги, большие и маленькие, — играла на зорьке рыба. У самой осоки окунь гонял мальков, и вода то и дело закипала от их бесчисленного взбудораженного множества. «Красотища», — подумал Зеленушкин, чувствуя, как убегают со спины и живота противные знобкие мурашки. Но тут его блаженное элегическое созерцание нарушил уже знакомый хрипловатый голос:

— Чего расселся-то! Тащи червей сюда и становись рядом! Видишь, какую уцепил! — и Блинов победно поднял над головой вовсе невзрачную плотвичку.

Зеленушкин начал было закатывать штанину, но, поняв бессмысленность этой затеи, обреченно пошел в воду с ликом, напоминающим Христа, идущего на Голгофу. Вода пузырила штаны и остро жгла лодыжки.

— Сперва на гондурасика попробуй, — предложил сосед и сунул ему в руку баночку с зеленоватыми, напоминающими тараканов букашками. — Они, сволочи, под камнями живут, — пояснил Блинов. — Вот рыба их и любит.

— Надо же! — изобразил изумление Зеленушкин, теперь безразличный ко всем видам рыбьей приманки и к самой рыбе.

Но безразличие его длилось не долее того, как он почувствовал, что что-то трепещет у него на крючке, и увидел, как натянулась леска и дугой изогнула гибкий конец удилища. Подтащив к себе приличную плотвицу, Зеленушкин уже перестал чувствовать холодную ласку течения и вовсе позабыл про время. Только внутри что-то ликовало, давно забытое. Вспоминались обрывки детских ощущений: запах кувшинок, стрекозы над водой, волосяная леска, голавль, которого выудил когда-то отец...

Только за обедом Зеленушкин вспомнил, что у врача-то он и не был, и почувствовал, как ноют руки от бесконечных упражнений с удилищем. «К врачу завтра уж, — решил Игорь Макарович, — а сейчас на боковую. Подремлю после обеда».

— Ты чего это? — изумленно спросил Блинов, когда Зеленушкин попытался снять с постели девственное покрывало. — Иди бери велосипед напрокат. Дядя Гриша еще работает, он до пяти. Поедем в Долматово. Это километров пятнадцать, не больше будет. Там озерки в лесу — загляденье! Отличный карась промышляет. Круглый день клюет, особенно на корку белую! — и Блинов извлек из кармана целую пригоршню корок. Отщипнув маленький кусочек, он показал его Зеленушкину: — Вот на такусенькую кроху можно, знаешь, какого лаптя выволочить!

Зеленушкин понял, что все пути к отступлению отрезаны, и побрел к дяде Грише.

Обратно в санаторий вернулись затемно. Почти все огни были погашены, и Зеленушкин явственно представил себе, как в сумеречных комнатах блаженно спят отдыхающие. Они на мягких перинах видят небось приятные сны, а он еще только у порога, усталый и измученный, с тремя карасями, которых кошка может слопать за секунду.

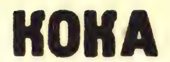
Съев холодный ужин (заботливые работники пищеблока предусмотрительно принесли его в комнату) и не почувствовав никакого вкуса, Зеленушкин замертво рухнул на кровать, проклиная тот день и час, когда он решил взять с собой злополучную удочку.

Проснулся он оттого, что на него кто-то внимательно смотрел...

В конце месяца жена Зеленушкина получила письмо: «Дорогая! Я живу хорошо. Здоровье отличное. Бессонница пропала. Аппетит хороший. Обслуживание прекрасное. Врачи отличные. Говорят, есть ванны. Некоторым даже прописывают массаж. Целую.

P. S. Чуть не забыл! Пришли килограмм манки. Сейчас на кашу здорово берет подлещик!».

Константин Иванов

КОКА

Мы едем ловить рыбу вместе с Кокой. Это такое имя. Так мы его зовем, и так его называла в детстве бабушка.

Кока высокого роста. Ему 54 года. Он художник, и у него жена Муза. Муза преподает в школе домоводство по картинкам, которые рисует Кока. Я где-то вычитал, что в Америке в школах учат мальчишек пеленать детей и стирать пеленки, и рассказал об этом Коке.

— Нужно сообщить Музе, — пробормотал он.

Кока мой ученик. Мне нравится его неосведомленность в вопросах рыбной ловли, поэтому я с удовольствием отвечаю на его бесконечные телефонные звонки, иногда и ночные. Я стараюсь давать ему краткие и исчерпывающие советы, чтобы они запомнились на всю жизнь, и он мог, в свою очередь, передать их желающим.

Кока особенно усердно готовился к вступлению в общество «Рыболов-спортсмен». Он изучил спиннинг, морской узел и расположение рыболовных баз в средней полосе России. Словом, все, что могло заинтересовать экзаменаторов-общественников.

В обществе у него потребовали две фотографии размером 3×4 и трешницу. О морских узлах не спросили. О базах тоже.

Кока вернулся домой поздно вечером. Муза улыбалась во сне. Может быть, ей в этот момент снилось что-нибудь о домоводстве. Но Коку не занимали интересы Музы. Он думал о щуке. Той щуке, муляж которой выставлен в подвале районного общества «Рыболов-спортсмен».

Кока прочел на металлической пластинке невероятное: «Эта щука поймана на Оке членом нашего общества А. И. Егоровым на одноручный спиннинг с блесной «Байкал» (крупной). Вес щуки 4 кг 647 г. При вскрытии хищницы в желудке был обнаружен ГТО II ступени. Значок возвращен владельцу, обронившему его с дебаркадера».

Утром Муза убрала со стола склянку с нашатырно-анисовыми каплями. Кока спал сном потревоженного вулкана. .

В рыболовах Кока очутился случайно. Я думаю, что он никогда бы им не стал, если бы не собрание по поводу «некоторых тенденций в творчестве молодых художников». Мы сидели с ним рядом и слушали известного в наших кругах искусствоведа. Когда оратор затронул вопрос визуальных коммуникаций, Кока сказал:

— Пора домой. У меня от этого обнаружатся каронарные явления.

Я принял это за шутку, но он выкатил на ладонь какую-то пилюлю и, давясь, проглотил ее.

«Пожалуй, мне тоже пора», — подумал я и устремился к выходу. В гардеробе Кока догнал меня.

— Знаешь, — сказал он, — я слышал, как однажды ты ругал Сурьянского: умолял тебя взять его на рыбалку, а в последний момент...

— Не верю я никому. Просят взять, а в день отъезда один раздумал, другого жена не пускает.

— Понимаешь... — Кока стал гладить лацкан моего пальто. — Я давно собирался поговорить с тобой, но боюсь мороза. И вот теперь решился... Хочу столкнуться лицом с трудностями... Возьми меня! Вот только, как Муза?

— Конечно, не пустит, — сказал я.

Вечером раздался телефонный звонок. Я снял трубку и услышал уверенный голос Коки:

— Скажи, где можно купить необходимое и что нужно? Записывай, Муза...

Через неделю я собрался в очередную поездку уже с Кокой. Мы договорились встретиться у пригородных касс Ленинградского вокзала.

Я приехал в условленное время. Коки не было. «Ну вот, связался с очередным пижоном», — подумал я.

Когда до отхода поезда оставались считанные минуты, появился Кока. Он был великолепен! Пальто-шинель довоенного покроя. Валенки и сверкающие галоши — краса и гордость московского магазина «Богатырь». За спиной Коки болталось ведро. Из ведра торчали странные удочки с красными флажками. В руках он держал коловорот с винтом небольшого буксирного парохода.

— Видишь, — сказал Кока, — это ведро я купил на Птичьем рынке. Мне его продал рыболов. Всего за 2 рубля! Можно транспортировать рыбу, но на нем еще и хорошо сидеть. Я к нему придумал крышку в виде диванного сиденья. Она у меня в рюкзаке! Верно, здорово? Показать?

На станции Подсолнечной нам сходить. А оттуда на автобусе до Истринского водохранилища. Там, на берегу, в небольшой деревушке живет тетя Катя — знакомая старушка с самоваром, горячей картошкой и лампадой. Раньше в лампаду тетя Катя заливала деревянное масло, оно горело, и изба наполнялась церковным благовонием. Теперь в лампаде спрятана батарейка, и постоянно горит маленькая электрическая лампочка.

— Колина работа, — говорит тетя Катя, показывая на лампаду.

Коля — ее сын. Он живет в городе и каждое лето подбрасывает бабке своих детей. А зимой тетя Катя скучает.

— Ба! Наконец-то приехал. Жив! — так всегда радостно встречает меня тетя Катя. — Ну, а как Рубен, жив? Павлик жив?

Это она о моих друзьях.

— Спасибо, здравствуйте, тетя Катя. У Рубена недавно дочь родилась.

— А назвали как?

— Лидией.

— Что это так? Как мою кошку. Назвали бы Ксаной — красивое имя — как внучку мою.

Проходит какое-то мгновение, и на столе появляется пышащий жаром медалист-самовар.

— А Евгения жива? — вдруг вспоминает тетя Катя.

Евгения — моя жена. Искусствовед. Знакомые художники уверены, что мне повезло: в доме есть свой критик. Я думаю, что это заблуждение. Жена плюс критик — это слишком много для однокомнатной квартиры. Последние годы Евгения пишет книгу о художниках-кустарях. Работа у нее подвигается медленно, все ей мешает, и мне можно беспрепятственно исчезать из Москвы.

Евгения никогда не делает того, что ей не нравится. Она не ловит рыбу, не ест ее, не любит чистить и мою страсть к рыбной ловле относит к разряду физических отклонений. Увидев в холодильнике коробку с мотылем, она спрашивает меня:

— Ты опять собрался к себе в Белые столбы. Там уже сидят у лунок психи и ждут тебя.

— Мерси, Евгения!

— Оревуар! — бросает она мне.

В последнее время я учу французский язык. Он мне нужен для рыбной ловли. Год назад я сидел на гранитной набережной острова Сите, где с утра до поздней ночи обитал цвет парижских рыболовов. Я рисовал и делал вид, что меня совсем не интересует их скучное и однообразное занятие. А сам с любопытством следил, как выжимали они из тюбиков и сажали на крючок красных пластмассовых червяков. Потом, пустив поплавок по течению, методически вытаскивали из Сены такую плотву, о которой в Подмосковье помнят лишь деды. А как мне хотелось поговорить с ними! Сказать на чистом французском:

— А вот у нас...

Или взять удочку, нацепить рубиновую тесемку и забросить в Сену. Тогда пиши пропала вся поездка.

Вот обрадовалась бы Евгения, если бы ей сообщили, что видели меня в Париже с удочкой в компании рыболовов!

Трудно сказать, удастся ли мне еще побывать на Сене, но на всякий случай я выучил несколько французских фраз.

Мы идем к заветному месту, шаркая валенками по ледяному наждаку. Я твержу: кель пуассон мор аужурдюи? (Какая клюет рыба?) За моей спиной шумно дышит Кока. На нем все снаряжение. В ведре удочки с красными флажками. Кока не знает, как с ними обращаться. Я тоже.

В магазине продавщица сказала Коке:

— Купите, не будете жалеть. Не знаю, как на них ловят, сама никогда в жизни не была на рыбалке. Но вы же рыболов — разберетесь!

Кока купил 10 удочек.

Светает. В бело-розовом безмолвии, как Будды, сидят рыболовы. Когда они успели занять свои места? Ночью, с вечера или несколько дней назад?

Просверлили первые лунки. Толщина льда около метра.

Кока не может справиться с тонкой леской. Она обмерзает и не идет ко дну. Закидываю удочку Коки. Объясняю, как вести себя дальше.

Сидим.

Не клюет.

Замерзаем.

А ведь где-то стоит рыба! Может быть, совсем рядом бродит косяк окуней!

Крутим новые лунки.

Снова впустую. У Коки пропадает интерес. Он начинает ныть.

— Вот Муза говорила...

Решаюсь сходить к Буддам.

— Как успехи? — спрашиваю одного из них.

— Сижу неделю. Ни черта. Вчера вечером вдруг пошел ерш, и я взял двух...

Чувствую себя неловко перед Кокой. Он слепо верил в мои необыкновенные способности. И вот пожалуйста: полное отсутствие клева!

— А что если попытаться на блесну? — спрашивает Кока.

— Попробуй. Но я не верю в эти блесны. Они летние, большие, и их будет пугаться вялая зимняя рыба. Зачем ты их купил?

— Но они такие красивые!

Я показываю, как обращаться с удочкой, но крупная блесна цепляется за неровности лунки. Мне это занятие надоедает, и я веду Коку к проруби, в которой деревенские берут воду и полощат белье.

Мы обрубили образовавшийся за ночь лед.

— Закинь, — сказал я.

Я твердо знал, что на такую огромную железку и в такой цивилизованной проруби рыба наверняка не клюнет. «Пусть поучится», — подумал я.

Кока опустил в прорубь блесну, подождал, пока она ляжет на дно, и стал подтягивать вверх.

— Так держать, — распорядился я и направился к своей лунке.

В этот момент в сельской тишине раздался истошный вопль. Я обернулся. Около проруби скакал Кока, а у его ног прыгал килограммовый окунь!

Остальные три дня Кока не отходил от проруби. Он разрешил мне один раз закинуть в нее удочку, но попросил в дальнейшем не мешать.

Больше Кока ничего не поймал. Я тоже.

Когда я дома рассказал все Евгении, она ехидно заметила:

— Поздравляю. Ты подарил миру еще одного психа. Теперь тебе не будет скучно.

— Мерси, — вежливо сказал я и ушел на кухню.

КАК СОЧИНИТЬ РЫБОЛОВНУЮ ПОБРЕХУШКУ

Все рыбацкие истории сочиняются по весьма несложным канонам.

Рыба попадается на крючок, и рассказчик или (а) вытаскивает ее, или (б) упускает.

Единственное различие — это порода рыбы, ее размер и внешний вид, а также снасть, которой толково (или глупо) воспользовался рассказчик.

Таким образом, можно сэкономить много времени и серого мозгового вещества, если автор будет просто-напросто заполнять нужными фактическими данными пропуски в нижеследующей схеме.

Историю стоит начинать вот так:

«Я немало повидал на своем рыбацком веку. Однажды близ ......ского побережья я поймал колоссального ..... и свирепую ..... Мне довелось видеть, как обезумевшая ..... опрокинула лодку. Но я не встречал ничего равного по мощи и изворотливости ......, которую мне довелось недавно подцепить на крючок».

Это — изумительно удобное начало. Схема работает одинаково хорошо, пойдет ли речь о сорокафунтовой щуке или сонном леще, похожем на полузатонувший башмак.

Затем автор представляет опытного спутника: обычно это человек сдержанный и немногословный — такой ход избавляет от необходимости рассусоливать длинные никчемные диалоги. С этого момента рассказчик берет на себя невинную роль кретина, а всю высшую стратегию передоверяет эксперту-лодочнику.

Итак, полный вперед к одному только Джо известному таинственному местечку. Прибыв к месту лова, рассказчик, как правило, чувствует себя разочарованным.

«Казалось, это — последнее место в мире, где можно надеяться поймать ..... Но Джо ворчит:

— Тут они, тут, здоровущие».

И Джо, конечно, прав.

Едва первая наживка (паук, муха, минога или плотва, насаженная на крючок-тройник) касается воды, как удочка изгибается дугой и леска с визгом разматывается. Следующие два часа проходят в напряженной работе. Автор вытаскивает одну ...... за другой, крупнее он в жизни не видывал. Одна из них настолько велика, что, пожалуй, потянула бы на весах фунтов ...... по крайней мере.

Но что это? Джо какой-то скучный. На губах у него бродит презрительная ухмылка.

— А большая-то ...... все еще там, — цедит он сквозь зубы, указывая на воду.

Вдруг в нескольких ярдах позади приманки вода забурлила и завихрилась, будто невидимая подводная лодка собиралась всплыть на поверхность. Я глядел как зачарованный. На мгновение появился гигантский хвост.

Авторская рыболовная снасть слишком хлипка для ...... таких размеров, но об этом думать поздно. С визгом разматывается леска. Рыба-левиафан выпрыгивает из воды и хлюпается обратно с громовым всплеском. Автор тщетно пытается смотать леску на катушку. Еще прыжки, еще нырки — этак на страничку с лишним. И затем «внезапно моя леска угрожающе ослабла и провисла. Как безумный я начал накручивать ее на катушку.

— Ушла, чертовка! — меланхолично проворчал Джо».

Теперь остается лишь описать, в каком невероятном виде предстала авторским глазам леска, когда автор наконец вытащил ее всю на поверхность. Неважно, из чего она изготовлена — из бараньей жилы, проволоки или цепи полудюймовой толщины. Результат всегда один и тот же: «Откусила напрочь! Безмолвное свидетельство того, что ...... встретила вызов человека — и победила!»

Рыбаки готовятся к возвращению домой. «Но вдруг вода снова забурлила, и мощная ...... всплыла на поверхность, показавшись во всем своем великолепии. Как бы в насмешку, она ударила хвостом по воде и скрылась — по-прежнему неуязвимая владычица «Кингмерского залива, Норфолкского озера, Верхнего Эвона и т. д. и т. п.».

Перевод с английского Марка Виленского

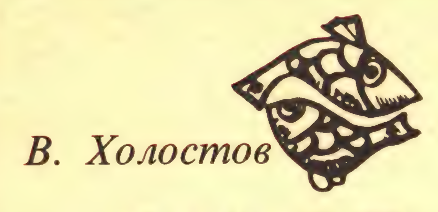

Каким быть спортивному рыболовству

Дорогá «ложка»...

В образцовом хозяйстве под Ростовом-на-Дону

В. Холостов

КАКИМ БЫТЬ СПОРТИВНОМУ РЫБОЛОВСТВУ?

По данным бассейновых управлений Главрыбвода, в Советском Союзе насчитывается 2,5 миллиона рыболовов, объединенных в различных спортивных обществах. Неорганизованных же рыболовов-любителей по крайней мере 10 миллионов.

Это не считая «поросль» — будущих спиннингистов, нахлыстовиков и кружочников: сейчас они в засученных штанишках и с неким подобием удочек в руках еще лепятся стайками на дебаркадерах, по берегам прудов и речек.

По подсчетам Татарского отделения ГосНИОРХ, любители на Куйбышевском водохранилище вылавливают столько же рыбы, сколько и промысловые бригады. На оз. Селигер спиннингисты вываживают за год 200 центнеров щуки (из расчета 4 тыс. лодок — всего по 5 кг за сезон на каждую), т. е. больше, чем промысловики. Рыбодобывающая организация вылавливает в среднем 10—12 кг рыбы (главным образом частика) с гектара в год, опытный же рыболов-спортсмен нередко вываживает половину этого количества за одно утро, не сходя с места. А если удить в недоступных промысловой тоне коряжистых и тому подобных особенно уловистых местах?

Любительские снасти нередко нацелены преимущественно на ценные породы рыб: на водохранилищах канала им. Москвы, например, 94% учтенного улова членов общества «Рыболов-спортсмен» составляет лещ, на Истринском водохранилище — 69% — лещ, 10% — судак и т. д. В 1970 году промысловый вылов рыбы во всех внутренних водоемах (без тюльки и хамсы) составил 5 миллионов 600 тысяч центнеров, а улов рыболовов-любителей — 1,5 миллиона, т. е. 27% промыслового. Это не считая ребячьей уклейки и карасей величиной с медный пятак...

Некоторые из этих цифр взяты нами из выступления заместителя начальника Главрыбвода Е. Н. Огнева, открывшего в 1971 году на страницах журнала «Рыбоводство и рыболовство» дискуссию о проблемах любительского рыболовства. «Мы, — справедливо замечает он, — уже не можем сводить любительское рыболовство к фигуре невинного рыбака с прозаической удочкой... Нет, все обстоит гораздо серьезнее, ибо на берега наших водоемов выходят теперь миллионы рыболовов, прекрасно оснащенных технически». Работники рыбного хозяйства все более отчетливо видят противоречие, наметившееся между развитием любительского рыболовства и наличием рыбы в водоемах. Природа уже не в состоянии возмещать урон, наносимый нами запасам пресноводной рыбы. Между тем удельный вес любительского рыболовства с каждым годом становится все ощутимее. Значит, необходимо помочь природе.

Но как?

«Любительскому рыболовству — разумную организацию» — озаглавил свое выступление тов. Огнев. Исходя из того что проблема любительского рыболовства перерастает в крупную проблему народнохозяйственного значения, он предполагает безотлагательно рассмотреть ее в различных аспектах — экономическом, социальном и правовом.

Все это верно: рыболовы, состоящие членами различных спортивных обществ, разобщены. Создавшиеся условия не способствуют воспитанию у них бережного отношения, заинтересованности в сохранении оставшихся рыбных богатств. Среди них господствует потребительский, а нередко и хищнический подход к дарам природы. Некоторые общества не против восстановления рыбных запасов того или иного водоема. Но средства, предусмотренные для этого, слишком малы, служба снабжения их молодью рыб не налажена. Даже сравнительно крупные ассигнования Росохотрыболовсоюза оказываются мизерными, если распылить их между имеющимися в его системе 5180 охотничье-рыболовными хозяйствами, 3800 базами, остановочными пунктами и Домами охотника и рыболова, раскинувшимися на 138,6 млн. гектаров земельных и водных угодий.

А что же хозяйства добровольно-спортивных обществ «Динамо», «Локомотив», «Спартак», «Труд», Всеармейского военно-охотничьего общества, союзов охотников и рыболовов Украины, Белоруссии и других союзных республик? Мало кому из них улыбается перспектива вкладывать денежки и работать «на чужого дядю». А практически получается именно так. Вот иллюстрация. За московским обществом «Рыболов-спортсмен» закреплено Истринское водохранилище. Общество затратило немало усилий и средств на воспроизводство здесь рыбьего стада. Между тем другие спортивные общества, построившие на том же водохранилище свои базы, каких-либо воспроизводственных работ на нем не ведут, довольствуясь вычерпыванием готовенькой рыбы. Заметьте, речь идет о популярном водоеме под боком у столицы, под самым носом всех ответственных за рыбу ведомств.

Если такое дозволяется обществам, то что же спрашивать с обычных любителей рыбалки? Да с них никто и не спрашивает. Лови себе на здоровье, только рыбнадзору в случае чего не попадайся! Вот и ловят они — кто во что горазд. Основная масса, конечно, на нехитрую поплавочную или донную снасть; те, что пожаднее — на подпуска, переметы и самоподсекающие жерлицы, а те, кому на законы и правила наплевать, и вовсе бредешком тихие затоны процеживают, багрят многокрючковыми багрилками судаков на Рыбинском море, стреляют нерестящихся щук, ловят лещей хищническим «кольцом» на Волге, лучат по ночам язей с острогой, а то и взрывчатку кинуть в омуток не прочь.

Кто же может спасти рыбу от массового хищнического лова? Только сами организованные массы рыболовов-спортсменов. Рассчитывать на органы рыбоохраны нельзя. Судите сами: на одного государственного инспектора рыбоохраны приходится в среднем свыше 12 тыс. гектаров озер и водохранилищ, 250 километров рек и береговой линии морей. Даже с помощью 62 тысяч общественных инспекторов навести нужный порядок и осуществлять действенный надзор за рыболовством госрыбинспекция не в состоянии.

Восстановлением же рыбных запасов занимаются фактически только рыбопромысловые организации, отчисляя на эту цель суммы, пропорциональные стоимости их уловов; немного тратит на рыбу Росохотрыболовсоюз и совсем пустяки — Всеармейское военно-охотничье общество.

— Все это потому, что нет настоящего хозяина на водоемах, — справедливо утверждают одни.

— У семи нянек дитя без глазу, — поддакивают другие.

В исчезновении рыбы третьи склонны винить лишь сточные воды, браконьеров и рыболовецкие бригады, «перевыполняющие» планы уловов.

И сравнительно немногие объективно оценивают давление на рыбные косяки пресса любительской ловли. В озерах и реках Карелии, указывают они, рыболовы-любители ведут массовый вылов мальков форели, лосося и хариуса, выпускаемых рыбоводными заводами. На озере Селигер вылавливаются завезенные из-за рубежа и не успевшие подрасти угри...

Сотни, тысячи откликов вызвала дискуссия о состоянии нашей любительской рыбной ловли. Суть их сводится к следующему:

— передать спортивным обществам водоемы на договорных началах;

— шире создавать государственные хозяйства с взиманием платы за право рыбной ловли в них: любительское рыболовство, как почти во всех странах Старого и Нового Света, должно стать платным;

— за многопрофильными обществами («Спартак», «Динамо» и т. п.), как показывает опыт, водоемы закреплять не следует, так как они не в состоянии уделять их развитию нужного внимания;

— снизить норму вылова с 5 до 3 кг в день;

— увеличить цену на основные рыболовные принадлежности, отчисляя разницу на воспроизводство рыбных запасов.

Прозвучали и иные мнения. «Мы работаем на электровозоремонтном заводе им. Ленина, — пишет в журнале «Рыбоводство и рыболовство» семья Волковых из Ростова-на-Дону. — Всей семьей в хорошую погоду выезжаем на рыбалку — в места, где бы не было шума машин. Рыбы ловим столько, что ее хватает только на уху, и то не всегда, но мы отдыхаем... А если послушать т. Огнева, мы должны лишиться и этого удовольствия. Нельзя ставить на одну ступень рыболова-любителя и рыбака, который «гребет» рыбу. Таких у нас единицы, а любителей тысячи. Лучше повести решительную борьбу с загрязнением водоемов, с браконьерами, а не с рыболовами-любителями».

«Вы скоро с нас и за воздух деньги брать будете!» — раздаются и такие возгласы.

Конечно же, все это далеко не так просто, как может показаться. Но ограничения, очевидно, вводить необходимо.

На наш взгляд, вплотную к этому примыкает проблема использования имеющихся баз и Домов охотника и рыбака. Угодья Московской и других густонаселенных областей, включая водоемы всех

калибров, давно и полностью закреплены за различного ранга обществами охотников и рыболовов. Там выстроены остановочные базы и причалы, имеются лодки, необходимый административный и обслуживающий персонал. Весной охота в этих хозяйствах длится всего десять дней. Неполностью бывают загружены остановочные пункты на берегу водоемов и осенью: через 3—4 дня после открытия охоты на водоплавающую дичь (в августе) делать там уже, как правило, нечего; бывают там охотники еще поздней осенью — в дни пролета северных уток. Одиннадцать же месяцев в году большинство таких баз и пунктов пустует.

Спрашивается: зачем же строить новые базы, приобретать лодки и прочий инвентарь, нанимать еще директоров, бухгалтеров, уборщиц и другой обслуживающий персонал, когда многое уже есть и ждет гостей? Не проще ли, скажем, объединить все эти разбросанные «эксплуатационные» хозяйства под одной сильной хозяйской рукой, наладить умелую рекламу, а главное, ввести в штатные расписания охотничье-рыболовных хозяйств должность ихтиолога или рыбовода? Чтобы кроме эксплуатации природных богатств они занимались их восстановлением. Ведь только в системе Росохотрыболовсоюза имеется несколько тысяч таких полупустующих хозяйств и баз. Пока же этот союз, а вместе с ним его краевые, областные, районные и городские общества, равно как и охотничьи ведомства некоторых союзных республик, уделяют спортивному рыболовству и рыборазведению неоправданно мало внимания и средств.

Очень нужны рыболовам комфортабельные охотничье-рыболовные дома отдыха, подобные «Крынкам» Украинского ООиР (с одним из таких домов, расположенном на Веселовском водохранилище возле Ростова-на-Дону, вы познакомитесь в нашем альманахе). Пора создавать санатории, где рыбалка была бы одним из основных лечебных мероприятий; ведь есть же такой санаторий на берегу Ладожского озера — в Приозерске, в устье быстроводной Вуоксы! Надо шире внедрять опыт Прибалтийских советских республик, где все пригодные для рыбалки водоемы приписаны к различным коллективам и клубам рыболовов, и те стали действительно их полновластными хозяевами.

Вопросы совершенствования спортивно-рыболовного сервиса, затрагивающие интересы миллионов советских людей, непосредственно вытекают из решений XXIV съезда КПСС, направленных на всемерное повышение благосостояния советского народа. По расчетам социологов к 2025 году в городах будет жить практически все население планеты. Значит, от года к году будет усиливаться тяга горожан к зеленым и голубым просторам. Уже не за 50—100 км от города, как сейчас, а намного дальше придется ехать рыболову в поисках тишины, чистого воздуха, мерцания прозрачных вод и шансов найти «мерную» рыбину. Кто же, как не специализированные хозяйства и базы, способны обеспечить рыболова кровом, постелью, катером, лодкой, мальком и живцами? В этом плане тысячи уже имеющихся хозяйств и баз таят в себе поистине неисчислимые, но неиспользуемые пока резервы. Нужно лишь проявить побольше инициативы, рвения, смекалки.

Итак, подавляющее большинство работников рыбного хозяйства, биологов и рыболовов считают необходимым как можно быстрее навести порядок на водоемах, ввести рыбацкую самостийность в организованное русло. Нет сомнения, что той же точки зрения придерживаются и читатели нашего альманаха. Настала пора подготовить и обнародовать общесоюзный нормативный акт, четко устанавливающий принципы спортивно-любительского рыболовства, равно обязательные для всех без исключения граждан, учреждений, ведомств. В основу новой организации, по-видимому, целесообразно заложить те же принципы, на которых строится спортивная охота (членство в Обществе рыболовов или охотников и рыболовов, закрепление за последними водных угодий, система разовых путевок в хозяйства, проведение во всех звеньях обществ необходимой культурно-просветительной работы и т. п.). Желательно введение обложенного госпошлиной единого рыболовного билета, дающего право рыбной ловли на водоемах, в том числе и не закрепленных за обществами и коллективами. Десятки миллионов рублей вступительных и ежегодных членских взносов и госпошлины, которые будут аккумулироваться на счетах обществ и республиканских бюджетов, обращать в первую очередь на охрану и воспроизводство рыбных запасов.

Отрадно, что первые шаги в этом направлении уже делаются. Исходя из того что современный (1972 год) уровень спортивно-любительского рыболовства становится тормозом на пути его развития, совет Росохотрыболовсоюза счел необходимым внести в Совет Министров РСФСР предложения о коренной перестройке любительского рыболовства, приняв за основу его организации закрепление водоемов за обществами охотников и рыболовов, охрану и расширенное воспроизводство рыбных запасов. Одновременно Росохотрыболовсоюз обязал правления своих областных, краевых и республиканских обществ шире развернуть работу по развитию спортивного рыболовства, и в первую очередь спиннингового спорта, сформировать сборные команды удильщиков и спиннингистов, регулярно проводить учебно-тренировочные сборы и т. п. Разработаны новые правила соревнований по спиннинговому спорту. В их основу положены международные правила таких состязаний. Предусматривается шестиборье (забросы на меткость в мишени Аренберга и Скиш и забросы на дальность грузиков весом в 7,5, 18 и 30 граммов), дополнительно вводится седьмое упражнение — ловля рыбы спиннингом на искусственную приманку...

Таким образом, в России, охватывающей большую часть территории Советского Союза, как говорится, лед на водоемах тронулся.

С. Виноградов

БАЛЛАДА О „ЛОЖКЕ"

Эта «ложка» имеет точное название согласно инструкции: «Сверло по льду с коловоротом типа «ложка» СПЛ-4», изготовитель — завод «Военохот» № 1, г. Реутово.

Служивший мне верой и правдой в течение двенадцати лет коловорот «ушел на заслуженную пенсию», и вот, побывав в ГУМе, я стал обладателем упомянутой «ложки». Возбужденный новым приобретением, я не обратил внимания на то, что, вручая покупку, девушка-продавщица поглядела на меня с явным сочувствием, как на человека, попавшего в беду. Этот взгляд я понял и оценил по-настоящему лишь после трех рыбалок с применением новой «ложки». Но не будем забегать вперед.

Вес новой «ложки» оказался в 1,5 раза больше веса моего старого коловорота, изготовленного 12 лет назад. Обнаружив это, я сказал самому себе: «Ого, прогресс существует!». Произвел подсчеты: при диаметре штанги 15 мм поперечное сечение имеет полярный момент сопротивления 0,67 см ^{3} и при предельных касательных напряжениях 2000 кг/см^2 допускает крутящий момент $0{,}67 \times 2000 = 1320$ кг/см. При вылете рукоятки в 19 см усилие (создаваемое одной рукой) составляет $1320:19 = 70$ кг!

... Власов, Жаботинский, Алексеев — вот какие фамилии замелькали у меня в голове, когда я стал думать о том, кто в состоянии развить такое усилие одной рукой. Для сверления лунки во льду требуется усилие не более 6—7 кг. С какой целью завод изготовил изделие с десятикратным запасом?

Может быть, для того чтобы в случае необходимости можно было просверлить и бетонную плиту?

А может, это сделано в интересах физической закалки рыболовов-спортсменов?

В самом деле, таская на себе изделие повышенной тяжести, рыболов безусловно закаливает и тренирует себя. Может быть, в этом и заключается «сермяжная правда»?

Вспомним, при каких обстоятельствах исчезли из продажи фарфоровые чайники и тарелки. (Об этом писали в нашей печати.) Предприятиям установили план выпуска продукции в тоннах, и тогда вместо жалких и пошлых тарелок стали изготовлять монументальные керамические изделия в целях успешного выполнения плана. Может быть, Реутовский завод «Военохот» № 1 тоже имеет план выпуска «ложек» в тоннах?

В инструкции подробно описано, какими движениями абразивных брусков марок ЭБ5 СМК и ЭБМ20 СТК следует затачивать режущую часть «ложки». У меня таких брусков не было, и я отправился в соответствующие магазины, чтобы купить их. В первом магазине мне сказали просто, что их нет в продаже, во втором — прежде чем сказать слово «нет», посмотрели на меня как на очень наивного человека.

Брусков этих я так и не нашел. А было бы полезно указать в инструкции адрес магазина, в котором можно купить эти бруски, а если их вообще не бывает в продаже, то указать, каким образом можно изготовить их самостоятельно.

На купленном мною изделии собственно «ложка» была прикреплена к штанге двумя болтами, причем концы болтов

были срезаны заподлицо с гайками и, таким образом, для постановки шплинтов места на болтах не оставлено.

После первой же рыбалки появился люфт у «ложки» относительно штанги. Я заглянул в инструкцию, но там такого пустяка, как люфт, предусмотрено не было.

После второй рыбалки люфт усилился и одновременно стали откручиваться и ослабевать гайки. Я поехал в магазин и приобрел солидные плоскогубцы. Это было здорово — ходишь по водоему и подвинчиваешь гайки!

И все было бы хорошо, но однажды (это было на третьей

рыбалке), замечтавшись, я забыл сделать «текущий ремонт», и один из болтов вслед за гайкой вышел от отверстия и тихо опустился на дно водоема.

Я показал товарищу, во что превратился мой инструмент. Он посочувствовал. Скоро ученики ближайшей школы будут собирать металлолом, и я с тихой грустью отдам им злополучное изделие Реутовского завода.

Единственное утешение я испытываю от того, что могу отдать на переплавку столь весомый кусок железа. Пусть вторично рожденный металл идет на плуги и бороны, на станки и двутавры. Одного бы мне не хотелось, чтобы этот металл еще раз попал на завод «Военохот» № 1.

Г. Надеждин

ВЕСЕЛОВСКОЕ, ПОКАЗАТЕЛЬНОЕ...

Один из участков Ростовского государственного лесоохотничьего хозяйства «Главохоты» РСФСР расположен на Веселовском водохранилище в 120 километрах от Ростова-на-Дону. Здесь умеют сохранять и приумножать рыбное богатство. В изобилии водятся в водохранилище сазан, щука, окунь, лещ. И хотя площадь акватории огромна — занимает более 100 тысяч гектаров,— работники хозяйства всегда знают, где, в какое время и какую рыбу можно поймать. Но не только богатством ихтиофауны привлекает Веселовский дом рыбака любителей рыбной ловли. Отличный благоустроенный отель, уютные дома-кордоны создают необходимый комфорт. Хозяйство предоставляет за соответствующую плату рыболовам-спортсменам и охотникам как номера «люкс», так и отдельные комнаты. Здесь можно заказать из своих продуктов завтрак, обед, ужин. В распоряжении гостей разнообразный водный транспорт и снаряжение для рыбной ловли. Опытный егерь проводит вас на место; можно на катере уехать к далеким островам — после зорьки за вами не забудут заехать...

Правда, за уловы надо платить. Не много. Но эти деньги идут на воспроизводство рыбы. Хозяйство проводит эксперименты не только по улучшению обслуживания и приема спортсменов-охотников и рыболовов, но также по охране рыбных богатств. Во время разливов охраняются нерестилища, здесь следят, чтобы сработка водохранилища не губила икру и молодь...

Ростовская рыбалка привлекает тысячи любителей. Если и вы захотите поехать на Веселовское водохранилище, рекомендуем списаться с хозяйством заранее: получить свободное место в сезон здесь считается такой же удачей, как поймать пудового сазана.

Хорошо налажен рыболовный сервис на Веселовском водохранилище

*Каков улов —
такова и уха.*

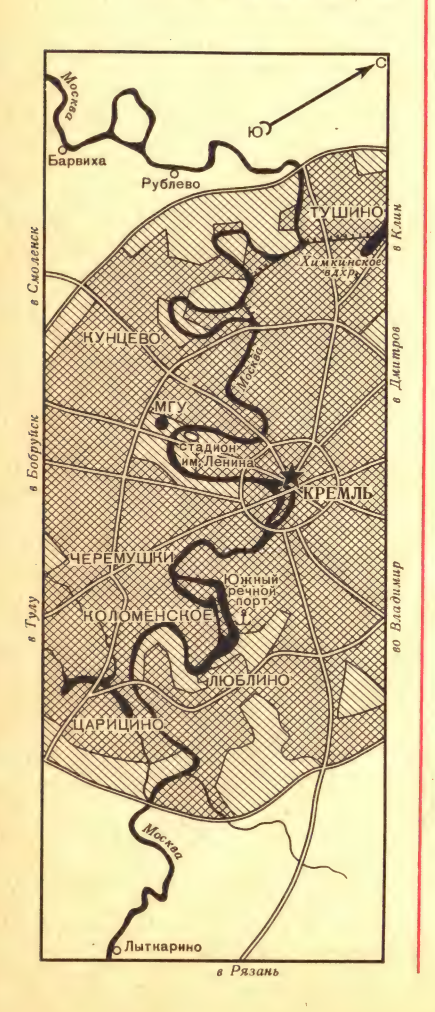
Лучшие трофеи можно увезти с собой в копченом виде

С
УДОЧКОЙ
И
РЮКЗАКОМ
N
S
Москва-река — вчера, сегодня, завтра •
На плесах Чулымшана и Башкауса •
Валдайские небылицы •
Рыбалка... в пустыне •
От Ковжи до Онеги •
Дары Приазовья •

Н. Бухаров

МОСКВО-РЕЦКОЕ УЖЕНИЕ

Ловля в проводку на движущуюся насадку увлекательна и добычлива. Приемы ужения несложны. Проводочная удочка проста: смастерить ее в домашних условиях под силу каждому любителю рыбалки. Давая оценку ловле в проводку, Л. П. Сабанеев почти сто лет назад писал о ней: «Всего совершеннее, по-видимому, москворецкое ужение с поплавком». Читателю будет интересно узнать, что способ этот родился на Москве-реке, в километре выше Кремля.

Во времена Л. П. Сабанеева река была мелкой, с быстрым течением, множеством перекатов, глубина на которых составляла 15—30 см. Только выше Бабьегородской плотины, построенной в 1836 году между большим Каменным и Крымским мостами для регулирования воды в реке, были подходящие глубины и замедленное течение. Здесь и практиковалась ловля в проводку. Вода, подпертая плотиной, пропускалась по одному из старых русел реки — водоотводному каналу, именовавшемуся москвичами «Канавой». К 1878 году Москва-река стала более глубоководной и ниже Бабьегородской плотины, так как ниже города были построены шесть плотин и открыто пароходное сообщение.

Река в черте города текла в легкоразмываемом грунте, состоящем исключительно из песка, глины, суглинка. Мягкость грунта обусловила бесчисленные повороты русла и размытые отлогие берега, затруднявшие ловлю в проводку с берега, поэтому ловили почти всегда с лодки. Отсюда и пошло бытующее до сих пор неправильное мнение, что проводка успешна только с лодки, между тем как в большинстве случаев она добычлива и с берега на небольшой глубине — надо только тщательно маскироваться, удить сидя.

Москва-река была тогда загрязнена спускавшимися в нее неочищенными стоками фабрик, заводов, кустарных предприятий и поверхностными зловонными потоками, стекавшими по открытым канавам. Во времена Л. П. Сабанеева столица не имела канализации. Только к концу 1898 года была канализирована незначительная часть центра города. Загрязнение реки отражалось на поголовье рыбы, особенно в месте выхода ее из черты города, где концентрация загрязнения была наибольшей. Но не следует преувеличивать эту беду. До известного предела загрязнение воды большинство рыб переносит безболезненно. Заслуживает внимания свидетельство самого Сабанеева: «На первый взгляд мыльные воды Неглинки и черные — Яузы должны быть смертельны для всякой рыбы... У всех водостоков на Москве-реке, хотя бы самых зловонных, всюду, где спускают краску с фабрик, всегда, особенно же весной, держатся или по крайней мере временами подходят даже голавль и лещ. За исключением очень немногих ядовитых веществ, отбросы фабрик и заводов или безвредны, или даже полезны для рыбы. Даже нефть, плавающая по нашим рекам в изобилии и смущающая многих ученых, вредна только тем, что сильно портит вкус рыбы, которая начинает отзываться керосином...»

Неприхотливыми к качеству воды Сабанеев называл плотву и язя, а загрязненную теплую воду считал гибельной для пескарей и раков. Эти наблюдения полезны и сегодня. Если в водоеме обитают пескари, а особенно раки, значит, вода достаточно чиста. Чем выше ее температура, тем опаснее загрязнение: в процессе окисления органических веществ содержание кислорода в теплой воде понижается гораздо быстрее, чем в холодной.

Нынешняя Москва-река в черте города совсем не похожа на прежнюю. После сооружения канала имени Москвы волжские воды подошли к Кремлю. В 1936 году Бабьегородская плотина была разобра-

на за ненадобностью. Сплошное зеркало воды, уровень которой поднялся на 2,5 м, тянется на 50 км — от Филей до Перервы. У входа реки в город и выхода из него стоят две плотины — Карамышевская и Нагатинская. С пуском канала река стала полноводной. Расход воды в ней повысился более чем в шесть раз и составляет без малого 50 кубометров в секунду.

Повысилась и чистота реки, правда, не на всем ее протяжении. В верхнем течении, до Рублева, вода Москвы-реки всегда была прозрачной. Ниже, до Шелепихи, она приобретала желтоватый оттенок: сказывался город с неизбежным, хотя и небольшим, загрязнением реки. Но на поголовье рыбы это не отражалось. Как в первые годы после пуска канала, так и сейчас здесь водятся пескарь, голавль, шереспер, лещ, ерш, окунь, щука, судак, не говоря уже о неприхотливых язях и плотве. В течение многих лет рыбачу я в районе Карамышевской плотины, и всегда здесь неплохие уловы.

В первые годы после постройки канала имени Москвы приходилось наблюдать рыболовов и в центре города, у электростанции МОГЭС, они ловили плотву и подъязка. Но с бурным развитием промышленности, отставанием в строительстве очистных сооружений, несовершенством их и из-за некоторых других причин воды реки загрязнялись из года в год все больше как в центре города, так и особенно на выходе из столицы. Лет пять назад в ряде мест содержание растворимого кислорода в воде доходило до 1,5 мг в литре воды при норме 4 мг. Какая-либо жизнь в такой воде невозможна. Сейчас река постепенно очищается, количество растворенного кислорода достигает уже 7 мг. Сказалось строительство новых надежных очистных сооружений.

Пропускная способность станций биологической очистки столицы ныне более 4 миллионов кубометров в сутки, что равно суточному расходу реки ниже города. Дно ее в пределах столицы очищается от грязи, накопившейся за многие века. В этой пятилетке предстоит поднять со дна около 8 миллионов кубометров осадков. На дно ляжет слой чистого песка, гравия. Одновременно производится очистка поверхности воды от мусора, древесины, тары. Постепенно река приобретает естественный цвет, вода становится более прозрачной. Об этом наиболее убедительно свидетельствует сама рыба.

Как уже говорилось, в реке выше Шелепихи обитают многие виды рыб. А есть ли рыба в остальной части реки в пределах города? Как показали контрольные отловы, почти на всех участках поселилась плотва, у Крымского моста и в районе ТЭЦ-20 обитает карась, у Лужнецкой излучины, рядом со стадионом имени В. И. Ленина, — окунь, а в Перерве, у Нагатинской плотины, — лещ. Значит, ниже Перервы обитают и другие виды рыб, более прихотливые к качеству воды.

Известно, что чем ниже по течению, тем воды реки менее загрязнены в результате естественного процесса самоочистки. Подтверждением тому служат мои наблюдения. Два последних лета я ловил в проводку в 60 км ниже столицы. Здесь неплохо брали на хлеб и манную кашу плотва и подъязки. Попадались уклейка, ерш, елец, щука, даже пескарь, хотя редко наблюдался окунь. В благоприятных условиях поголовье рыбы растет очень быстро, и скоро москворецкое ужение будет успешным на всем протяжении реки в пределах столицы, как во времена Л. П. Сабанеева.

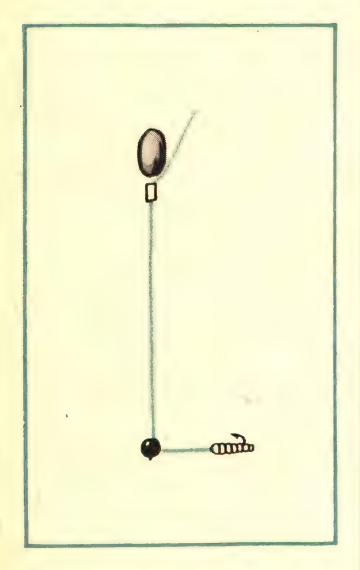
А какие изменения претерпел сам способ ловли в проводку за прошедшие сто лет? Главным из них я считаю проводку без течения — в условиях пруда, озера, водохранилища. Это значительно расширило границы москворецкого ужения, в числе трофеев рыболовов появились карась и другая рыба тиховодья, не исключая хищников при ловле на малька. Проплывом насадки здесь управляет рыболов с помощью ветра или движением удилища.

Изменилось и расположение на леске грузил. Огружение производят, используя не менее двух дробинок, чтобы предотвратить захлестывание крючка при забросе и избежать громкого всплеска, который неизбежен при одном крупном грузиле. Во времена Л. П. Сабанеева нижнее, самое мелкое, грузило — «подпасок» (диаметром 2—3 мм) закрепляли на леске в 7—9 см выше крючка; теперь для повышения чувствительности удочки расстояние уменьшают до 2—5 см. «Подпасок» играет большую роль при ловле в проводку. Он приближает насадку ко дну и благодаря своей легкости не препятствует наживке идти впереди поплавка и верхней части поводка. В таком положении рыбе удобно брать насадку и вернее бывает подсечка. Для этого после заброса насадки надводную часть лески не кладут на воду, а держат натянутой, слегка придерживая поплавок. Это очень важный момент ужения.

Очень эффективны для активизации клева несвободные наживки. Прежде всего они достигаются приостановкой движения. Рыболов останавливает поплавок, леска ниже его натягивается, выпрямляется, насадка начинает приподниматься ото дна. Рыба, видя ускользающую добычу, жадно хватает ее. Второй прием, более результативный, — ловля на насадку, волочащуюся по дну. При ровном дне вместе с насадкой волочится и нижнее грузило. Если дно неровное, то грузила сдвигают повыше, до 50 см от крючка, чтобы волочилась только насадка.

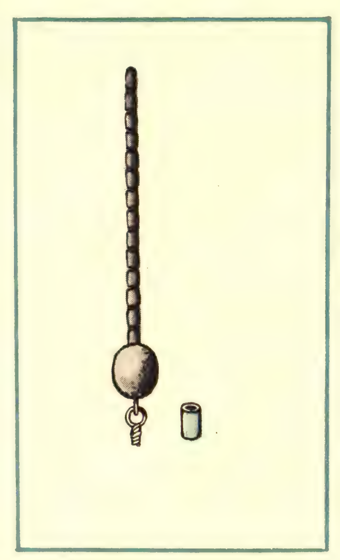
Новый способ ужения в проводку — ловля на медленно тонущую и медленно всплывающую насадку с поплавком, погруженным в воду. Ловят коротким удилищем длиной 1,5—

3 м с леской такой же длины, маленьким веретенообразным зимним поплавком, огруженным дробинкой диаметром 3—4 мм. Под тяжестью дробинки и насадки поплавок должен тонуть очень медленно. Чтобы насадка не прижималась к леске, последнюю защемляют в грузиле под прямым углом на 2—4 см выше крючка (рис. 1). Поплавок на леске

закрепляют так, чтобы с насадкой, лежащей на дне, он был погружен возможно глубже, но в пределах видимости. Насадку опускают постепенно. Поплавок, коснувшись воды, начинает медленно тонуть. Дав насадке полежать несколько секунд на дне, удилище не спеша поднимают. Как только поплавок коснется поверхности воды, удилище вновь опускают, и насадка опять медленно погружается. Ловят с берега, плотов, мостков, причалов, лодок, а зимой — со льда (короткой удочкой). Особенно успешна эта своеобразная вертикальная проводка — в окнах водяной растительности, в водоемах, густо заросших у берега.

Оригинальная новинка — всплывающий поплавок (рис. 2). Он состоит из оливки (сделанной из пробки или, что лучше, из пенопласта), имеющей необходимую плавучесть (грузоподъемность). В оливку вставлен стерженек (из дерева или пластмассы с удельным ве-

сом около единицы) толщиной 2—3 мм и длиной 10 см. Стерженек не должен обладать излишней плавучестью. Появление такого поплавка вызвано тем, что при ловле в проводку в водоемах со стоячей водой или на медленном течении многие рыбы (плотва, лещ), взяв насадку, приподнимают ее, и стерженек выползает из воды. И пока оливка находится под водой, рыба не чувствует тяжести грузила, так как стерженек в воде практически невесом. При поклевке вниз на быстром течении верхушка стерженька, возвышавшаяся на 5—10 мм над водой, скрывается под воду. При этом стерженек из «тяжелого» материала не оказывает заметного сопротивления рыбе. Всплывающий поплавок обладает повышенной чувствительностью, он значительно лучше обычных поплавков и при ловле поплавочной удочкой на неподвижную насадку.

В заключение несколько слов о ловле без поплавка в местах с быстрым течением и неровным дном. Л. П. Сабанеев называет это ужение «волжским», добавляя, что оно и «есть то же ужение «в проводку», только на более быстрых местах... Ловят большей частью (но не всегда) без поплавка, с тяжелым грузилом, на вязовые удилища около 5 аршин длины... пускают насадку так, чтобы она шла вершка на два от дна...»*.

Один из авторов книг по спортивному рыболовству неправильно назвал это ужение «ходовой донкой»: «По существу, ловля на ходовую донку является вариантом ловли в проводку без использования поплавка»**. Название «ходовая донка» неверное, оно не отражает существа ловли. Вот что писал по этому поводу знаток рыболовного искусства Ф. П. Кунилов: «Некоторые рыболовы называют этот способ ловли «покатной», или «бегучей» донкой, или просто «катком». Мы называем его донной проводкой, поскольку рыболов ловит с лодки и управляет снастью во время ловли. Под донной же подразумевается снасть, лежащая на дне неподвижно»***.

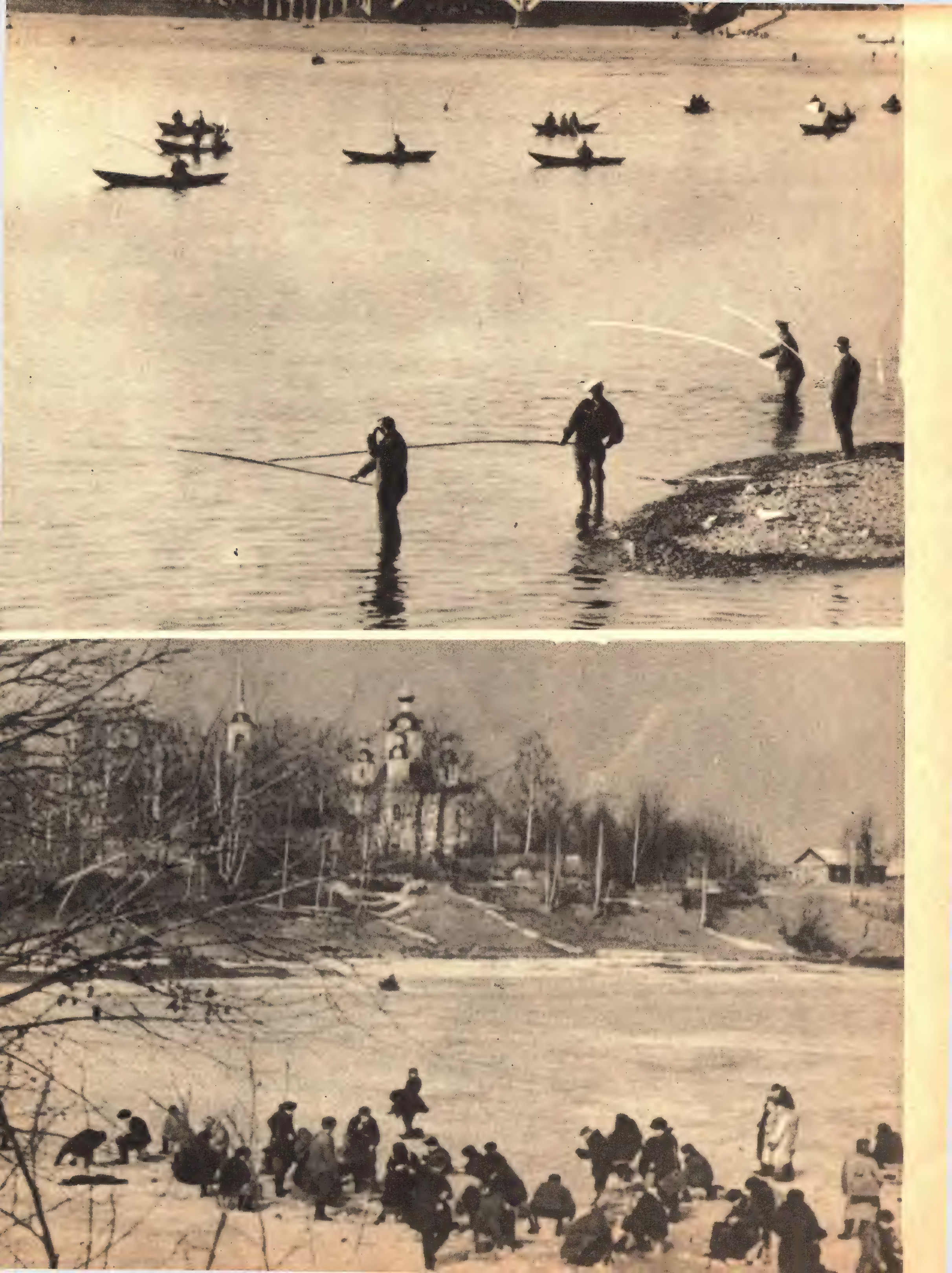
На этом мы заканчиваем наш рассказ о москворецком ужении. Хорошее знание этого вида рыболовного спорта и основательное владение им позволят успешно ловить на самых различных водоемах страны, в том числе и не богатых рыбой.

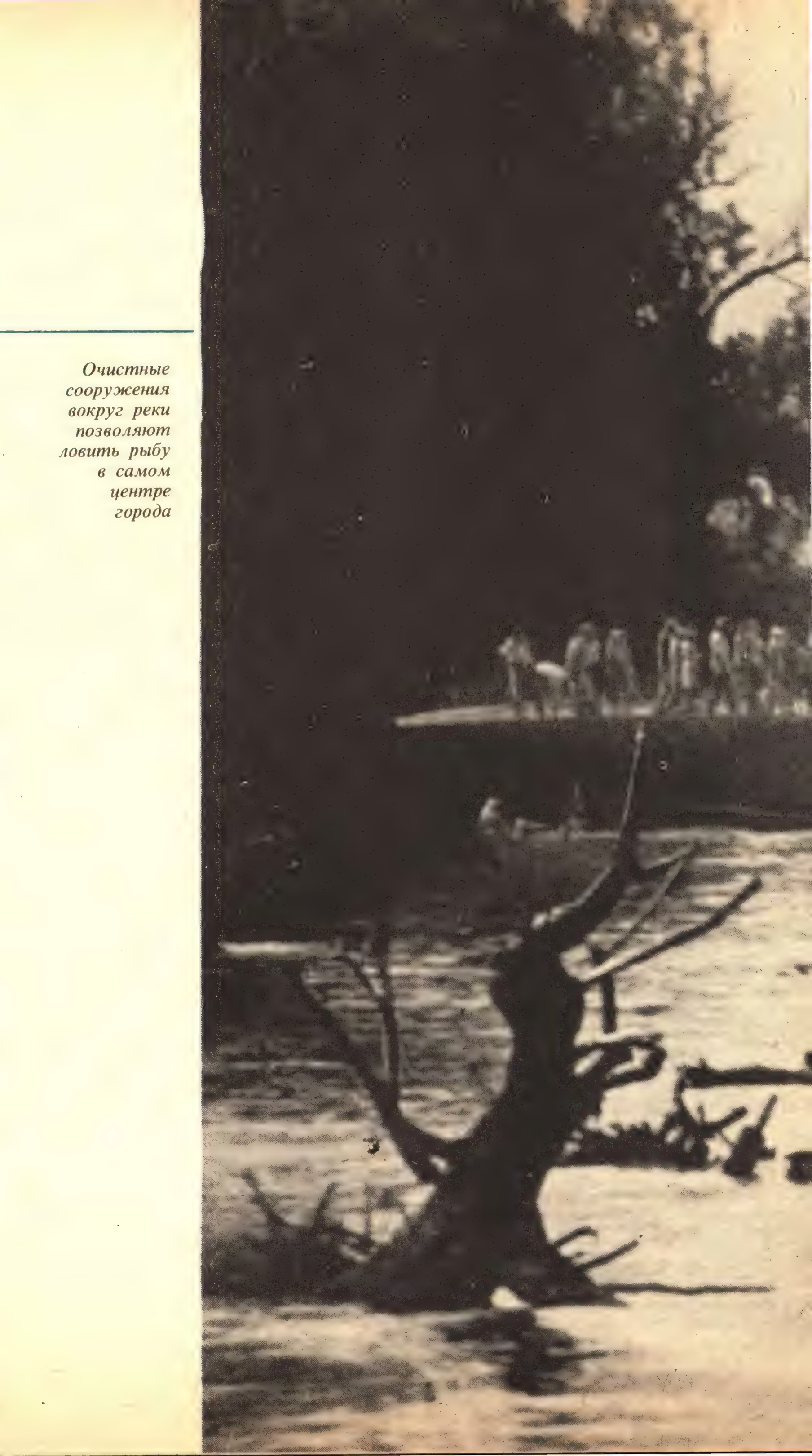
---

* *Л. П. Сабанеев. Жизнь и ловля пресноводных рыб. Киев, 1960, стр. 454—455.*

** *В. Б. Сабунаев. Спортивная ловля рыбы. Л., 1957, стр. 110.*

*** *Ф. П. Кунилов. Ужение рыбы в проводку. Л., 1958, стр. 60.*

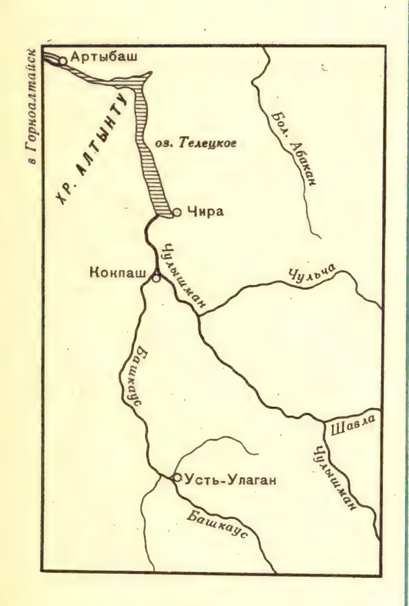

Очистные сооружения вокруг реки позволяют ловить рыбу в самом центре города

Р. Повилейко

У ТЕЛЕЦКОГО ОЗЕРА

ОСОБОЕ РЫБАЦКОЕ ИМУЩЕСТВО

Разговор о рыбацком имуществе в путешествиях — особый. Здесь дилетантизмом не отвертишься. Взял я спиннинг, правда, одноручный и то минимальное, что необходимо к нему. Василий Алексеевич Менкушев, приземистый длинноволосый старик алтаец, прикинул на ладони одну из моих блесен («Маловата — не полетит») и дал свою, самодельную, потяжелее («Все равно оставишь в реке»). Два часа под дождем прокидал я в первый же день на Чулышмане спиннинг, пока не оторвалась леска и не улетела на середину реки тяжелая самодельная блесна. Другие не пошли.

Василий Алексеевич захватил с собой в чехле двуручный складной спиннинг и пару дней таскал его с собой на глубинные места под бомами. Ничего не вышло даже при его умении — всего пара таймешат взялись. Время было такое — август, крупный таймень уже спустился в Телецкое озеро, а таймешат осталось по верхним рекам совсем немного. Видели мы с Василием Алексеевичем у одного парня самодельный металлический, трубчато-алюминиевый складной спиннинг. Как-то этот парень алтаец, тоже, видно, умелый рыбак, оказался со своим великолепным спиннингом на одной излучине с Василием Алексеевичем. Василий Алексеевич отогнал его чуть-чуть: «Отойди или повыше, или пониже, все равно». Вот так — «все равно» — мог сказать только исключительно уверенный в себе рыбак; обычный рыбак старается забраться вверх по реке, повыше других. И что же? На том же самом месте, отложив спиннинг и запустив самодельную снасть, Василий Алексеевич брал впятеро-вшестеро больше своих коллег. Мастер.

Видел я удачливых рыбаков с удочками. Но это уже были не удочки, а настоящие уды, 6—7-метровые, дважды надставные, специально крепленные по длине. Они забрасывали их с высоты, с бомов и наловили на червей много крупных хариусов. Но червей на Чулышман они везли с самого Горно-Алтайска, подобрав дополнительно их еще и в Артыбаше. На Чулышмане что удивительно: земля такая — песок, червей совершенно нет. Так вот, набрали они в Горно-Алтайске червей длинных, больших, но тряска в машине многих поубивала.

Снасть рыбацкая у Василия Алексеевича «удачливая» и в Сибири широко известная. Называет он ее «самодур» или «самодер». Название любопытное, даже, пожалуй, удачное, и каждый раз обыгрывается рыбаками при неудачном или удачном лове. Из легкого, окрашенного в голубой цвет дерева сделан неразборный (разборный хуже) кораблик-катамаран длиной где-то не более трети метра. Его и деревянный поводок в руках соединяет длинная, обычно стометровая, леска. Как только распускаешь леску, кораблик начинает прыгать на воде, разворачивается против течения устойчиво и бочком стремится уйти к противоположному берегу, натягивая струной леску. На леске подвешены на полуметровых жилках 9—10 «мошек», не более. Их-то и берет с размаху жадный, но осторожный хариус.

— Слушай, как он делает эти мошки? — расспрашивал меня потом в Новосибирске заядлый и опытный рыбак Константин Андреевич Нассонов, декан моего машиностроительного факультета в Электротехническом институте. — Ну, я за день штук 5—6 чебачков возьму на ушицу. И то хорошо. Весь день просижу. А ты говоришь, он за два часа 50 хариу-

сов берет. Как он их берет? Самодуром берет?

— Самодуром.

— Ну, знаю самодур. Основная леска 0,5 миллиметра?

— 0,5.

— Жилки по 0,2?

— По 0,2.

— А «мошки» какие?

— Клеит он их суперцементом. Глазки делает. Крылышки делает.

— И я все так делаю. Суперцементом клею. Слушай, попроси у него одну «мошку» для образца, пусть вышлет почтой. Ведь вроде, как у него, все делаю...

Ну как объяснить рыбацкий секрет? Ведь не объяснишь же волшебство рук. Помню, как поднялся Василий Алексеевич в 5 часов утра и на рыбалку до полудня. А днем, надев очки, у окна стал клеить «мошки» из подобранных шерстинок разного зверья и разного нападенного тряпья. Подбирал он все в какой-то свой тон, выдавливая по полкапли суперцемента из желтого польского тюбика. Потом закурил и, разглядывая новые «мошки» на свет, стал прижигать их торчащие усики сигаретой:

— Хариусы все видят.

— А почему просто не подрезать ножницами?

— Тогда жестче будет, плохо.

И снова во втором часу дня, теперь уже до позднего вечера, отправился вниз по Чулышману. Под локтем голубенький самодур, через плечо клеенчатая сумка для улова. Долго еще в кустах, за ручьем, и далее к берегу слышалось тяжелое древесное похрустывание и табачный кашель человека, навстречу которому уже где-то стремилась завороженная им стая хариусов.

ХАРИУС — РЫБА НЕЖНАЯ

Хариус — еда царская. Только царь всея Руси, ручаюсь, хариусов не едал. Слыхом — слыхивал, видом, может, и видывал соленых харюзишек с черными кнопками-боковинками, только соленый хариус — это уже не тот хариус. Рыба приятная, вкусная, но где ему до свежего хариуса! Можно, конечно, похвалиться и вяленым, и копченым хариусом, но им до свежатины далеко. Нет, своей царской еды — настоящих, свежих хариусов — царь, конечно, не едал. А я едал, да еще как!

Хариус — рыба нежная. Вечером его поймаешь, положишь под мокрую тряпку, а утром берешь вверх брюшком, только прихватишь нож, а он, — под пальцами рвется, продавливается. Конечно, и для варки, и для жаренья еще годен, но ведь уже не тот, вчерашний, хариус.

Хариус — рыба горная, холодолюбивая. И вода ему нужна определенной температуры, не выше 10—12° С, и давление водяного столба определенное (не менее 50—70 см), и проточность ему нужна быстрая и бурная, и минеральность ему этой воды подай такую, как в своей алтайской реке. Чуть что не так — брюхо вверх, и до свиданья царское удовольствие!

Сколько туристов я видел на Алтае и почти столько же одинаковых рассказов: «Ох и крупных мы видели хариусов! Вырубили удилища. Стоим на стыке двух рек. В лоб ударяют два мощных потока и сворачивают вправо и опадают в течении. Текут недолгое время ровно, тихо. Здесь дно просматривалось очень отчетливо и на фоне камней хорошо видны огромные рыбины. Только крупный хариус не захотел брать. Так и остались наши хариусы в реке плавать». В рекламных алтайских проспектах обязательной считается такая фраза: «Хариусы — рыбы семейства хариусовых, близких к лососевым; водятся в горных речках, мясо превосходного качества». В просторечье алтайском его называют харюзом, хайрусом, хайрузом. Вслушиваешься в название, и словно на зубах корочка от свежего каравая хрустит — такая даже на слух вкусная рыба.

Таежные звери более хитры и удачливы в поимке хариусов, нежели многие из нашего брата приезжих с великолепной рыбацкой снастью. Как-то в одну из центральных газет с лесосплава на Бирюсе пришло письмо. Повадился к ним поутру громадный медведь — сталкивал кряжи штабелями в реку с шестиметровой высоты. Работа — ничего, нужная. Но работал медведь по-разному: то полштабеля в реку, то несколько бревен. И каждый раз после работы убегал вниз по течению. Что там ему? Подсмотрели. Оказывается, лесной Михаил Иванович сбрасывал бревна с умыслом, пытаясь попасть в косяки идущих хариусов. А когда попадал, то быстро сбегал к пологой излучине подобрать глушеных вкусных рыб.

Когда пришли на место, Василий Алексеевич Менкушев, оставив меня разбираться со всем хозяйством, сразу же распустил самодур и тут же взял хариуса. А потом они пошли один за другим. Делая странные движения и подергивания, Василий Алексеевич пошел вниз по реке медленно, осторожно, отходя назад на шаг, подтягивая кораблик и снова возвращаясь.

— А почему не вверх идешь? — спросил я, думая что в этом случае можно наткнуться на большее число хариусов (навстречу же!).

— Хариусы вниз идут, по реке скатываются. Это когда вода тихо стоит — кверху можно идти.

В первый день Василий Алексеевич взял 51 хариуса (включая нескольких полукилограммовых) и двух таймешат. Из хариусов сразу же сварили уху, таймешат, отрубив головы и хвосты (для новой ухи), пустили на сковородку.

Василий Алексеевич отрабатывал на рыбалке 10—12-часовой рабочий день: с 6—7 утра до 11—12 дня, затем после обеда с 1—2 часов до 8—9 часов вечера. Я восторженно радовался каждому новому рыбацкому дню. Однако Василий Алексеевич говорил, что рыбалка плохая, что есть хариусы крупные, и все жалел, что не захватил червей.

С каждым днем все больше и больше влаги набегало с неба, становилось все дождливей и дождливей. Последние рыбацкие дни в долине я целыми днями не видел голубого клочка над головой — все серым-серо. От горы, от слышных дальних водопадов, над высокими деревьями не спеша шли поперек долины длинные, клочковатые даже на вид холодные облака. Давление падало — хариусы при потрошении кровоточили.

В первые рыбацкие дни, когда в долине было жарко и сухо, Василий Алексеевич учил меня вялить хариусов («коптить научимся в другой раз»). Вот я и вялил хариусов — обычная судьба второго, не приспособленного к настоящей рыбалке члена команды. Только вялить хариусов — это тоже тонкая рыбацкая наука. Вот как это делалось на Чулышмане — Башкаусе:

— сначала хариусов надо поймать, принести в клеенчатой рыбацкой сумке и вывалить на чистую фанерку;

— в руке расправить их в линию (затекли дугами наброcанные в сумки), взрезать между плавниками от головы до выходной щели голубое брюшко и пальцами выхватить плавательные пузыри и кишочки с кровью;

— брюшко по стенкам не мыть, просто пальцем вывести сгусточки крови наружу и все — иначе плохо ляжет потом соль;

— бросить в брюшко горсть соли, протереть по стенкам соль («Сколько соли?» — «Натирай. Хариус сам знает сколько. Сколько нужно — столько возьмет в себя»);

— сложить хариусов ровными рядами в деревянный или фанерный ящик, присыпав сверху солью крупно (к утру из щелей на землю побежит прозрачный остросоленый раствор);

— через день-полтора промыть хариусов в реке, повыдергав жабры и сведя в воду кровяные сгустки, так, чтобы смотрелась голубовато-белая нежная плоть на тонких косточках;

— проткнуть каждого хариуса из правого в левый глаз острым концом длинной жесткой проволоки, натянуть ее в струну между деревьями, ежели нужно, подпереть середину провисающей проволоки жердиной;

— развести хариусов по проволоке друг от друга на палец-полтора, расправленными открытыми брюшками к солнцу (иногда в больших хариусов можно вставлять щепки-растопырки, чтобы брюшки были все время солнцу настежь);

— отгонять изредка больших зеленых мух (от мелких домашних мух ничего не сделается) или же весь ряд хариусов обернуть большими листами марли, достаточно в один слой;

— часа через два-три снова расправить ссохшиеся брюшки, развести их в стороны и ножом осторожно счистить горки желтоватых личинок, которые через день-два становятся червями; особенно внимательно заглядывать в голову и под позвоночник в конце;

— уже через два-три часа на жарком солнце и особенно на ветру нежность хариусов покрывается пленкой, и тогда им уже мухи не страшны — на сухое они не садятся; можно их оставлять — вывешивать и на ночь, когда мухи не летают, но этого мы не делали из-за крупной горной росы и мелких дождей, просыпающихся здесь обычно под утро;

— в дождь хариусов прямо шнурами следует сразу же, не дожидаясь первых капель, заносить в дом и можно даже устроить подкопчение, разведя на ночь костер и закрыв все большие дыры, но этого мы тоже не делали.

Вяление шло с 12 до 5 — это то время, когда в долине пребывает солнце. День идет на убыль, сокращаясь каждодневно на 10—15 минут с обоих концов. В последние рыбацкие дни солнца не хватало, и мы вывезли ящик засоленной мною рыбы. Это вдобавок к трем пятиметровым шнурам завяленных хариусов. (Просоленные хариусы доводились до «свежего состояния» на кухне легко — надо было только их вымочить в холодной воде часа 3—4, пару раз сменив воду. И жарь!)

А теперь о ГРО или точнее ГРХО — главном рыбно-хариусовом обеде. Он случился у нас один раз, вполне стоил своей единственности и примечателен был каждым из трех задуманных блюд — двойным первым, уникально-одинарным вторым, запахами и божественным вкусом. Сначала крупными штрихами: для начала был сделан суп, в качестве переходного блюда — уха и завершали божественный пир панированные в сухарях хариусы под грибами.

Приготовленный густой суп я назвал весело «кок-паш» — по стоглавой вечносиней горе Кок-паш, под которой мы сидели на Башкаусе. Потом мне Василий Алексеевич объяснил, что это очень удачное название, так как зеленое и голубое обозначается у алтайцев иногда одним словом «кок». Главной частью супа была подаренная нам в нескольких крупных кусках баранина, засушенная по-хакасски: в соленой воде держана до закипания, а затем на противне заложена в русскую печь томиться. Засушенную таким жаром баранину сколько хочешь можешь дер-

жать. Суп был из всего: эта баранина, полдюжины малосольных огурцов, много лука, две головки дикого лука (который, отварив крепко, ели со сметаной в войну), немного перловки, немного грибов, масла и еще чего-то, кроме специй. Густо, вкусно получилось. Жирный, белесо-зеленый суп — истинный «кок-паш». Ни в одном ресторане не приготовят — скажут нет компонентов таких.

По соседству, на том же костреце, в полукруглом котелке доходила до кондиции густая и чистая уха почти без крупы, но чуть-чуть картошки для вкуса и запаха. Ложка стояла в 15 хариусах и четырех парах таймендьих голов с хвостами, оставленными от жаренья специально для ухи.

— Вот это и есть стоячая уха, — сказал Василий Алексеевич. — Не видал такой еще? Здесь в рыбе самое вкусное — голова.

Василий Алексеевич вынул большой плоской ложкой рыбу из ухи, разложил ее, дымящуюся, рядком по газетке и присолил каждую вдоль от головы до хвоста. Так, оказывается, вкус разваренного хариуса более отчетливо выражен.

Поджарившуюся рыбу сложили маленькой поленницей в невысокую широкую плошку, соскребли со сковороды поджарки, слили туда же выжаренное масло и, прикрыв другой металлической плошкой, поставили в уголья. Освободившуюся сковородку заново долили маслом, заложили до краев грибами — и на огонь!

Грибы эти я сам набрал шутя минут за двадцать у недальнего бома, замыкавшего проезжую часть долины Башкауса. Ведро грибов.

СЛАДОСТНАЯ РЫБАЦКАЯ НОША

Всему приходит конец, нашей рыбалке — тоже. Сегодня — в обратный путь. Пока Василий Алексеевич обходил со спиннингом ближние чулышманские плесы, я пересмотрел в ящике засоленных хариусов — убрал лишнюю соль. Затем прибрал рюкзаки, палатку, прибрал избушку, разложив для следующих за нами путников на полке соль, пшенку и немного сухарей. Затем принялся за приготовления к последнему чулышманскому завтраку — принес воды и залил ею котелок в расчете на оставшиеся полбанки тушенки.

— Не пересолил? — спросил я подошедшего друга.

— Попытки были, — сказал Василий Алексеевич. — Сейчас наторкаемся как следует и в путь.

Это его любимые словечки от войны: «наторкать» или же «подрубать». Он был в Сибирской дивизии на Северо-Западном фронте.

— Башкаус держим в одной руке, — сказал Василий Алексеевич, проверив и сложив в мешок провяленных хариусов.

Затем, заново перебрав свои вещи, особенно в рыбацкой их части, переложил их по-своему, взвесил сильной рукой оставшуюся от путешествия тяжесть:

— А рукзак тяжелый.

Он так и сказал — не рюкзак, а рукзак. В его алтайском звучании «рукзак» — от слова «руками». Я замечал все эти мелочи, потому что уже давно сидел в углу на слежавшемся сене и смотрел на него. Я уже пересмотрел все свои записи, перечитал нервно все обрывки газет. И чего канителиться так?

— Собираемся — собираемся, одеваемся — одеваемся. Три часа все. А пойдем десять минут.

Василий Алексеевич:

— Все должно быть со смаком!

Ну вот попробуй на него сердиться!

Мы еще раз напоследок осмотрели избушку, притушили водой остаток кострища, подперли двери избушки колом и, прихватив обвязанный проволокой ящик с хариусами (палку просунули в завязь ящика), двинулись шаг в шаг гуськом к Чулышману. Василий Алексеевич первым, выбирая тропу, я за ним, примеряясь к колыханию ящика. Шли мы по ущелью, останавливались передохнуть каждые 300—350 шагов. Руки мои дрожали. Причем я сзади менял попеременно руки, а Василий Алексеевич, как всовывал в одну руку конец палки, так и шел, не сменяясь, ровно и тяжело до нового передыху.

Было солнечно, но временами покрапывал мелкий слепой дождь. При такой работе и в таком пути он был даже приятен. Обсыхал быстро, оставляя на лице и руках приятную прохладу. Только здесь, в пути с Чулышмана, я увидел, в каком окружении мы жили. Всё слева вплоть до берега реки и всё справа вплоть до крутой горы — березняк. Белоствольные красавицы-березы, пониклые здесь, обгоняли редкие сосны. Изумрудная колоннада в голубом обливе чистых небес замыкала наш путь и сзади и спереди. Все береза, береза, береза.

Вышли к реке. Я сел под густой березой у двух столбов, бывших когда-то паромом, дожидаться Василия Алексеевича, подошедшего с самодуром. Прошел стрекозой вертолет. Явно от Артыбаша. Но куда? Вдоль Чулышмана, Башкауса и далее. На Улаган что ли? Это хорошо, что вертолеты ходят, значит, есть большая вероятность того, что в означенное время из Артыбаша в Горно-Алтайск улетим...

На реку бросили миллион серебряных точек — начался дождь. Потом вся река стала серебряной, как рыба, и только местами оставалась зеленой. Потом искорки остались полосой прямо передо мной. А потом искорки стали собираться вместе — заиграли после дождя мальки. Серебряные точки — кружочки, рябь — штрихи, рябит в глазах — это ветерок с горстями дождика. Коровы с белым бычком отсиделись в дождик на мыске и затем перешли знакомым бродом ко мне на правый берег.

Вернулся Василий Алексеевич с небольшим гостевым уловом для Артыбаша (там ночевали и еще придется ночевать). В две руки переехали тяжелой лодкой Чулышман. Сносило — ух ты! Вышли к сельсовету. Там уже стоял знакомый тряский самосвал с металлическим кузовом. Увозили людей к Кырсаю на последний сенокос. Забралось кроме нас в грузовик человек десять: старуха тощая с побитыми синими ногами, которую весело втаскивали на борт; однорукий алтаец — бригадир, который побьет кого хочешь одной рукой и делает любую работу; семья с грудным ребенком и другие.

В машину на шоферское место сел вдрызг пьяный тройным одеколоном молодой алтаец. Вел он машину мастерски, на сорокакилометровом участке вдоль замкнутой горами долины Чулышмана он знал каждую ямину, каждый камень. Довел машину до Турбазовской пристани с пустыми баркасами без парусов, вышел и свалился пьяный под куст отсыпаться.

— Если алтаец начинает пить, то он не кончает, — сказал Василий Алексеевич.

До теплоходной пристани от Кырсая нам еще предстояло идти километра 3—4 по болотам и полупросохшим протокам наискось через устье Чулышмана.

Появились забытые мною комары. «Да что ты! — успокоил Василий Алексеевич. — Это же полкомара».

Устье Чулышмана мы прошли неожиданно быстро, почти без остановок. Вышли к выжженному прошлогодним пожаром склону хребта Алтынтау. Стоит желтый, цвета речного песка, мертвый лес. Обугленные стволы деревьев, следы развеянной золы. Обычно таежные пожары палят по выбору только кедры со смолистой их хвоей, не трогая лиственниц, лишь оставляя на их основаниях черные следы. А здесь шел сплошь кедрач. И вот осталось выгорелое мертвое царство. Много еще пройдет времени, пока природа наберется сил, взрастит здесь лес, породит заново говор лесной жизни.

Каменная осыпь хребта, выбранная для пристани теплохода, была уже вот, рядом. И случилось же такое: переправлялись по жердинам через проливчик, и я — в воду. А потом Василий Алексеевич потащил на загорбке ящик с рыбой и тоже повалился в воду. Кричит:

— Рыбу спасай! Рыбу спасай!

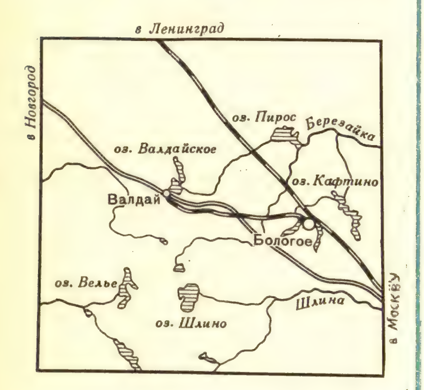
Я как был в башмаках и одежде — в воду во второй раз. А вода холодная в Чулышмане, не более десятка градусов. Поддержал друга, помог ему выбраться и так с ящиком побрел вдоль жердей через протоку.

Где сушиться! За деревьями у камней теплоход шумит, капитан говорит в мегафон. Так и побежали, потрусили мокрые. Так мокрые и взошли на теплоход. Так мокрые в Артыбаш и приехали. Но рыбу-хариуса спасли, довезли до места в целости и сохранности.

Б. Александров

ВАЛДАЙСКИЕ НЕБЫЛИЦЫ

Мне не раз приходилось слышать от моего приятеля, что дед его на Валдае двенадцатикилограммовых щук снимает с жерлиц. А трехкилограммовых окуней-то по 10—15 штук за зорю вылавливает. Приятель не рыбак, и я подозревал, что в его глазах дедовы трофеи увеличивались в пятикратном размере. Но все-таки Валдайские небылицы не давали мне покоя. Как-то вечером я раскрыл охотничье-рыболовную карту «Подмосковье» и в верхнем левом углу — на северо-западе — нашел город Валдай. Большое озеро, на берегу которого приютился этот древний городок, находилось вдали от промышленных центров. Я почему-то окончательно уверился, что в этом месте непременно нужно побывать.

И вот зимней ночью я вышел из поезда на станции Валдай. В морозной мгле город спал глубоким сном. Я побрел в здание станции. Устроившись поудобней, я решил вздремнуть, но в это время хлопнула дверь, и передо мной появился милиционер. Немолодой, со строгим лицом, он огляделся кругом хозяйским взглядом и спросил:

— С поезда?

— С поезда. Вот порыбачить приехал. Говорят, у вас здорово ловится.

— Кто умеет, у того ловится! — усмехнулся он. — Вы здесь первый раз?

— Первый.

Мы разговорились. Я узнал, что большинство горожан рыбачат не на своем Валдайском озере, а разбредаются по большим и малым озерам, которых в округе около сотни. Одним из интереснейших и рыбных считается озеро Вельё, соединенное, в свою очередь, с небольшим озерком Уклейно. Находится оно в 35 км от Валдая, и добраться до него можно на рейсовом автобусе до деревни Большое Уклейно.

Утром я сел на автобус до Большого Уклейна. Дорога была неважная. Наконец, мы подъехали к деревне Большое Городно, расположившейся на берегу озера. Из этого озера вытекает одна из красивейших рек Новгородской области — Полометь. Несколько минут тряски, и мы в Большом Уклейне. Село, вытянутое в одну улицу, заканчивалось у самого озера почтой и магазином.

Я постучался в первую же избу. Дверь открыла пожилая круглолицая женщина и, выслушав меня, пригласила в дом.

Я принялся распаковывать рюкзак, а хозяйка — ее звали Марией Михайловной — уже раздувала самовар. Наскоро позавтракав, собрался и вышел из дому.

Был тихий февральский день. Снег так ослепительно белел, что пришлось надеть солнечные очки. Я спустился к озеру и решил попробовать тут же на мысу, недалеко от берега. Ножи с легкостью вгрызлись в метровую толщу льда. Стакан приходилось часто вытряхивать. На небольшом пятачке, на расстоянии 6—7 метров друг от друга, сверлю несколько лунок... Ни одной поклевки!

Целый день я переходил с места на место, с переменным успехом ловился мелкий окунек вперемешку с плотвичкой. Незаметно начало смеркаться. И вот я уже стою на крыльце, отряхивая валенки.

— Ну, как улов? — спросила Мария Михайловна, собирая на стол.

— Да что там! — с досадой махнул я рукой.

— Ничего, еще поймаете! — ласково успокоила она. — Садитесь ужинать!

Долго тянутся зимние вечера, но еще длиннее зимние ночи. Вытянувшись на печке, я почувствовал, как устал и промерз за день...

— Вставайте, а то всю рыбу проспите, — услышал я. На столе уже шумел самовар.

Светало. Я вышел на улицу. Легкий ветерок сносил с запада наискось густую завесу больших мохнатых снежинок. В двадцати шагах ничего не было видно. Снег шел несколько часов и так сравнял все кругом,

что дорогу приходилось угадывать. Я медленно продвигался к середине озера. Вскоре впереди показалось темное пятно.

«Да ведь это же рыбак!» — подумал я.

Молодой мужчина лет тридцати сидел верхом на ведре, настойчиво потряхивая можжевеловой удочкой. В ведре у него лежало с пяток добрых окуней

— Здесь поймал?

— Здесь! А ты чего стоишь? Садись рядом, места всем хватит. Глядишь, вдвоем быстрей наскочим.

Я привязал «клопика» и, насадив мотыля, опустил в воду. Тяжелая мормышка хорошо натянула леску. Едва успел переложить удочку в правую руку, как сторожок мощно кивнул, застыл в нижнем положении. Мгновенная подсечка, и я ощутил приятную тяжесть в руке. Поклевка окуневая.

Первый полукилограммовый красавец плюхнулся в снег. Едва я опустил мормышку, вновь поклевка. Следующий был немного поменьше. Третий оказался самым меньшим и последним.

Сколько мы ни сверлили дырок — ничего.

— Пойдем-ка попробуем на налье, — предложил рыбак, сматывая удочку. — Здесь недалеко. Бывает, там окушек хорошо ловится.

— Слушай, мне говорили, где-то тут один дед таскал лещей громадных. Ты не знаешь? — спросил я.

— Где таскал — не знаю, а вот куда кашу сыпал — видел.

Он подхватил ведро, взвалил на плечо пешню и зашагал вперед, оставляя за собой лыжню. Шли недолго. Вскоре рыбак остановился:

— Вот они, дедовы лунки, а налье чуть подальше.

Он сильно ударил сперва с одной стороны, потом с другой. Пешня оба раза провалилась, оставляя черные воронки воды.

— Как это ты без вешек их нашел?

— Проживешь лет тридцать на озере, что хочешь найдешь. — Он лукаво подмигнул мне. — Ну действуй. Я тут рядом буду.

Начал играть мормышкой, потряхивая удильник. Сторожок вздрагивает от покачиваний, но никаких намеков на поклевку нет. Снег идет не переставая, все время засыпает лунку. Кладу удочку на край и аккуратно снимаю пленку мокрого снега. Вдруг сторожок приподнялся. Почудилось? Закрываю глаза. Смотрю вновь: нет, сторожок явно задрался вверх, словно освободился от мормышки. Хватаю удочку и тяну на себя. Стараюсь сдвинуть свою добычу с места. Наконец, жилка перестала пружинить. Осторожно подтягиваю. Из воды показались большие мясистые губы. Свободной рукой подхватываю рыбину под жабры и вытаскиваю на лед. О, это настоящий красавец! Лещ килограмма на полтора. Он лежал на боку и, вытягивая вперед губы, глотал воздух. Чешуя его с трехкопеечную монету отливала в желтизну. Опускаю мормышку вновь, и, едва она повисла около дна, последовала поклевка!

Много я рыбачил, но такого клева по льду не видал. Каждый заброс сопровождался четкой поклевкой, словно добрый волшебник внизу нацеплял на крючок килограммовых лещей.

Незаметно подкрались сумерки. Снег перестал валить, поднявшийся ветер погнал по небу рваные облака.

Я стал укладываться. В ящик вошла ровно половина улова, остальную пришлось нанизать на шнур, который снял с отцепа. Тяжело было идти с такой ношей. Но как желанна эта ноша для рыбака! Такие дни остаются в памяти на всю жизнь.

Н. Второв

РЫБАЛКА В ТАШКЕНТЕ

Когда я своим друзьям-москвичам говорю, что в Средней Азии я не расстаюсь с удочками, они обычно насмешливо спрашивают:

— А где ты там ловишь рыбу: в песках пустыни Кара-Кум или Кызыл-Кум?

Я им отвечаю:

— И там, и там.

Они принимают мой ответ за веселую шутку и охотно смеются.

Действительно, тому, кто никогда не был в Средней Азии и Казахстане, разговоры об успешной рыбалке в этих местах кажутся шуткой. Обычно представляют Среднюю Азию как голую, выжженную нещадными лучами солнца, каменную или песчаную пустыню, в которой от края до края возвышаются барханы, где ветер-афганец, поднимая тучи пыли, превращает день в ночь, а воздух — в непригодное для дыхания, сплошное песчаное месиво; где живые существа — змеи, каракурты, скорпионы да фаланги; где растительность — верблюжья колючка да саксаул; где вода встречается только в глубоких колодцах, да и та горько-соленая, непригодная для питья, а от колодца до колодца в состоянии пройти только особо выносливый «человек пустыни» со своим другом верблюдом — «кораблем пустыни».

Каюсь, и я в свое время, начитавшись книг и насмотревшись фильмов, имел о Средней Азии точно такое же представление. Но как далеко от истины оно оказалось! Правда, есть и песчаные пустыни, и барханы, и яйца в песке летом можно печь; есть и ветры-афганцы, и скорпионы с фалангами, и верблюжья колючка с саксаулом, и колодцы с горько-соленой водой. Но не это определяет Среднюю Азию. Сейчас Средняя Азия — это необозримые поля хлопчатника, неоглядные фруктовые сады и виноградники. А в степях и пустынях — отары овец. Они кормятся и нагуливают жирные курдюки на безбрежных просторах степей и песков, на первый взгляд совершенно лишенных всякой растительности. И везде — громадные водохранилища, реки и речки, полноводные каналы, арыки и арычки. Вода, вода и вода... Много воды!

А там где вода, там и рыба.

Ташкентский рыболов привык к обилию рыбы и считает, что если он возвращается с рыбалки с 2—3 килограммами рыбы, значит, он напрасно потратил время.

Реки в Средней Азии чистые, фабрики и заводы промышленные отходы в них не сливают, так как вода из них берется и на полив хлопка — основного богатства среднеазиатских республик, и для питья животным и людям. Здесь знают цену воде, берегут ее, охраняют от загрязнения. Даже бросить камень в воду — и то считается кощунством.

— Воду не надо бить, а надо взять в ладошки и пить, — так поучал старик узбек парнишку, бросавшего в воду камни.

Чистая незагрязненная вода создает отличные условия для размножения и жизни рыб. Рыбу здесь можно поймать везде, где есть вода: и в больших реках, таких, как Сырдарья и Амударья, и в водохранилищах, и в маленьких арыках, ширина которых не более полуметра.

Жаркое среднеазиатское лето, продолжительная теплая весна и такая же осень и вследствие этого почти круглый год обилие насекомых, водорослей, зоо- и фитопланктона — прекрасный корм для рыб. От обильного корма рыба растет как на дрожжах, быстро прибывает в весе. Пока рыба из водоема в средней полосе на довольно скудных «харчах» на сто граммов поправится, ее среднеазиатский сверстник сумеет сто пятьдесят, а то и все двести граммов набрать.

В связи с быстрым ростом рыб и способность к икрометанию у среднеазиатских рыб наступает раньше: сазан, например, мечет икру на третьем году жизни, серебряный ка-

рась — на втором, а щука даже к исходу первого года, в то время как в средней полосе России те же виды рыб становятся половозрелыми лишь на третьем-четвертом году. Уменьшение же возраста рыб, способных к икрометанию, прямым образом влияет на увеличение поголовья рыбьего стада в водоемах Средней Азии.

Кроме того, в Средней Азии, как правило, реки и озера в зимнее время льдом не покрываются и тем более не промерзают до дна, как в средней полосе. Поэтому зимнего замора рыбы также нет.

Я сказал, «как правило». Бывают и исключения. Таким исключением была зима 1968/69 года. Она наглядно показала, какой вред поголовью рыбьего стада наносят зимние заморы.

Это была совершенно необычная для Средней Азии зима, какая бывает один раз в сто-сто двадцать лет, с большими, 35—40-градусными морозами и сильными снегопадами.

Даже такая бурная река, как Амударья, была вся покрыта толстым слоем льда, достигавшим толщины до 0,6 метра и более. Естественно, что все остальные водоемы также покрылись льдом, а мелкие непроточные промерзли до дна. Погибло много судака, жереха, сазана, плотвы, красноперки. В основном погибали крупные экземпляры рыб и выживали более мелкие. Особенно сильно пострадала двоякодышащая рыба-змееголов, количество которой сильно сократилось, а в некоторых водоемах она совсем исчезла. Поэтому весной и летом 1969 года рыболовами было отмечено резкое сокращение рыбьего стада, что, несомненно, отразилось и на уловах.

В водоемах Средней Азии преобладают в основном нехищные рыбы — карась, сазан, плотва, красноперка, лещ, чехонь и т. д. Хищные же — сом, усач, жерех, и особенно щука, — сравнительно редки, а такой прожорливый хищник, как окунь, в бассейне Сырдарьи и Амударьи совсем не водится. Поэтому рыбье стадо, избавленное от истребления в икряном и младенческом возрасте, имеет возможность увеличиваться.

На мой взгляд, культивация в водоемах Средней Азии и Казахстана рыб-хищников — явление отрицательное. К чему это приводит, наглядно видно на примере озера Балхаш. Когда-то, в 1961—1963 годах в Балхаше было очень много окуня, карася, плотвы, маринки, сазана, осетра. За какой-нибудь час-полтора одной удочкой можно было поймать полное ведро рыбы. Запустили в озеро судака, и это привело к тому, что он размножился в огромном количестве, истребил плотву, окуня, карася, маринку и под корень истребляет сазана. Сейчас уже сложилось такое положение, что судак из-за отсутствия корма пожирает своих же собратьев-судаков и вследствие этого вырождается. Упитанность его становится слабой, да и растет он значительно медленнее.

В бассейне Сырдарьи в настоящее время разводится змееголов. Это хищная рыба, очень быстро размножающаяся и быстро растущая. В какой степени увеличение стада змееголовов скажется в дальнейшем на поголовье мирных рыб, пока предположить трудно. Возможно, что быстрое размножение и благоприятные условия жизни приведут к тому же результату, что и размножение судака в Балхаше, но сейчас пока что роль змееголова в увеличении поголовья мирных рыб, как ни странно, положительная. Объясняется это тем, что змееголов — большой любитель лягушек. Их он поедает в большом количестве и предпочитает всякой другой пище, в том числе и рыбе. Очень часты случаи, когда змееголов за квакающей лягушкой выпрыгивает на берег. Там, где есть змееголов, лягушек мало. А лягушки, как известно, в огромном количестве пожирают икру и мальков рыб. Поэтому, уменьшая количество лягушек в водоеме, змееголов способствует выживанию большего количества рыбьей молоди, следовательно, увеличению поголовья. Однажды мне пришлось рыбачить на озере, в котором уживаются караси, сазаны и змееголовы. Змееголовы достигают 5—6 кг, сазаны — 2—3 кг, а караси — до 1,5 кг. Кроме того, в озере очень много и молодой поросли сазана и карася.

В пополнении рыбьего стада, и в особенности в разведении новых для Средней Азии видов рыб, очень активную роль играют рыбхозы и государственные рыбные питомники. Змееголов, белый амур, толстолобик, карп, когда-то не обитавшие в водоемах Средней Азии, сейчас стали полноправными их жителями и расселились очень широко. Надо сказать, что новые рыбы чувствуют себя неплохо, в некоторых водоемах стали промысловыми рыбами, а в остальных являются неожиданным, но приятным трофеем рыболовов-спортсменов.

Рыбнадзор в Средней Азии работает довольно активно. В большинстве водоемов ограничен или полностью запрещен промысловый лов рыбы. Хищнический лов рыбьей молоди сетями с мелкой ячеей не применяется: никто такую рыбу покупать не будет, да и транспортировке мелочь не поддается — в жаркое время через час испортится.

Браконьеров-одиночек хотя и мало судят, но у «любителей без труда вынуть рыбку из пруда» сети и прочие браконьерские снасти конфискуют, не считаясь ни с чинами, ни с рангами. Отобрать же у браконьера орудие лова — это большая, а зачастую и трудновосполнимая для него потеря.

Да и сами рыболовы бережно относятся к рыбьей молоди. В водоемах Средней Азии рыбы много и водоемов тоже, а рыболовов сравнительно мало,

мелочь они не берут, а охотятся за крупной рыбой. Если же, паче чаяния, попадется «маломерок», то его с презрением выбрасывают обратно в воду. Следовательно, рыболовы не рубят сук, на котором сидят, не кладут кандидатов в крупную рыбу на сковородку или, что еще хуже, не скармливают коту, а дают им дорасти до кондиционных размеров.

С этой точки зрения неплохо бы ввести повсеместно закон о минимально разрешенных для лова размерах рыбы (как в Эстонской ССР) или ограничить, кроме веса, и количество выловленных рыб. Ведь рыболов, поймавший в день 10-килограммовых сазанов, нанесет в 10 раз меньший ущерб рыбьему стаду, чем рыболов, поймавший только 5 килограммов 50-граммовых рыбешек. Но первый будет считаться браконьером и должен привлекаться к административной или даже к уголовной ответственности, тогда как второй будет считаться «законным рыболовом» и даже «спортсменом». А правильно ли это? Мне кажется, ограничение в количестве выловленной рыбы, а не только в весе заставило бы рыболовов стремиться ловить крупную рыбу и не увлекаться мелочью, а это, в свою очередь, способствовало бы увеличению рыбных богатств водоемов нашей Родины.

Где же может ловить рыбу ташкентский рыболов?

Если захотелось среди рабочей недели после трудового дня отдохнуть с удочкой, можно сесть в автобус и поехать на один из каналов, который протекает через Ташкент. Особенно приятно поехать за Парк Победы. Там протекает канал с относительно чистой, прозрачной водой (вода в каналах, как правило, мутная, так как несет много лессового ила) и травянистыми отлогими берегами. В нем водятся маринки, пескари, сазанчики и караси. Много не поймаете, но на уху надергаете, а главное, хорошо отдохнете.

Можно сесть в автобус, отходящий от Сквера Революции, или на трамвай, идущий по вновь проложенной линии, и поехать на озеро Рахат, в зону отдыха ташкентцев. Как в самом озере, так и в арыках и каналах около него на небольшой глубине резвятся черноспинные маринки граммов по 400—600 каждая. Забросили удочку — и видите, как маринка опасливо подходит к приманке, останавливается, готовая немедленно скрыться в случае опасности. Вот она засасывает червя. Подсечка — и есть очередная рыба! Для наживки приготовьте весной и летом червя, а осенью — сверчка.

Хотите поехать подальше и побыть подольше — поезжайте на Ташкентское море (Тюябугузское водохранилище). В нем собирается в осеннезимний и весенний период вода для летних поливов хлопчатника. Глубина его значительная — в некоторых местах достигает 30—40 метров. Много бухточек и заливов. Площадь водоема — около 20 квадратных километров.

Вот здесь рыболовам раздолье! Берега чистые, подходы к ним отличные, дно твердое, зацепов нет. Как в море, так и у берегов водной растительности мало, камыши почти не растут. Поэтому рыба не перекормлена и в любое время жадно хватает насадку. А простор! Даже если посадить одного рыболова от другого по берегу на 15—20 метров, то и в этом случае могут одновременно рыбачить более 1000 человек! Есть здесь и лодочная станция, где летом можно взять на прокат лодку.

Водится в Ташкентском море преимущественно сазан и карась. Клюет весной на червя, а летом и осенью — на хлебные насадки.

Ехать туда можно или автобусом от Сквера Революции (45 км), или специальным поездом, который ходит раз в сутки.

Многие рыболовы, преимущественно «карасятники» и «сазанятники», избрали этот водоем своим постоянным местом лова и никуда больше не желают ездить. Приезжают с отличными уловами крупной хорошей рыбы.

И все же наибольшим почетом и уважением у ташкентских рыболовов пользуется станция Мехнат. Выше по течению вода из Сырдарьи забирается на полив. Неиспользованные остатки ее, а также вода с полей сбрасывается в озеро Чибантай. Из него вытекает канал, проходящий около станции Мехнат. За станцией канал течет под железнодорожным полотном через трубу. Стремительным бурным потоком вырывается вода из трубы, образуя водовороты и круговое движение воды. С течением времени берега подмывались, земля стремительным течением уносилась в Сырдарью, а на этом месте образовался круглый глубокий бочаг диаметром около 75 метров — Яма. Из мутной воды Сырдарьи в отстоявшуюся на полях и в озере чистую воду канала и Ямы заходит рыба. Здесь она находит себе обильный корм — растительные остатки, водоросли, червей, насекомых, био- и фитопланктон, вынесенный течением с полей и озера Чибантай. В глубине Ямы жирует карась и сазан. У берегов резвится рыбья молодь. Верховая рыба снует по водоему в погоне за пищей и становится обильной едой для судака и жереха. Змееголов с большим успехом охотится на лягушек. При таком разнообразии и обилии рыбы и рыболовов здесь в любой день — хоть пруд пруди. «Карасятники» сидят как изваяния около своих длинных тонких удилищ, воткнутых в берег. «Сазанятники» с солидными удилищами и закидушками с толстой леской (сазаны попадаются и по 5—6 кг весом!) нетерпеливо ожидают поклевки хитрой и сильной рыбы. «Жерешатники» со спиннингами особого рода стоят день и ночь над выходом канала из

трубы. Охотники за судаками спиннингами хлещут воду вдоль и поперек, а те, кого покорил змееголов, расставили снасти веером и подпрыгивают при каждом выходе змееголова на поверхность. По ночам же весь берег усеян лампочками различных типов и конструкций. Идет ночная ловля. Нужно сказать, что летом ночная ловля много результативнее дневной: из-за жары рыба днем предпочитает отстаиваться в глубине, а на кормежку выходит в прохладное время, ночью.

Не остаются без дела и «сомятники»: они, как и сами сомы, днем спят, а ночью выходят на охоту.

Весь канал, вся Яма, а также озеро Чибантай сплошь забиты рыболовами. Кажется, на такую уйму рыболовов и рыбы не хватит. Но нет! Как правило, все уезжают довольными.

Добираться до этих мест очень удобно. Из Ташкента ежедневно идет 3—4 пары поездов в направлении станции Сырдарьинской. Время в пути — чуть больше полутора часов.

По шоссе Ташкент — Самарканд рыболовы направляются на Чардару или на Арнасай. Чардаринская ГЭС перегородила своей плотиной Сырдарью. Образовалось огромное водохранилище длиной около 70 километров. В настоящее время на водохранилище и на Сырдарье выше плотины спортивное рыболовство по каким-то, одному рыбнадзору известным причинам запрещено (хотя промысловый лов рыболовным артелям и разрешен), но ниже плотины — ловите пожалуйста. Вот сюда-то в выходные дни и приезжают ташкентские рыболовы. Не близко, около 140 километров, но что поделаешь: охота пуще неволи.

Ниже плотины стрежень реки проходит около правого берега. От стрежня до левого берега метров 250—300. В этой огромной заводи течение слабое, зачастую обратное, глубины небольшие, до 3—4 метров. Очень много водной растительности. Это тихое место и избрали карась, сазан и лещ. Здесь они жируют.

В субботу и воскресенье на любых «плавсредствах» — лодках деревянных, металлических, надувных, а то и просто на камере от автомашины — выезжают рыболовы на эту заводь и становятся на якорь. Каждый рыболов вооружен, как правило, только одной удочкой. Бросив прикормку, начинают ловлю. Поклевки следуют одна за другой. То у одного, то у другого рыболова удилища сгибаются в дугу. Зрелище для любителя рыбной ловли захватывающее.

Но если у вас нет «плавсредств», не отчаивайтесь и забрасывайте удочки с берега. Сазан, лещ, плотва, карась и змееголов не обойдут вас вниманием днем, а ночью пожалует судак и сом. Только рекомендую удилища крепить получше, иначе утащит сазан вашу удочку на середину водоема (а такое нередко случается) и придется или плыть за ней, или просить кого-нибудь из обладателей лодки помочь поймать ее, на что, несомненно, последние соглашаются с явной неохотой: нужно поднимать якорь, пугать на прикормленном месте рыбу, прекращать лов. Кому захочется из-за какого-то разини?

И наконец, Арнасайские разливы. Когда во время паводков уровень воды в Чардаринском водохранилище поднимается высоко, вода грозит смыть плотину и затопить прилегающую к водохранилищу местность, около поселка Арнасай поднимают в специально построенной плотине шлюзы, и избыток воды из Чардаринского водохранилища выливается в Арнасайские разливы. В Арнасай также впадают многочисленные полноводные сбросовые каналы, которые собирают воду после промывки засоленных земель и после орошения полей. Поэтому арнасайская вода для питья не пригодна: при испарении с зеркала озера концентрация соли в воде увеличивается, а растворенные соли действуют на желудок сильнее и быстрее, чем касторка.

Арнасайские разливы, обычно называемые одним словом «Арнасай», представляют собой длинную цепочку озер — более 150 километров, соединенных между собой небольшими протоками. Озера, как правило, мелководные глубиной не более 3—4 метров. Берега озер и проток, а иногда и сами протоки густо поросли камышом. Камыш стоит высокий, выше роста человека, сплошной стеной на десятки метров от берега. Настоящие плавни.

На Арнасае располагаются рыболовецкие и охотничьи угодья спортивных обществ и различных предприятий и учреждений Ташкента. Но и незанятой, «ничьей», земли и воды вдосталь.

На Арнасае и рыбы, и птицы полно. Рыба непуганая, жирная, отъевшаяся на богатых «харчах» в зарослях камыша. Клюет она уверенно и жадно. Сазан и карась, плотва, красноперка и лещ жируют у самых камышей. На протоках разбойничают жерех и судак. В глубоких ямах затаился и подкарауливает добычу сом, а в камышах — щука. И по всему водоему разгуливает змееголов. С Арнасая никто еще не возвращался с пустыми руками. Здесь и добыча богатая, и уха тройная, жирная, только воду с собой привезти надо.

Как проехать на Чардару и Арнасай?

Лучше всего, конечно, на автомашине. Дорога хорошая, асфальтированная до самой Чардары, а до охотничьих хозяйств на Арнасае — километров 20—40 по степи от поселка Арнасай. На Чардару из Ташкента летают специальные рейсовые самолеты. Можно и поездом до станции Сырдарьинская, а оттуда или рейсовым автобусом, или поездом по узкоколейке до Чардары.

Если вы решили рыбачить на Арнасайских разливах — вы-

ходите из автобуса и поезда в поселке Арнасай, а там или около плотины начинайте рыбачить, или с какой-нибудь попутной компанией на автомашине уедете на разливы.

Можно на разливы попасть и другим путем: поездом из Ташкента доехать до станции Ирджарская (в Голодной степи). Перед станцией проходит канал, впадающий в Арнасай километрах в трех от Ирджарской. Идите по каналу на разливы и ловите рыбу на здоровье. Между прочим, и в самом канале рыба ловится отлично. Рыболовов на канал приезжает много. Даже машинисты поездов в угоду рыболовам, не доезжая до станции, останавливают поезда перед мостом через канал и высаживают или забирают рыболовов.

Я кратко описал только некоторые места, наиболее удобные для посещения рыболовами в выходной день или во время отпуска. Но таких мест вокруг Ташкента очень много. Приезжайте в Ташкент ловить рыбу. Уверяю, рыбалка будет удачной, а впечатления незабываемыми.

Вода пришла в Голодную степь, а с ней — увлечение рыболовным спортом.

Н. Бабкин

НА ОЗЕРЕ ЛАЧА И РЕКЕ ОНЕГЕ

На юго-западе Архангельской области есть вытянутое с юга на север озеро Лача (Лаче) с площадью водной поверхности более трехсот квадратных километров. Озеро мелкое, средняя глубина около двух метров. Впадает в него множество рек и ручьев, а вытекает лишь одна река Онега. К концу лета озеро сильно зарастает. При ветре становится коварным из-за большой волны, и новому человеку в этих местах нужно быть внимательным и осторожным.

Из устья рек через все озеро, до старинного города Каргополя, буксиры тянут плоты леса. На водоеме много затонувших бревен-топляков. Более легким концом топляки еле заметно выступают из воды и даже при слабой волне просматриваются с трудом. Это создает серьезную угрозу для новичка, идущего на лодке с мотором.

На лодке наш переход протяженностью около тридцати четырех километров из Каргополя до села Нокола состоялся при тихой, теплой погоде и оставил самые приятные воспоминания.

Сообщение с селом Ноколо удобное: ежедневно из Каргополя приходит катер, уважительно именуемый здесь теплоходом. Из-за мелководья катер пристает к понтонной пристани, от которой пассажиров на берег перевозят на лодках. Найти жилье здесь не трудно. В селе имеются магазин, клуб.

Весь берег перед стоящими вдоль озера домами усыпан лодками. Почти все с моторами, за исключением мелко сидящих в воде долбленок, на которых старики, отгребаясь одним веслом, смело ходят даже при крутой волне.

В озере полно ерша. Его здесь ловят на снасть, похожую на подпуск, называемую продольник. Местное население сушит рыбу на поду русской печи. Сушеный ерш — «сущик» — легко сохраняется длительное время и из него получается отличная уха.

Наше первое знакомство с водоемом произошло наугад. Посмотрели на карту и решили пойти по направлению к устью реки Ковжи. Несколько лет назад по этой речке производился молевой сплав леса. В настоящее время река перестала быть транспортной артерией, и на правом берегу, в устье, где была запань, остался лишь остов двухэтажного дома да громадный якорь. Ловились здесь средний окунь и плотва. Ловили, как и местные рыболовы, только на червя, которого можно быстро накопать на любом огороде.

Ходили и вверх по реке за Лисью гору. Так здесь называется место на левом берегу, где стоит старый скотный двор и рыбачья избушка. Помимо нар в рубленой избушке есть печь, сделанная из железной бочки из-под горючего. Здесь можно отдохнуть и при необходимости переждать непогоду. Обилие сушняка для костра, ветерок и прохлада в тени за избушкой избавляли от настырных комаров.

От села Нокола мы отправились на север, в направлении Каменного мыса, и вскоре вошли в устье неширокой речки Кинемы.

Северо-восточный ветер не утихал. Стрелки показывали двенадцатый час. По всем рыболовным канонам нам нечего было обольщаться радужными надеждами, но все же забросили удочки.

Вскоре попалась весомая плотвица. Отмерив глубину, забросили насадку, и тут же один поплавок плавно исчез под водой. Подсечка. Рука судорожно держит вибрирующее удилище. Через минуту в садке бойко метался большой, ярко раскрашенный окунь. Вот тут и пошло! Вскоре выработалась четкая закономерность: чем больше червь, тем тяжелее улов. Ловили с трех-трех с половиной метров на земляного червя. Мелочь не ловилась совершенно, как будто бы ее здесь и не было. Но зато плотва и окуни по триста-четыреста граммов

попадались нередко. Темперамент окуней заставил пользоваться подсачеком. Но и это оказалось полумерой. Отдельные подсечки заканчивались обрывом поводка или лески, а виновники так и уходили, оставляя лишь повод для воображения о своих истинных размерах.

Жестокая (но прекрасная!) действительность быстро поколебала годами привитые понятия о преимуществе тонкой снасти. Вскоре леска была порвана на всех трех катушках и потеряно множество крючков.

Северо-восточный ветер не мешал клеву не только плотвы и окуней, но и подлещиков и подъязков. Но нам он все же сумел помешать и несколько охладить рыбачий пыл мелким, частым и холодным дождем, который посыпался с мутного серого неба. Пришлось пристать к берегу и переждать его, пообедав и подремав под старой перевернутой лодкой.

Как нередко бывает на Лаче, ветер вскоре переменился на северный, потом северо-западный и, наконец, почти утих, будучи уже западным. Небо прояснилось. Потеплело. Наступившая благодатная погода совершенно вытеснила из памяти недавний нудный дождь и ядовитый северо-восточный ветер.

Хороший, устойчивый клев, продолжавшийся несколько дней, совершенно замер. Рыба, как сговорившись, проявила полное равнодушие к насадке, и за зорю удалось поймать лишь несколько окуней.

Поплыли вверх по Кинеме. Позади остался левобережный покос с рыбачьим домиком на берегу. По мере удаления от устья правый берег постепенно поднимался, и на нем начали заметно вырисовываться зубчики елей и медноствольные сосны. На сухих пригорках косили сено.

Мы ловили на глубине полутора-двух метров. Ловилось хорошо. Окунь и плотва не заставляли себя ждать. Но рыба была значительно мельче, чем в устье. Если переставало клевать, достаточно было передвинуть лодку метров на двадцать, как поклевки вновь следовали одна за другой.

Спокойная извилистая река серебристой лентой прорезала смешанный лес, подсвеченный мягким рассеянным светом. Тем рыболовам, которые фанатичную привязанность к ловле рыбы делят с чувством восхищения природой, следует пройти несколько километров вверх по Кинеме.

Новых людей в этих местах следует предупредить от повторения наших ошибок. После рыбалки в устье уже к вечеру возвращались в село Нокола. Дул северный ветер. По озеру ходили волны с белыми пенистыми гребешками. Волны хотя и попутные, но чересчур велики. Моросил мелкий-мелкий дождик. Решили несколько сократить путь и переместиться к берегу. Сколько раз учили нас уму-разуму эти укороченные маршруты! Расплата наступила немедленно. Винт чиркнул по камню. Шпонку мгновенно срезало, а пока взялись за весла, лодку снесло еще ближе к берегу, и волны стали бить ее о камни. Веслами и кольями удачно провели ее между каменными грядами и благополучно пристали к берегу. Конечно, это не катастрофа, но вылезать из лодки в холодную воду в ста пятидесяти метрах от берега и стаскивать ее с мели, это дело, как говорится, на любителя.

Рыбная ловля на Онеге имеет свою специфику. Хорошо ловят здесь на быстрине, на порогах. К сожалению, наши снасти оказались для этого совершенно непригодными.

Чтобы не повторять неудобств перехода через пороги, оставили лодку в деревне, не доходя льнозавода, а сами прошли берегом к бывшей водяной мельнице, от которой остались лишь жернова да деревянные шестерни. Вот тут-то, недалеко от берега, в бурлящей воде стоял рыболов, обутый в высокие резиновые сапоги, и обеими руками забрасывал в шумящий поток непривычную для нас снасть. Его шести-семиметровое удилище было оснащено толстой леской с крючком десятого-двенадцатого номера и весьма впечатляющим поплавком.

После двух-трех проводок поплавок исчезал в пучине. Рыболов обеими руками подсекал и частенько через голову выбрасывал на берег подлещика, плотву или окуня граммов по триста-четыреста. Ловил он на «классическую» насадку — на земляных червей. После каждой удачной подсечки рыболов не по возрасту степенно выходил на берег, не торопясь снимал рыбу с крючка и, предварительно оглушив, складывал в кучу.

Мы долго лежали на высоком берегу и наблюдали за счастливым рыболовом. Местные жители пользуются гибкими и легкими березовыми удилищами. Верно и то, что при шестиметровой длине понятие о легкости довольно относительное.

Много еще осталось неувиденного и неизведанного в этом удивительном крае. Ведь всего лишь в шестидесяти километрах находятся глубокие озера, куда за двадцать минут можно перелететь на АН-2. А там-то уж можно «отвести душу» и на спиннинге, и на кружках.

Л. Котрехов

НА ДОЛЖАНСКОЙ КОСЕ

Станица Должанская (50 км от Ейска) расположена на косе, вдающейся в Азовское море километров на десять. Северная часть косы омывается Таганрогским заливом, южная — морем.

На второй день после приезда в станицу мы уже знали, что рыба хорошо ловится даже с берега. Донной удочкой можно поймать тарань, бычка, чехонь, шемайку и даже рыбца. Клев рыбца обычно начинается со второй половины августа. Насадка — навозный или земляной червь, опарыш, но лучше — лиманный (морской) червяк и креветка (рачок, или стоножка, по-местному). Поймать крупную рыбу (судака, сазана, сома) можно только с лодки вдали от берега. Но лодок у местных жителей не оказалось, что нас несколько огорчило.

Вечером на заливе мы познакомились с одним из местных рыболовов. Он показал нам свои донки, оснащенные 4—5 крючками на коротких поводках. Донки в залив он забрасывал с большим искусством. Разложив кругами на берегу стометровую леску и взяв в руки ее конец, к которому был привязан груз (примерно 100 граммов), он описывал грузилом несколько кругов над головой, а затем, подавшись всем корпусом вперед, с силой посылал его на 70—80 метров в залив. В ямке, вырытой на берегу, плавали пойманные им несколько десятков таранок и бычков. Улов, с нашей точки зрения, был вполне приличным, но рыболов был не доволен и считал, что поймал мало.

Сначала мы ловили рыбу с берега донками на земляного червя. Не имея достаточного навыка, донки забрасывали только на 30—40 метров, но таранка и бычки ловились хорошо. Правда, наши уловы были значительно меньше, чем уловы местных жителей, ловивших на лиманного червя. Пришлось и нам заняться добыванием его.

Работа эта оказалась не из легких. Зайдя по колено в воду лимана, мы наполняли ведро грязью, а затем выходили на берег и выбирали червей. Лиманный червь бурого цвета с зеленоватым оттенком длиной от 3 до 10 см. Уловы наши значительно увеличились, и часть пойманной рыбы мы стали вялить.

Спустя неделю, мы освоили места на двух пирсах, где можно было ловить рыбу поплавочной удочкой. Пирс рыбного завода находился на южной стороне косы в двух километрах от нашего жилья. Другой — утильзавода — располагался на северной стороне косы в четырех километрах от нас.

Были дни, когда рыба хорошо клевала на любую насадку, и каждый из нас налавливал по нескольку килограммов. Но случалось, что клева не было. В такие дни у берегов наблюдалось большое количество мелких медуз, заполнявших всю толщу воды. По мнению местных рыболовов, рыба уходит от медуз в более глубокие места. Когда медузы исчезали из прибрежной полосы, клев рыбы возобновлялся.

К концу нашего пребывания в станице количество любителей рыбной ловли заметно возросло. На пирсе было уже тесно, на каждом метре сидел рыболов с удочкой.

Станица Должанская привлекает не только любителей рыбной ловли, но и людей, желающих отдохнуть и поправить свое здоровье. Там очень хороший пляж, температура морской воды в июле достигает 27 градусов. Имеется столовая и кафе. На рынке и в магазинах можно свободно купить необходимые продукты питания и разнообразные фрукты. В конце августа появляется и виноград. Местные жители охотно сдают комнаты приезжим. Туристская база на берегу залива также принимает отдыхающих.

Доехать до станицы из города Ейска можно рейсовым автобусом немногим больше чем за час или на такси за 30—35 минут.

Как поймать голавля?• «Кэмбрик» — вместо мотыля• Блесны-новинки• В блокнот рыболову•
КРУПИЦЫ МАСТЕРСТВА

А. Семенов

ЗА ГОЛАВЛЯМИ

Много лет ловлю я рыбу на полюбившейся мне Даугаве. Красавица река мчится к морю по каменистому ложу, переваливает через перекаты, бьется о валуны, омывает около семидесяти островов, живописных и большей частью необитаемых. Там, где попадаются еще пороги (а их в связи с постройкой гидростанций становится все меньше и меньше), Даугава, пенясь и грохоча, с большой скоростью рвется к заливу. Правда, чем ближе к устью, тем глубже и спокойней становится река, да и гидростанции постепенно укрощают ее нрав и бег.

В водах Даугавы рыболов может встретиться с королем нашего рыбьего царства лососем и хозяином омутов и ям сомом, с буйным тайменем и зубатой щукой, с речным сигом и толстяком язем, с носатой сыртью (вимбой) и храбрецом голавлем, с длиннорылым судаком и пугливой форелью, с жирным лещом и неприхотливой, незаслуженно презираемой иными рыболовами плотвой, со змееподобным угрем и увесистым окунем, с присасывающейся к донным камням миногой и вредной колюшкой (казаргой), с пиратом шереспером и подкаменщиком, с ночным разбойником налимом и богатырем сазаном.

Но я, несмотря на разнообразие рыбы в Даугаве, предпочитаю охотиться за голавлем. Не из-за больших уловов, хотя и это имеет значение, а совсем по другим причинам.

ПРЕДПОЧТЕНИЕ ГОЛАВЛЮ

Известно, что голавль предпочитает метать икру на довольно быстрых, но не очень глубоких перекатах и мелях с хрящеватым или каменистым дном.

Время нереста голавля, как и всякой рыбы, зависит от погоды и вскрытия реки. Длится он около двух месяцев, так как разные по возрасту голавли стаями мечут икру в разные сроки. Причем икряников в стаях значительно меньше, чем молочников. Невероятно, но факт: во время нереста в июле они отчаянно клюют. Хотя ловить их в этот период сущее варварство: молока бьет из них фонтаном.

Утверждают, будто голавль, несмотря на свою плодовитость (крупный голавль имеет свыше миллиона икринок), нигде не поражает своей многочисленностью, потому что во время нереста течение уносит неоплодотворенной большую часть икры, а массу оплодотворенной, успевшей прилипнуть к камням и придонной растительности, поедают дру-

гие рыбы. К Даугаве, особенно ниже гидростанций, это утверждение, видимо, не относится.

Хорошо помню тихое июльское утро. Двигаюсь по пустынному берегу реки. Из тающего тумана выглянуло солнце, и моему взору предстала Даугава. Она обмелела, как никогда. Решаю с берега перейти на остров. Левая протока реки превратилась сейчас в узкий и короткий желоб. Вода бежала по нему сравнительно быстро, но не стремительно.

Подхожу к самому желобу и замираю от удивления: в трех шагах от меня (выше по течению) около валуна рыбьи хвосты секут воду. Пригляделся — черноспинные голавли! В два яруса. В нижнем — три голавля, но значительно крупнее верхних. Они нерестились. Нерестящиеся икряники держатся внизу, ближе ко дну, а молочники — по верху.

Неповторимый клев и трудности охоты — вот чем влечет меня красавец голавль.

Красавец — не оговорка: темноспинный, серебристый, с разноцветными плавниками, голавль действительно красив. Выуженный из быстротечной воды, он переливается на солнце всеми цветами радуги. Невольно иногда положишь удилище и залюбуешься побежденным смельчаком, уставшим от борьбы.

Смельчак — тоже не оговорка. Голавль действительно отважная рыба, настоящая живая торпеда, стройная и обтекаемая. Побороться с голавлем и одолеть его — истинное удовольствие! Потому что «нет рыбы его сильнее, бойчее, быстрее, неутомимее, — свидетельствует писатель С. Т. Аксаков, страстный охотник и рыболов. — Огромный голавль на удочке — великолепное зрелище! Самый опытный, искусный рыбак не без страха смотрит на его быстрые, как молния, неусмиряющиеся прыжки».

Поэтому на охоту за голавлями я иду, как на любимое представление, в котором буду участвовать и сам. В середине лета «театр» обычно пуст — рыболовы почти не показываются на Даугаве: рыба отъелась, потучнела, воротит нос от червяка, опарыша, хлеба, и как ни хитри, как ни изворачивайся, клева не будет.

Для меня лето — лучший сезон на Даугаве. Правда, бывает, что вместо голавля берет насадку язь или шереспер, но такие «помехи» придают охоте за голавлем особую прелесть и интерес. К тому же они заставляют внимательно следить за поклевкой, чтобы верно определить, какая рыба берет, и сделать правильную подсечку.

Правда, поклевка голавля на быстрине не похожа на поклевку никакой другой рыбы. Мало сказать, что голавль берет, нет, он хватает, да еще как! На глазах рыболова во время «мертвого сезона» голавль бесстрашно налетает на плывущую наживку.

Выйдешь на Даугаву. Берега пустынны: никто тебе не мешает и не надоедает. Расчетливо забрасываешь на стремнину. Течение подхватывает и мчит насадку. Голавль издали заметил ее. Он срывается из затишья и летит навстречу или наперерез жуку. Иногда хорошо видно, как плавник живой торпеды режет речную гладь. Вот его острая вершина почти коснулась жука. Раздается оглушительный удар. Вверх взлетают брызги. Поплавок и наживка исчезают. На воде колеблется уплывающий круг. Подсечка. Голавль делает свечу. Какой-то миг он в воздухе трепещет, переливаясь, как живое серебро, и с плеском падает в воду. Леска виснет. Что случилось? Может, смельчак ушел? Оборвал поводок? Неважно! Вы видели незабываемую картину, ради которой пришли к реке. Сматывайте леску, но осторожно. Все может быть. Брал ведь голавль!

Еще более захватывающее зрелище ждет рыболова в районе переката.

Крут и шумлив знакомый перекат. Вода выгнула зеркальный текучий горб. Вертится катушка. Сбегает радужная леска. Вздрагивает, шевелится на сильной струе наживка. Вот она взмывает на горб и... Раздается звонкий удар, от которого, хотя его и ждешь, невольно вздрагиваешь. Промах! Но тут же следует еще удар, более прицельный. Метнувшийся из-под водяной завесы голавль на этот раз не промахнулся, схватил жука. Но поток швырнул смельчака далеко вниз. Спасшись от «бороды», делаю подсечку. Удилище согнулось, затряслось в руке и ни с места, хоть убей! Неужели зацеп? Нет! Голавль стал на стремнине, прижимаясь ближе ко дну, и уперся: отчаянно, на пределе сил работает телом, хвостом, плавниками, борется с потоком. Не выдерживает и стрелой срывается в сторону, к затишью. Леска режет стремнину и, словно струна под водяным смычком, поет тонко и напряженно. Забыть эту музыку, как и поклевку, невозможно!

Но чтобы унести с собой несколько увесистых «артистов», показавших вам незабываемое зрелище, надо их поймать и вытащить. А вот это как раз и не легко. Преодоление трудностей при ужении голавля — то самое главное, что не только приносит мне огромное удовольствие, но и дает основание утверждать: летом нет лучшей, более спортивной охоты, чем ужение голавля.

НЕРАЗРЫВНАЯ ЦЕПЬ

По моему глубокому убеждению, ловить рыбу вообще, случайно, где придется, — неинтересное пустое и безнадежное дело. Ведь у каждой рыбы свои нрав и повадки, привычки и поклевка, пища и места обитания. Да и одна и та же рыба в разное время и на разных водоемах берет на различную на-

живку и на разной глубине. И клюет-то она иначе в ясную и пасмурную погоду, на озере и в реке.

В неразрывной связи особенностей реки и поведения голавля (и рыболова) я убеждался неоднократно. Непостоянный, меняющийся уровень воды — главная особенность Даугавы ниже гидростанций. Обычно вода убывает в конце рабочего дня. В выходные же и праздничные дни Даугава бывает мелководна круглые сутки, особенно в июле. Обмеление ее тем сильнее, чем раньше завершается половодье (нормально — середина июня) и чем суше лето.

Как только в Даугаве начинается убыль воды, рыба поспешно скатывается в безопасные места. Число таких мест ограниченно, а подходы к ним затруднены, а то и совсем невозможны. В такое время полезно побродить по реке, спускаясь вниз по течению, внимательно изучить ее, приметить и запомнить направление перекатов, гладкие, как стол, участки дна, подводные косы, идущие от берегов, места с колышущимися на течении бородами растительности, места впадения в Даугаву ручьев и ручейков. Все это очень пригодится рыболову, когда прибудет вода.

В мелководье охотиться за голавлем на Даугаве трудно, но можно, если рыболову известно, где можно найти рыбу. Я предпочитаю в это время не удить.

Как только Даугава начинает прибывать, голавль спешит к берегу. Река на глазах меняется, входит в летний межень. Диву даешься, каким стремительным становится ее бег! А голавли, покинув свои убежища, где во время мелководья отсиживались и кое-как кормились, идут за водой на заливаемые берега и порой настолько близко жмутся к ним, что у береговой кромки можно заметить перья их плавников. Можно подумать, что голавли ждут не дождутся, когда, приблизившись к самому берегу, можно будет схватить что-то съедобное, замеченное на сухих еще камнях. Поэтому я, если ловлю ниже гидростанций, спешу к началу прибыли воды появиться на таком участке Даугавы, куда раньше всего из своих убежищ придут голавли. В это время я стараюсь не оказаться на участке, где дно Даугавы, выстланное гладким плитняком, похоже на чистый стол. Тут почти не удерживается пища для голавля, и потому сюда он не идет. Не жду прибыли воды и там, где придонная трава расчесывает снизу воды реки. Тут тинистое, заросшее травой дно — царство язей.

Голавли же любят песчаное, каменистое или глинистое дно. Там, где много язей, почти не бывает голавлей. И наоборот.

Наконец, река перестала заливать берега и опустилась на какой-то сантиметр. Опасаясь, как бы не остаться на мели, голавли отскакивают на небольшое время от берегов. Рыболов может сейчас передохнуть: клев временно прекращается. Когда же вода установится на одном уровне, голавли смелеют и занимают свои любимые дневные места. Это песчаные и хрящеватые мели и плесы, водовороты и ямы, перекаты с несущейся зеркальной поверхностью, на которой хорошо видна каждая травинка и каждый кусочек куги, каждый жучок и букашка, стрекоза и кузнечик.

Однако надо иметь в виду, что при всей своей силе голавли не могут долго держаться на быстрине и отходят за укрытия, где вода смиряет свой бег. Такими укрытиями, откуда голавль, как из засады, бросается на насекомых, являются камни и валуны, уступы дна и небольшие островки густой придонной растительности, ослабляющие течение, границы быстрины и затишья, угол ниже пересечения двух потоков, заводина за прибрежной косой.

В летние солнечные, жаркие, но не изнуряющие дни голавли держатся на поверхности воды и хватают, как бы «пробуют на зубок», все, что напоминает пищу.

Погода и некоторые другие явления вынуждают голавля покидать любимые места. Так, ветер, поднимающий рябь или волну, ухудшает видимость, и голавль выходит на быстрину и двигается вверх по течению. После небольших дождей он наведывается к местам впадения в Даугаву кормных ручьев. В конце лета и в начале осени, когда река несет меньше корма, особенно насекомых, голавль не прочь порыться носом в песке и хряще. Недалеко от берега он отыскивает различные личинки, лягушат и свое любимое лакомство — маленькую рыбку-подкаменщика.

Вот эти-то любимые места голавля и его повадки рыболову следует хорошо знать. Иначе не будет успешной охоты.

Кстати, рыболову надо помнить, что рельеф дна и берега Даугавы, как и всякой реки, меняются и подчас резко. Ведь куда-куда, а в одну реку действительно нельзя войти дважды, так она быстро течет и так быстро все в ней меняется. Мне случалось удачно охотиться возле одной небольшой косы из камня и намытого песка. И вот как-то выхожу на берег и не нахожу ее: коса исчезла. А в Парогре я уже не пытаюсь ловить при впадении одного ручья в Даугаву: от темных осадков его дно реки в этом месте стало черным, грязным. И голавли теперь не держатся здесь. Ведь они любят чистую воду.

БОЯЗЛИВ ЛИ ГОЛАВЛЬ?

В существовании легенд о боязливости голавля повинны сами рыболовы. А «вина» голавля состоит в том, что в теплые солнечные дни он держится на поверхности воды и издалека видит человека. А если рыболов еще и ведет себя неосторожно, стучит, со свистом машет и хлещет по воде 5—7-метровым удилищем, то голавль уйдет от опасности. Да и какая рыба не уйдет!

Разбегаются голавли и тогда, когда один из них окажется на крючке и начнет с шумом выпрыгивать из воды, метаться, с силой рваться в сторону. Там, где вы одолели крупного голавля, клева не будет по крайней мере полчаса. Чтобы не терять времени, лучше уходить с этого места.

Голавль близко не подпускает к себе рыболова, если тот с шумом ставит лодку на якорь, стучит удилищем или веслами, оглашает реку треском заторможенной катушки.

Ловлю я всегда с берега, а не с лодки, хотя сам видел, как некоторые рыболовы выуживали с лодки крупных голавлей. Но выуживали утром, во время мелководья, когда они вели насадку не наплавом, а почти по дну глубокой ямы или плеса, откуда голавли не видели их.

Совершенно прав Л. П. Сабанеев, когда утверждает: «При одинаковых условиях голавли всегда оказываются более жадными, смелыми и неосмотрительными, чем язь».

Если ловить «вежливо», то есть не шуметь, то крупный голавль подпустит к себе удильщика на несколько метров, а то и сам вплотную подойдет к нему.

Особенно смел голавль в ветреную погоду, когда рябь или волна мешают ему видеть рыболова. Бесстрашно берет он и перед грозой, а также в первые несколько минут ее, когда молния только начинает чертить в свинцовых тучах фиолетовые зигзаги. Но клев мгновенно прекращается, как только крупные дождевые капли забарабанят по воде.

Голавль, как и всякая рыба, хуже видит с глубины. И чем больше глубина, тем хуже видимость и тем ближе к удильщику может подойти голавль.

На говорливой, веселой Огре, когда в ней было много воды, мне однажды удалось вытащить двух крупных голавлей с небольшой глубины в нескольких метрах от себя. Ловил я обычной удочкой без катушки и, стоя во весь рост, забрасывал в заводинку.

Года через два удил я на хлеб, пользуясь маленьким, но прочным крючком. Забрасывал в омуток за перекатом Даугавы. Одна за другой следовали резкие голавлиные поклевки, но я, как ни подсекал, вытаскивал лишь... хлеб, сплющенный губами рыбы. Мал крючок! Ставлю более крупный и забрасываю. Следует поклевка. Жду какой-то миг, а затем подсекаю. И смельчак, не ушедший из омутка, когда я ходил по берегу у самой воды, оказался в моих руках.

Не раз я ловил на одном открытом месте левого берега Даугавы. Изредка подходил к воде и бросал для приманки овсяные хлопья в омуток с обратным течением. И голавли пришли сюда. За два часа мне удалось выудить трех красавцев. Примерно через 30—40 минут они один за другим подходили и, двигаясь около дна и не видя меня, жадно набрасывались на хлеб.

Ловлю я с поплавком, хотя некоторые рыболовы клятвенно уверяли меня, что я делаю большую ошибку. Видимо, они повторяли Л. П. Сабанеева, который писал: «Голавль боится поплавка».

Да, боится. Но какого? Ведь поплавок поплавку рознь! Посмотрите у Л. П. Сабанеева на его самоогружающуюся бочку с высоко торчащим над водой пером (рис. 1). Сооружение это ни на что плывущее

по воде не похоже и отпугивает голавлей. Ведь сам же Л. П. Сабанеев справедливо пишет: «При виде какого-либо незнакомого предмета, плывущего на воде, голавли обычно круто сворачивают в сторону или погружаются на дно».

Малозаметный же самоогружающийся поплавок (о нем подробно расскажу позже) не распугивает голавлей. Больше того, они «пробуют его на зуб», берут в рот, как пробуют плывущие листочки и кусочки куги, похожие на каких-то насекомых. Мы не раз видели с товарищем, как голавли хватали и выбрасывали наши поплавки, убедившись, что они не съедобны. Наблюдали мы и такую забавную картину: одновременно один голавль хватал наживку, а другой — поплавок. Был случай, когда смельчак даже обломал верх моего поплавка.

Так что не надо преувеличивать осторожность и боязливость голавля, но следует считаться с его зоркостью и, если берега открыты, лучше немного заходить в воду (взабродку), вести себя «вежливо»: не стучать, не шуметь и не хлестать воду удилищем, а наживку пускать по течению, то есть ловить плавом.

ОСНАСТКА И СНАРЯЖЕНИЕ

У д и л и щ е всегда беру только одно, чтобы не таскать лишний груз.

Долгое время я пользовался удилищем двуручного спиннинга длиной около трех метров. Оно имеет сравнительно жесткий, но гибкий кончик, позволяющий делать решительные подсечки, продергивая

на всю длину леску, извивающуюся змейкой и порой провисающую до дна (а выпускать ее нередко приходится на 50 и даже больше метров).

Правда, удилище двуручного спиннинга коротковато и потому даже при полном замахе не дает возможности далеко забросить наживку: сравнительно легкий самопогружающийся поплавок протаскивает через кольца всего лишь десять-пятнадцать метров лески (в зависимости от ее сечения, а значит, и тяжести). К тому же куцее удилище тяжеловато.

Чтобы избавиться от этих неудобств, я сделал складное бамбуковое удилище длиной около четырех метров. Оно оказалось значительно легче старого и позволяло намного дальше забрасывать наживку. Но тонкий кончик удилища портил подсечку, а после выуживания нескольких приличных голавлей согнулся крючком, да и так и не разогнулся. Тогда вместо бамбукового верхнего колена я подогнал и поставил клееное удилище одноручного спиннинга. Первые же пробы дали хорошие результаты.

П р о п у с к н ы е   к о л ь ц а на моем удилище металлические. На их прочность и «непогрешимость» я так надеялся, что не интересовался, в каком они состоянии. И вдруг конфуз: делаю заброс, а леска ни с места. Тяну рукой за кончик — снасть работает. Делаю новый заброс, поплавок летит вперед, потом назад и бьет меня по спине. Что, думаю, за притча! Обследую кольца. В тюльпане нахожу еле видимые желобки-насечки. И при забросе леску заедало в одном из них. Пришлось кончать рыбалку и уже дома сменить тюльпан.

Желобки-насечки обнаружил я и на ходовых кольцах — движущаяся леска пропилила металл. Когда я произвел какое-какие подсчеты, оказалось, что за один выход на рыбалку по кольцам пробегает около десяти километров лески, а за два-три лета — более тысячи километров.

К а т у ш к а. Первое время я пользовался маленькой проводочной катушкой. «Проводочной» ее, видимо, можно назвать и в том смысле, что рыболов даром проводит много времени на сматывание лески. Ведь надо сделать до десяти оборотов барабана, чтобы такой катушкой выбрать из воды один метр лески. А так как на охоте за голавлем дорога каждая секунда, я давно отказался от этой катушки.

Меня вполне устраивает ленинградская инерционная катушка. Она легка, имеет большой барабан и хороший ход, дополнительный беззвучный тормоз. Барабан быстро снимается с оси. Жаль только, что через два-три года у катушки появляется изрядный люфт — зазор между трущимися частями, и барабан начинает болтаться. Ленинградцам следовало бы подумать, как этого избежать и сделать катушку более долговечной.

Мой товарищ доволен безынерционной катушкой. Она позволяет делать забросы без предварительного сбрасывания лески. На ее барабан при одном повороте наматывается больше жилки, чем на инерционную.

Меня безынерционная катушка пока не устраивает: она имеет ручку слева, а я — не левша. Держать же удилище катушкой вверх не могу: под действием своей тяжести катушка все время стремится соскочить вниз, где она и должна находиться, да и настрой удилища меняется не в лучшую сторону. Надеюсь, как и многие рыболовы, что наша промышленность будет выпускать легкую безынерционную катушку и с ручкой на правой стороне (или чтобы ее можно было переставлять слева направо).

Л е с к а. На катушке всегда держу 100 метров. Сперва брал леску сечением 0,4 мм, а затем — 0,35 мм. Однако и та и другая оказались тяжеловаты. Чтобы избежать больших провисов и зацепов, пришлось перейти на леску сечением 0,3 мм. Сперва это была отечественная, а затем немецкая радужная, более прочная, но, к сожалению, недостаточно эластичная. Леска может оборваться в самый неподходящий момент. Я попытался понять, почему рвется леска? Оказалось: незаметно образовавшийся узелок, зажим на леске, разлохматившийся, ободранный о подпорченные кольца участок — вот обычные места обрывов.

Как от них избавиться и предупредить обрыв? Брать новую леску в начале каждого нового рыболовного сезона. Осматривать ее и удалять ненадежные участки. Это можно делать, когда приходится леску разматывать, сушить и снова, но без натяжки наматывать на барабан. Оставлять сырую леску на катушке нельзя: она будет портиться, а когда высохнет, сильно растянется во вред эластичности.

П о в о д о к при ужении голавля обязателен. Примерно метровой длины, он не топит наживку, спасет поплавок и леску, если оборвется. А такое может быть при чрезмерно резкой подсечке, зацепе, при неожиданном маневре голавля.

При сечении лески 0,3 мм я беру поводок сечением 0,2—0,25 мм. Соединяю его с леской набрасыванием петли на петлю и продергиванием поводка через петлю лески (рис. 2).

Поводку надо уделять не меньше внимания, чем леске. Бывает, что на нем вдруг появляется узелок — в этом месте наиболее вероятен обрыв даже при нормальной подсечке. Появляется узелок при забросе, когда поплавок летит впереди насадки.

Чтобы избежать захлестывания, я при забросе легкой потяжкой лески на себя останавливаю поплавок на излете. Всего на какой-то миг он зависает в воздухе и пропускает вперед насадку. Иногда захлестывания можно не заметить. Поэтому на рыбалке надо чаще осматривать поводок. Обнаруженный узелок почти невозможно развязать, да и не стоит: леска на его месте становится непрочной. Лучше сменить поводок.

К р ю ч к и в зависимости от насадки использую различные, но достаточно крупные. Однако, чем наживка меньше и нежнее, тем тоньше и меньше должен быть крючок. При крупной насадке можно пользоваться и двойничками.

Крючок всегда должен быть острым. Иначе не пробьешь прочную и мясистую губу голавля. Неплохо иметь при себе маленький напильничек (бархатный), чтобы при случае прямо на реке заострить крючок. Еще лучше и быстрей, как я убедился, заменить тупой острым крючком, заранее привязанным к запасному поводку.

Крючок или двойник очень трудно и долго вытаскивать — так они сильно вонзаются в губы и глоточные зубы голавля. В этом случае мне помогает палочка-выручалочка, вырезанная из плотной ветки, а моему товарищу — металлическая рогулька (рис. 3). Без этого немудрящего приспособления не следует начинать охоту.

Много хлопот доставлял мне узел поводка на крючке. Делал я его так, как показано на рис. 4. Не раз после подсечки мое удилище словно спотыкалось и... вместо голавля в руке оказывался поводок, но без крючка. Иногда по спиральке на конце

поводка было видно, что он развязался. Первое время я не задумывался о причинах происходившего, ставил новый поводок и продолжал ловить, но вдруг удилище вновь спотыкалось, а в конце поводка повисала знакомая спиралька без крючка.

Проверил узелок. Он оказался прочным. Но когда вытащил очередного голавля и стал вынимать крючок, обнаружил, что узелок расслабляется. Естественно, что при подсечке лопаточка крючка проскакивала через расслабленный узелок, а голавль благополучно уходил.

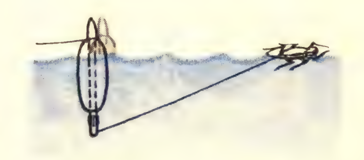
Теперь я привязываю крючок так, как показано на рис. 5. Пока этим узлом доволен, но частенько поглядываю, не расслабился ли он.

П о п л а в о к использую самопогружающийся. Без такого поплавка с берега ловить наплавом нельзя. Он необходим для заброса наживки, для удержания ее на поверхности воды и для наблюдения за поклевкой, которая доставляет мне особое удовольствие.

У голавля такая поклевка, которую без поплавка можно и не заметить. Ведь плывущую насадку он хватает на лету и стремительно уходит не вниз по течению, а против него или в сторону. О какой-то потяжке, которую рыболов мог бы почувствовать рукой, и говорить нечего. Наоборот, бывает, что после поклевки леска свободно повисает, создавая впечатление, что головля нет на крючке. И только не всплывающий поплавок настораживает.

Однажды мне удалось увидеть собственными глазами, как поплавок мчался в толще воды против течения, словно подводная лодка, а впереди — живая, с серебристыми боками ракета-голавль. Зрелище, за которое много можно отдать! Не будь поплавка, я бы не получил удовольствия от поклевки, так как не увидел бы ее, не увидел бы и этого удивительного зрелища.

А теперь о самом поплавке. Сперва я превратил обычный поплавок в стоячий самопогружающийся, передвинув груз от поводка к нижнему концу пера. Потом загнал свинец в перо (рис. 6). Но такой по-

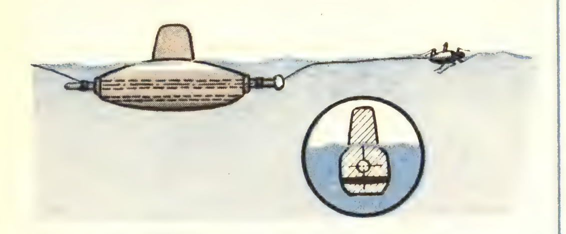
плавок на быстром течении и при боковом и встречном ветре ложился и делался почти невидимым. Главное же — поводок шел от него под углом снизу вверх и топил наживку. Охота с таким поплавком не доставляла удовольствия и не баловала меня уловами.

Однажды, когда под напором встречного ветра поплавок лег, я подумал: «А что если к нему приделать стоечку, а груз вогнать в низ лежащего поплавка, напротив стоечки?».

Обработал пробку в форме оливы, врезал в нее, посадив на клей БФ-2, стоечку, а в низ вделал плоскую полосу свинца, закрепил ее и окрасил поплавок. Получилась миниатюрная «подводная лодка». Но радоваться пришлось недолго: пробка оказалась неподходящим для «перископа» материалом — при подсечке она ломалась. Пришлось искать другой материал. Им оказался пенопласт.

В 1960 году, когда у меня уже хорошо действовала проверенная в течение трех лет «подводная лодка» из пенопласта (рис. 7), я приобрел книгу Л. П. Сабанеева «Жизнь и ловля пресноводных рыб». Там я обнаружил его усовершенствованный самопогру-

жающийся поплавок «бочку с пером», о котором уже говорил. Пожалел, что такую редкую книгу переиздали почти через полвека. Заодно пошутил над собой за «изобретение велосипеда». А в душе,

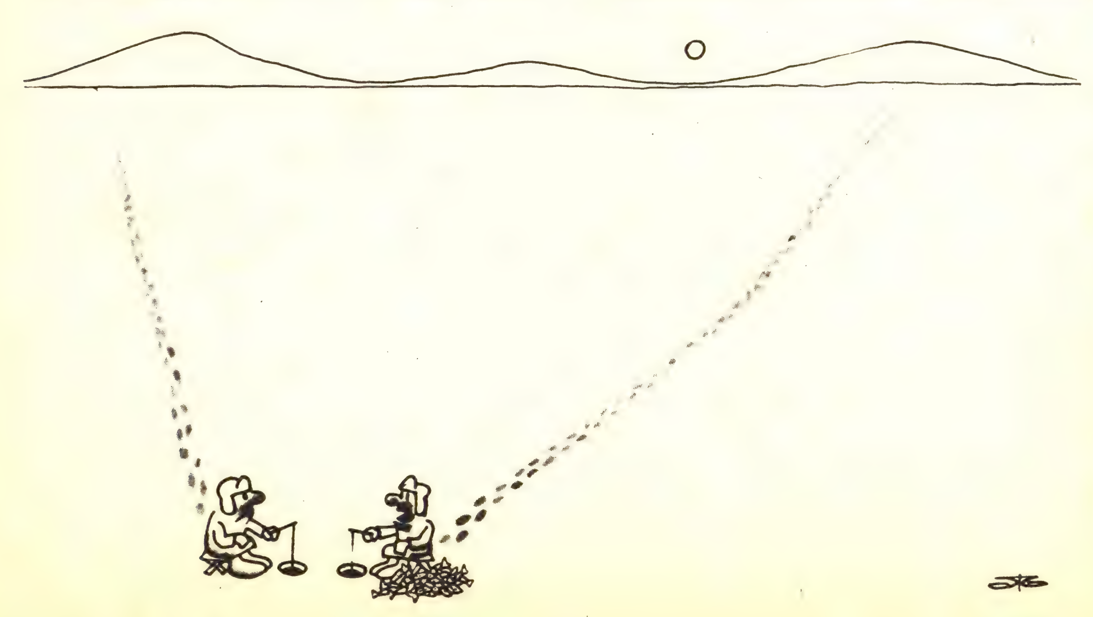
признаюсь, был доволен, что сам дошел до идеи лежачего самоогружающегося поплавка, которую давно высказал Л. П. Сабанеев. Радовало и то, что воплощение этой идеи далеко не похоже на «бочку с пером», что голавль не шарахается в сторону от «подводной лодки», идущей «под перископом». Как ни брось такой поплавок, он и на быстром течении, и на перекате, и на волне, и при ветре станет, словно «ванька-встанька», и выдвинет из воды только свой «перископ». Причем поводок будет плыть горизонтально, по самой поверхности воды и не потопит насадку. Без всяких задержек поплавок проходит по траве, чуть выдающейся из воды, проскакивает по верху валунов, не цепляется за дно, когда идет в нескольких сантиметрах от уреза воды. Хорошо обтекаемый, он при подсечках не оказывает большого сопротивления, а «перископ» не ломается. Легко поплавок идет при сматывании лески.

Делаю поплавок из целого куска пенопласта средней плотности. Длина его лежачей части от 3,5 до 4,5 см. Высота в центре — до 2,5 см. Ширина в центре — не больше одного сантиметра. Стойка («перископ») — усеченная пирамидка с округленными гранями: высота не больше 2 см, ширина у основания около 0,75 мм. Общий вес поплавка 5—7 г. Делать поплавок меньше или больше нецелесообразно.

Изготовление поплавка начинаю с того, что по центру его лежачей части просверливаю горизонтальное отверстие для пропуска лески. Затем в нижней части поплавка выбираю паз, куда подгоняю свинцовую пластинку соответствующего веса. Временно закрепляю ее, и поплавок опускаю в воду. Если он накренится в какую-либо сторону или сядет низко, убираю часть свинца и снова выверяю поплавок. Так делаю до тех пор, пока его нижняя часть не спустится горизонтально в воду до основания «перископа», а сам «перисколм» станет вертикально. После этого заделываю свинец в паз: беру мелкую крошку пробки, смашиваю ее с клеем БФ-2 и накладываю на свинец (или сперва высушенный паз смазываю клеем, в паз закладываю свинец и сверху покрываю клеем, а на клей насыпаю крошку). Поплавок плотно обертывается тесьмой и сушится, засохщая смесь обрабатывается напильником. Готовый поплавок (и передняя сторона стойки) покрываются масляной краской, лучше зеленой. Остальные стороны «перископа» можно делать пестрыми или оставить белыми (как кому удобней для глаз).

Через отверстие в горизонтальной части поплавка пропускается леска. Чтобы она не продергивалась при подсечке и не резала пенопласт, в отверстие вставляется перо, к заднему концу которого леска прижимается плотным резиновым колечком. На переднем конце пера крепится колечко из тонкой медной проволочки. Через него пропускается соединение поводка с леской. Снасть готова.

(*Продолжение в следующем номере альманаха*)

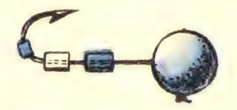
В. Марков

„Кэмбрик“

В последние годы среди подмосковных рыболовов получила распространение ловля на «кэмбрик» (от cambric — электроизоляционный материал), особенно удачная в первые дни ледостава и по последнему льду. Это искусственная приманка — комбинация мелко нарезанной пластиковой изоляции от радиотехнических проводов различных цветов, которую насаживают на цевье крючка мормышки или блесенки вместо мотыля.

Несколько лет назад в одном из номеров журнала «Рыбоводство и рыболовство» была опубликована статья В. А. Цесевича об опытах ловли рыбы на мормышку без всякой насадки. В дальнейшем другие энтузиасты ужения выявили целесообразность «украшения» мормышки небольшим кусочком губчатой резинки черного или красного цвета, узелком хлопчатобумажной черной нитки и, наконец, пластиковой изоляцией.

Наблюдениями химкинского рыболова В. Н. Телюка была установлена избирательная способность разных видов рыб при ловле на «кэмбрик» различных цветов. Так, например, окунь жаднее хватает мормышку с насаженными на ее крючок двумя бусинками черного цвета и одной белой. Плотва лучше ловится на сочетание двух белых и включенной между ними долькой черной изоляции, которую с успехом может заменить обыкновенная черная нитка, завязанная в узелок с небольшими усиками. Впрочем, на некоторых водоемах, где плотва питается в основном зеленью, ее неплохо ловят и на «кэмбрик» зеленого цвета. Густера и подлещики чаще попадаются на «кэмбрик», составленный из комбинации одного белого и двух красных кусочков изоляции. Длина каждого кусочка не должна превышать 1,5—2 мм, а диаметр — 0,8—1,2 мм (рис. 1).

Цвет мормышки особого значения не имеет, а вот величина и форма влияют на число поклевок. Как правило, лучшие результаты бывают у тех рыболовов, которые ловят на «кэмбрик», используя свинцовые мормышки типа «дробинка» с диаметром шарика не более величины спичечной головки.

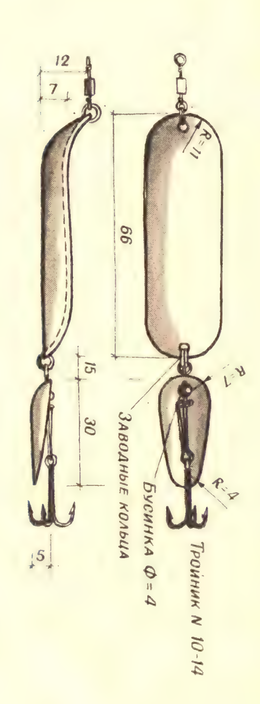
Имеют значение толщина и цвет лески. Давно замечено: чем тоньше и малозаметнее леска, тем чаще и увереннее поклевки. При ловле на «кэмбрик» обычно берут тончайшую леску диаметром 0,08—0,13 мм, окрашенную в зеленый или коричневый цвет (в зависимости от цвета воды).

Опустив оснащенную «кэмбриком» мормышку на дно, рыболов поднимает ее вверх на 0,5 м и выше, проверяя все слои воды. Недопустимо ловить на «кэмбрик» так, как ловят на мотыля, плавно поднимая и опуская мормышку с еле заметными покачиваниями и остановками. К оставленной в покое хотя бы на долю секунды мормышке рыба теряет всякий интерес. Чем выше частота колебаний и чем совершеннее кивок-сторожок, тем больше вероятность поклевки.

Мормышка при подъеме должна мелко дрожать в воде, а не беспорядочно прыгать в

В блокнот рыболову

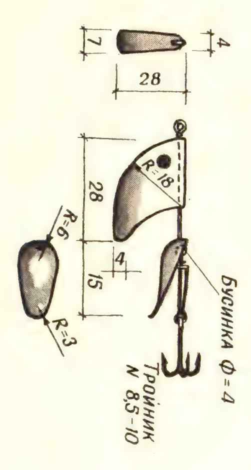
О двух разновидностях спиннинговых блесен, обстоятельно испытанных при ловле в водоемах Свердловской и Челябинской областей и хорошо зарекомендовавших себя, сообщает читатель Л. Н. Мешков из Свердловска. Блесна для ловли крупных щук (рис. 1) изготовляется из нер-

жавеющей стали, латуни, красной меди. Толщина основной блесны 2 мм, вращающегося хвостика — 0,5 мм. Доводить поверхность до зеркального блеска не следует. Применяется без дополнительного грузила.

В блокнот рыболову

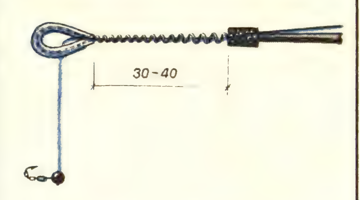
Вторая блесна (рис. 2) предназначается для ловли средней и мелкой щуки и окуней. Отливается из бабита с добавкой 20% олова. Вращающийся хвостик делается из пластинок серебра или нержавеющей стали толщиной 0,5 мм. С обеих сторон отлитой головки сверлом 4 мм сверлятся углубления 1,5 мм и заполняются красной краской.

●

Читатель В. М. Бондаренко из Белгорода прислал описание изготовления блесны из отрезка медной трубки диаметром 20—25 мм с толщиной стенки 2—2,5 мм и длиной 50—60 мм.

разные стороны. Лучшие кивки для ловли на «кэмбрик» выполняются из тонкой стальной проволоки 0,15—0,2 мм в форме конической пружины (рис. 2). Леску пропускают через витки пружины, чтобы она не запутывалась. Поклевки станут более заметными, если петельку на конце пружины окантовать «кэмбриком» красного цвета. Менее всего подходят для ловли на «кэмбрик» сторожки из ниппельной резинки, толстой лески или щетинки кабана.

При ловле на «кэмбрик» не следует долго задерживаться у «пустой» лунки в ожидании возможного подхода рыбы. Если, проверив все слои воды, вы убедились, что поклевок нет, сразу же сверлите новую лунку.

На «кэмбрик» можно ловить рыбу не только зимой, но и весной, летом и осенью длинными летними удочками с берега и короткими зимними удочками с лодки в отвес.

Вскоре после ледохода, спада и просветления полой воды в реки из озер и водохранилищ заходят стаи уклейки. Ловят ее самыми легкими удилищами, оснащенными тончайшей леской-паутинкой 0,08—0,1 мм на крючок № 2,5—3. В качестве насадки обычно применяют муху, половинку лепестка овсяных хлопьев «Геркулес» или малюсенький катышек из манной каши. Однако некоторые опытные рыболовы успешно ловят уклейку и на «кэмбрик».

Чаще всего уклейка схватывает темную свинцовую мормышку сразу же в момент касания водной поверхности или во время медленного погружения искусственной приманки в воду. Оптимальными для ловли уклейки считаются мормышки-дробинки микроскопических размеров. Иногда в периоды жора, когда вода кругом «кипит» от играющих рыбок, случается вытягивать одновременно по две уклейки, попавшиеся на две снаряженные «кэмбриком» мормышки и привязанные в 15—20 сантиметрах друг от друга.

Летом, когда большинство травоядных рыб переходит на «вегетарианскую» пищу, добычливость ужения на «кэмбрик» снижается. И все же поклонники ловли рыбы на длинные удочки без поплавка (в отвес) ухитряются «выдергивать» из окон среди зарослей кувшинок и стрелолиста отборных красноперок, плотвиц, подлещиков и окуней.

С осенним похолоданием воды клев на «кэмбрик» снова оживляется и достигает своего апогея к ледоставу.

У ловли на «кэмбрик» имеется целый ряд несомненных достоинств: рыболову не нужно добывать мотыля и заботиться о его сохранении; не нужно лишний раз снимать на холоде рукавицы или варежки для насадки мотыля. Пустых поклевок при ужении на «кэмбрик» куда меньше, чем при ловле на любую насадку животного или растительного происхождения. Да и мелочь на «кэмбрик» попадается гораздо реже, чем на мотыля.

И. Кожурин

„Находка"

Эту блесну я случайно приобрел на рыбалке у одного спиннингиста. Заинтересовала

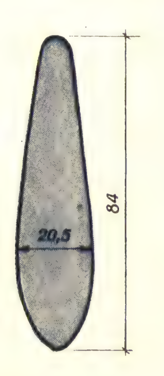
она меня своей оригинальной формой. Потому и назвал ее «находкой». Уже лет пять с успехом ловлю на нее на подмосковных реках, бывал в других областях — не подводила она меня. Был бы клев...

Хорошо играет блесна на слабом и быстром течении, ловил я на нее в тихих омутах и в заводях. Удобна она тем, что не парусит при забросе и достаточно тяжела.

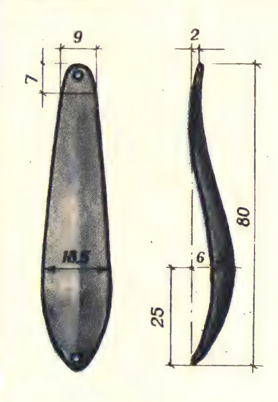
Поделюсь некоторыми тонкостями ловли на «находку». После заброса блесну опускаю на дно, резким взмахом отрываю от него, делаю 6—8 оборотов катушки. Так повторяю несколько раз. Вторую половину пути опускаю блесну реже. Стараюсь «чувствовать» дно. Лучше всего показывает себя блесна на среднем течении при проводке вверх, поперек течения или наискось снизу вверх. Игра у нее мягкая, с небольшой амплитудой колебания и легким покачиванием с боку на бок. При более интенсивной проводке играет как «змейка».

Расскажу об изготовлении блесны. Авторства конструкции себе не присваиваю, автор ее, надеюсь, меня не осудит. Моя здесь лишь технология изготовления.

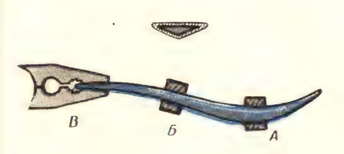
Блесна состоит из двух половинок. Внешняя пластинка: заготовку (рис. 1) выбиваю пу-

ансоном так, что получается только продольный выгиб. Поперечного изгиба добиваюсь, выгибая эту половинку блесны с помощью молоточка на мягкой свинцовой наковаленке. Добившись необходимой формы, нагреваю пластинку на пламени горелки, предварительно смочив паяльной кислотой и положив в углубление свинец (лучше третник). Заливаю форму полностью, располагая ее под разным углом, чтобы выровнять поверхность. Окончательно выравниваю напильником.

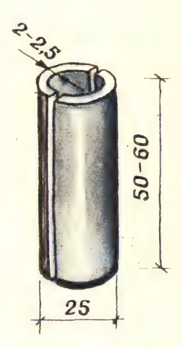
Затем вырезаю вторую пластинку по размеру первой, подгоняю изгибы, смачиваю пластинку кислотой, облуживаю и приступаю к соединению пластинок. Для этого обе половины зажимаю плоскогубцами за «хвостик» (в точке В на рис. 3)

и разогреваю. Как только третник начнет плавиться, другими плоскогубцами сжимаю блесну в точке А. Жду, пока третник затвердеет. Не снимая плоскогубцев с точки А, разогреваю середину блесны и, когда третник расплавится, перехватываю другими плоскогубцами в точке Б. Остается спаять хвостовую часть блесны, где прием повторяется. Если при спайке кое-где получилось неплотное прилегание краев пластин, про-

В блокнот рыболову

Трубка (рис. 3) распиливается вдоль на две половинки, затем ударами молотка по концам половинок слегка расправляют их и по выкройке из плотной бумаги

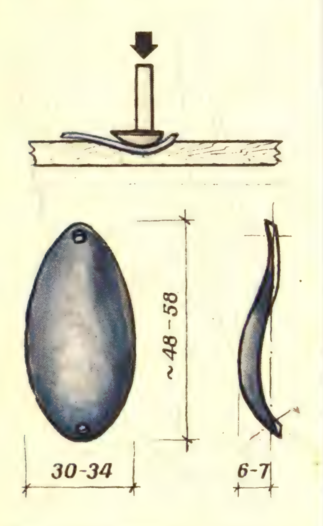
на одной из половинок обрисовывают контур будущей блесны (рис. 4). Пластинка вырубается

зубилом. Пуансоном из болта для крепления накладок на углублении в торце деревянного бруска заготовке придается нужная

В блокнот рыболову

форма (рис. 5). Готовая блесна (рис. 6) обрабатывается на наждачном круге мелким напильником, шкуркой и полируется пас-

той для правки бритв. Оснащается заводными колечкамц, вертлюжком и тройником с пушком из красной шерсти (рис. 7). При-

меняется без дополнительного грузила. При средней скорости проводки хорошо имитирует плывущую рыбку, колеблясь из стороны в сторону. На нее автор письма неоднократно успешно повил щук в реке Северный Донец.

В своем втором предложении автор письма рекомендует при

паиваю паяльником. Кромки обрабатываю напильником. Как сделать отверстия, думаю нет нужды объяснять.

Вес блесны в среднем 30 граммов (без тройника). Может быть небольшое расхождение в весе (27—35 г) за счет количества «внутреннего содержимого» и его состава (свинец — блесна тяжелее, третник — легче). Но это, как я убедился, существенного влияния на игру блесны не оказывает.

Правда, изготовление блесны довольно сложно, но с опытом приходит и сноровка. Сейчас за 1,5—2 часа успеваю изготовить 8—10 блесен. Этого количества достаточно на сезон даже при ловле в закоряженных реках.

В последнее время я испробовал более легкий, упрощенный способ изготовления — без накладки и припайки верхней пластины. Заливаю только первую, основную, форму и не свинцом, а третником. Он дает иной блеск и не так темнеет. После заливки и обработки напильником поверхность полирую стальным предметом или толстой иглой, затем покрываю двумя слоями синтетического водостойкого клея, что хорошо предохраняет ее от окисления.

О цвете блесны. Испробовал я разные варианты и, в конце концов, остановился на желтом — цвет латуни. В наборе держу полированные и неполированные блесны. При надобности (пасмурная погода, мутная вода) поверхность блесны серебрю ртутной амальгамой, но тут же зачищаю тонкой истертой шкуркой. Холодный зеркальный блеск ртути уступает место матово-серебристой поверхности с теплым оттенком. Такая обработка, как я убедился, дает лучшие результаты. Очень хорошо серебрение, но без дальнейшей полировки.

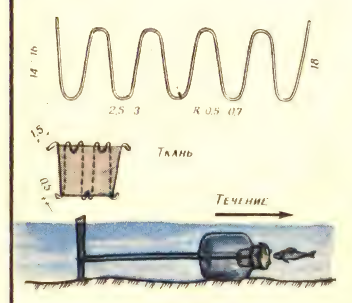
Тройник ставлю № 10—12, шерстинками не маскирую, так как это ухудшает игру блесны.

Ю. Поляков

Верша-малявочница

Как бывает иногда нужен малек, а специально заниматься его ловлей на рыбалке — потеря драгоценного времени. Тут на помощь рыболову может прийти верша-малявочница. Конструкция ее очень проста, изготовляется она в течение 15—20 минут. Для этого нужна 2—3-литровая банка, мягкая проволока 1—2 мм толщиной и кусочек материи.

Кусок проволоки длиной 160 см изгибают так, как показано на рисунке. Получен-

ную спираль сворачивают в конусную трубочку (каркас) так, чтобы диаметр большого круга был 6 см, а малого — 4—5 см и примеряют к банке, после чего два удлиненных конца вверху переплетают, скрепляя каркас проволокой на высоте 14—16 см. Затем между ребрами продевается кусочек материала (длина 21—23 см, ширина 14—15 см). Края материала сшиваются, а затем пришиваются к ребрам, чтобы материал не крутился на каркасе.

Получается вкладыш.

Верхние концы спирали изгибают так, чтобы они охватывали горло банки (1,5 см), а нижние концы так, чтобы не соскальзывал материал (0,5 см)

Вкладыш вставляется в банку и прикручивается проволокой к ее краям. При извлечении мальков вкладыш не вытаскивают, а только изгибают для того, чтобы между двумя ребрами образовалась щель, а затем отгибают край материала и выливают содержимое банки.

В вершу можно положить кашу, мелких червей, мотылей, хлеб и т. д. Через стеклянные стенки приманка будет хорошо видна.

И еще немного об установке верши на течении — для этого на нее надевают специальные «вожжи» и устанавливают, как показано на рисунке.

Установка банки по течению объясняется следующим: мальки прячутся за подводные камни, бугорки и проникнуть в вершу, установленную таким образом, им легче. Обычно в вершу попадается 5—15 рыбок (пескарь, карась, плотва, голавлик и окунь), иногда заходит и более 20.

Проверять рекомендую не ранее чем через час.

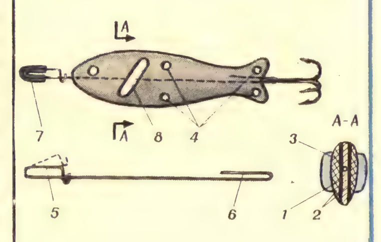
В. Сонин

Комбинированная блесна

При ловле хищных рыб хорошо зарекомендовала себя комбинированная блесна. Эту блесну мы с товарищем разработали и довольно успешно применяем в последние годы.

Изготовить блесну может каждый рыболов-спиннингист, имеющий минимум необходимых инструментов.

Форма блесны обтекаемая и напоминает конфигурацию рыбки (см. рисунок). Приклеенные боковые плавники (8) светло-красного цвета придают ей своеобразные колебания, имитирующие плывущую больную рыбку.

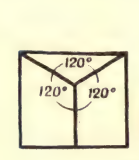

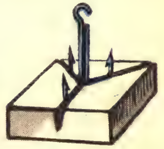
Блесна состоит из следующих основных частей: свинцовой пластины (*1*); алюминиевой фольги (*2*), расположенной по обеим сторонам свинцовой пластины; двух боковых накладок (*3*) из органического стекла. Весь этот набор между собой скрепляется заклепками (*4*). Заклепки лучше всего делать из тонкой мягкой алюминиевой проволоки. Количество заклепок зависит от формы и размеров блесны. Обтекаемая форма блесне придается после склепывания пластин. Особенно тщательно зачищать и полировать поверхность блесны не надо, так как в воде все неровности хорошо сглаживаются. Свинцовая пластина с одной стороны, в своей средней части, имеет сквозную неглубокую канавку для поводка, а с другой — коротенькую канавку для заводки в нее конца поводка, на котором закрепляется тройничок (*6*).

Тройничок мы маскируем красными шерстяными нитками или же красной тряпочкой. Это, как правило, повышает успех ловли. Предлагаемый поводок надежен и, главное, очень удобен на практике. При вы-

В блокнот рыболову

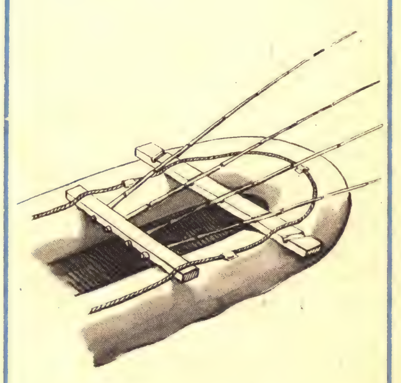
домашней пайке тройников использовать для закрепления крючков чернильную резинку с глубо-

кими прорезами острым ножом. Крючки хорошо удерживаются в нужном положении (рис. 8).

Заслуживает внимания предложение тов. Русакова из Нежина по устройству держателей для удилищ при ловле с резиновой лодки (рис. 9). Это две легкие

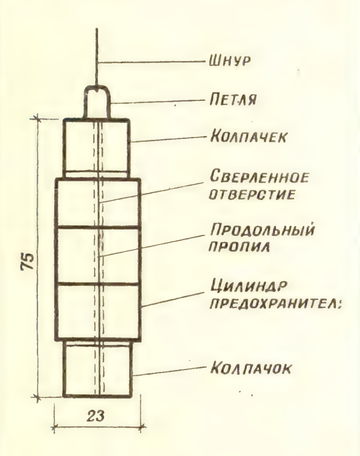

деревянные планки с выточками для удержания удилищ. Передняя планка несколько длиннее задней. Выточки делаются не по числу удочек, на которые собира-

В блокнот рыболову

ются ловить, а несколько больше, чтобы иметь возможность перемещать удочки влево или вправо. Длина планок определяется по ширине лодки.

Конструкцию несложного в изготовлении отцепа предложил читатель А. И. Грецкий из Магнитогорска. Отцеп можно сделать из предохранителя марки ПР-2 для тока 15—60 ампер 220 вольт, применяемого при монтировке электрических щитков (рис. 10). Длина его 75 мм, диаметр 23 мм. С предохранителя снимается один колпачок, шайба и извлекается все содержимое. Образовавшийся цилиндр полностью заполняется расплавленным свинцом. После остывания свинца снятый колпачок ставится на место, а с другого конца цилиндра убирается вторая шайба. Оба колпачка отворачивают-

ходе на рыбалку со спиннингом тройнички отцеплены от блесен и находятся в отдельной коробке. Поводок позволяет быстро и легко отцеплять и закреплять тройничок. При отжатой и отведенной головке поводка (*5*) блесна перемещается по поводку влево, при этом освобождается второй конец поводка (*6*), на который надевается тройничок. Затем блесна перемещается вправо, конец поводка заводится в короткую канавку с обратной стороны свинцовой пластинки, защелкивается головка поводка. Блесна собрана.

При ловле этой блесной мы не используем ни колечек, ни вертлюжков, которые создают излишний шум и тем самым настораживают и отпугивают рыбу. Блесну мы непосредственно закрепляем на основную леску спиннинга и считаем, что это гораздо лучше даже из тех соображений, что блесна имеет меньше дополнительных зацепов за предметы, находящиеся в водоеме, и сама снасть меньше путается. На головку поводка мы надеваем сравнительно тонкую изоляцию от провода (*7*).

Это делается для того, чтобы предохранить основную леску от перетирания в месте закрепления ее в поводке.

Наличие свинцовой пластины необходимого веса позволяет использовать блесну без грузила, который своими зацепами частенько доставляет немало хлопот.

Алюминиевую фольгу мы берем с различными оттенками — белую, синеватую, желтоватую, красноватую — в зависимости от оттенка чешуи рыб данного водоема.

На внутренней стороне пластин из органического стекла можно сделать подрисовки краской в виде плавников, поперечных и продольных извилин и т. д.

В реках и озерах Поволжья и Дона на эту блесну мы с успехом ловили окуней, щук, судаков.

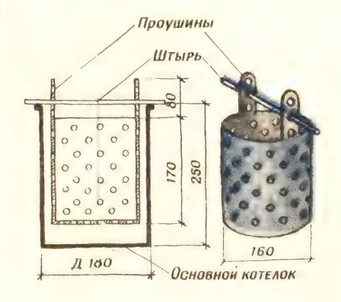
В. Шкардун

Вспомогательный котелок

Чтобы приготовить настоящую тройную уху кроме посуды и рыбы необходимо еще иметь достаточно времени, которого порой и не хватает на рыбалке.

Но сравнительно быстро можно приготовить уху, если воспользоваться простым приспособлением — вспомогательным котелком. Изготовить его в домашних условиях не представляет большого труда.

Привожу чертеж и описание своего рыбацкого котелка, которым пользуюсь уже несколько лет.

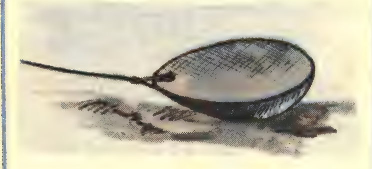
Основной котелок изготовлен из листовой нержавеющей стали 0,5 мм. Для вспомогательного котелка использовал алюминиевый бидон, у которого отрезал горловину так, чтобы остались две проушины, необходимые для регулирования высоты подвески котелка. В боковых стенках и днище в шахматном порядке насверлил отверстий диаметром 10 мм, суммарная площадь которых

В блокнот рыболову

ся на 1/5 оборота, цилиндр зажимается в тиски в горизонтальном положении и в нем ножовкой делается продольный пропил строго по центру. Можно перед этой операцией просверлить по центру сквозное отверстие тонким сверлом. К одному из колпачков припаивается петелька из проволоки для привязывания шнура.

При пользовании отцепом нужно совместить вырезы в цилиндре и колпачках, завести в них леску и завернуть колпачки. Весит он 250 г. Спиннингисты могут использовать для изготовления отцепа предохранитель такого же типа, но более крупного размера. Весить он будет 1 кг.

Грузило является неотъемлемой частью почти любой рыболовной снасти, в том числе и донных удочек. Читатель Ю. Н. Баулин из Балашихи Московской области рекомендует простое в изготовлении свинцовое грузило, надежно удерживающее крючки с насадкой на дне и легко отделяющееся от грунта при вытаскивании снасти. Формой для него служит столовая или чайная ложка. Для привязывания к леске

в его тонкой части сверлится отверстие или заливается петелька из латунной или медной проволоки, которую при отливке укладывают в ложку (рис. 11).

составляет несколько более 20% от всей площади боковой поверхности и днища котелка. В проушинах просверлил по 3 отверстия для штыря, на котором и подвешивается котелок. Штырь изготовил из дужки бидона.

В основной котелок кладут картофель и репчатый лук; во вспомогательный — рыбу, причем на дно укладывается рыба, предназначенная для навара, а сверху более крупная. Вспомогательный котелок с рыбой подвешивается в основном так, чтобы между его дном и картофелем оставался промежуток не менее 2—3 см. Налив необходимое количество воды, котелок ставят на огонь и варят до готовности картофеля. Специи кладут по вкусу и в той последовательности, как принято. Готовую уху снимают с костра, поднимают котелок с рыбой и дают стечь бульону.

Правда, при таком приготовлении ухи рыба сильно вываривается, но зато бульон получается наваристым.

Чтобы рыбе придать аромат и вкус, готовят в зависимости от количества сваренной рыбы один или два стакана рассола из бульона, соли и толченого чеснока (соль и чеснок по вкусу). Полученным рассолом обливают рыбу, предварительно подставив под котелок свободную миску. После двух- или трехкратного полива рыба готова к употреблению.

Попутно отметим, что до поливки рыбы рассолом можно из вспомогательного котелка удалить всю мелочь, но тогда крупную рыбу придется перекладывать два раза и она может раскрошиться и потерять аппетитный вид.

Имея вспомогательный котелок, можно запросто приготовить двойную или тройную уху, что неоднократно приходилось мне делать. Однако более вкусная и наваристая уха, по отзывам товарищей по рыбалке, всегда получалась тогда, когда ее готовили по описанному рецепту, да и время на приготовление ухи и рыбы уходило сравнительно мало. К тому же при использовании вспомогательного котелка исключается всякая возможность попадания костей рыбы в уху. Это является немаловажным обстоятельством, особенно если приходится есть при тусклом свете костра.

Попробуйте сделать вспомогательный котелок и сварите уху по указанному рецепту, уверяю вас, не пожалеете!

А. Ганич

Регулируемый кивок из двух пружин

Основные требования, которым должна отвечать конструкция кивка (сторожка), сигнализирующего о поклевке рыб при ловле на мормышку, следующие: высокая чувствительность, легкость регулировки при ловле на мормышку разного веса и возможность придавать мормышке такую частоту и амплитуду колебаний, которые вызывают поклевку.

Эти требования в основном удовлетворяют регулируемый кивок из двух пружин, конструкция которого показана на рисунке.

Кивок состоит из двух пружин. Пружина кивка (*1*) имеет диаметр 3,2 мм и длину 100—120 мм, пружина-регулятор (*2*) соответственно 1,75 и 150 мм. Эти пружины можно взять из фотоспуска, который продается в фотоотделе магазина культтоваров.

У фотоспуска бритвой разрезается матерчатая оплетка и с помощью кусачек извлекаются пружины. У пружины диаметром 3,2 мм с одного конца надо отрезать кусочек, имеющий плотную смотку. Пружи-

ны удерживаются на хлыстике удочки (*6*) с помощью держателя из пенопласта (*3*) и двух резиновых колечек (*4*). Держателем служит брусочек из плотного пенопласта размером 15 × 8 × 8 мм, его можно выпилить лобзиком или вырезать острым перочинным ножом.

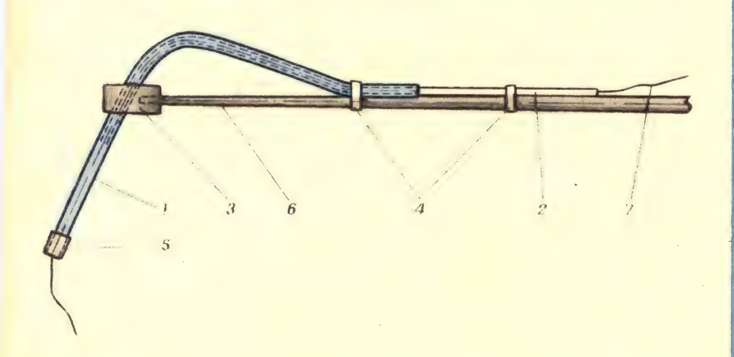
В держателе делается с помощью круглого надфиля отверстие диаметром 3,5 мм для пропуска пружины кивка. Чтобы насадить держатель на хлыстик, тем же надфилем делается отверстие несколько меньшее, чем диаметр хлыстика. Он будет держаться за счет упругости пенопласта. Резиновые колечки шириной 2—2,5 мм можно отрезать от любого резинового шланга с внутренним диаметром примерно 3 мм, например от груши пульверизатора.

На кончик пружины кивка для лучшего наблюдения за поклевкой прикрепляется кусочек цветной изоляционной ленты (*5*) шириной 5—7 мм оранжевого или другого цвета.

На ленту можно надеть колечко шириной 1 мм из нипельной резинки для того, чтобы лента держалась надежно. Настраивают и регулируют кивок следующим образом: на хлыстик надеваются и сдвигаются в нижнее положение два резиновых колечка, через которые пропускается леска (*7*).

В держатель просовывают пружину кивка, затем просовывают леску в пружину-регулятор. Леска просовывается в эту пружину легко, так как она имеет плотную смотку. Часть лески вытягивают из пружины и изгибают параллельно ей. Затем эту пружину вместе с леской просовывают через всю пружину кивка и вытягивают леску на нужную длину для привязки мормышки. Затем надевают держатель на хлыстик и закрепляют пружины резиновыми колечками.

Регулировка чувствительности кивка в зависимости от веса мормышки производится за счет изменения свободной длины пружины кивка.

В блокнот рыболову

Рыболовов, занимающихся изготовлением сеток для подсачеков и малявочниц, может заинтересовать предложенная читателем Ю. Щукиным из Перми конструкция челнока-иглицы из стальной проволоки диаметром 1,5 мм. Сделать челнок несложно. Отрезок проволоки изгибается по форме, показанной на

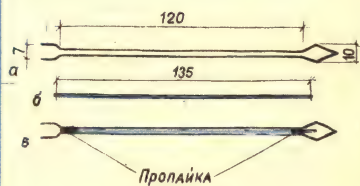
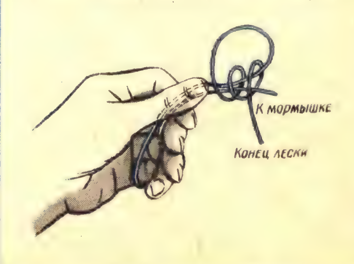

рис. 12, а. Второй отрезок проволоки того же диаметра (рис. 12, б) вкладывается внутрь будущего челнока и места, обозначенные на рис. 12, в, обматываются тонкой проволокой и пропаиваются. Челнок-иглица готов. Размеры его можно пропорционально изменить.

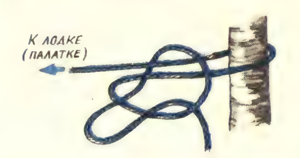
Оригинальный способ привязки мормышки к леске двойным скользящим узлом предложил читатель Г. П. Гладышев из Москвы. После продергивания лески через

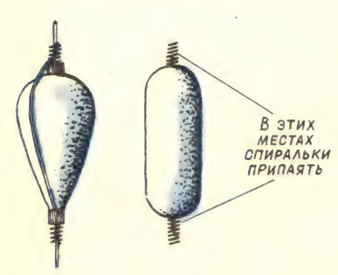
В блокнот рыболову

отверстие в мормышке конец лески складывается вдвое — образуется петля. Затем делается большой виток, в который дважды пропускается свободный конец лески. Петля надевается на крючок мормышки и узел затя-

гивается на цевье. Двойным скользящим узлом удобно привязывать лодку или веревки палатки. При надобности он легко развязывается: достаточно потянуть за оставленный кончик веревки «а».

Описание поплавка с оригинальным устройством для закрепления на леске прислал читатель А. И. Анпилогов из Усть-Каменогорска. У пустотелого поплавка (из имеющихся в продаже) с обоих концов опиливаются стержни до диаметра 3 мм и длины 4 мм. Из стальной проволоки диаметром 0,8 мм вьется спираль в 4 витка на конце над-

феля диаметром в 2 мм и еще 4 витка на миллиметровой стальной проволоке. Такие спиральки надеваются на стержни поплавка и закрепляются на них клеем БФ-2 с обмоткой тонкой шелковой нитью. Расстояние между витками спирали 1 мм. Для закрепления поплавка леска заводится поочередно между витками обеих спиралек. При надобности поплавок с небольшим усилием можно передвигать по леске.

При изготовлении поплавка из пенопласта, пробки или коры спиральки (по 8 витков каждая) вьются одного диаметра на проволоке 1 мм. Сквозь корпус поплавка, по длине его, пропускается отрезок миллиметровой проволоки, к концам которого припаиваются спиральки. Леска заводится в 3—4 свободных витка каждой спиральки. Конечно, форма поплавка может быть изменена в соответствии с его назначением.

Второе предложение тов. Анпилогова — садок из капроновой сетки. Использовав указания Бондарева, изложенные в его статье «Основа для вязания сеток по кругу», помещенной в 22-й книге нашего альманаха, автор письма внес в них некоторые изменения: набор основы он начинал не из 4—5 ячеек, а сразу из 30 и затем увеличивал по одной ячее в каждом ряду до 40. Из 40 ячеек по кругу, при размере ячеи 1,5 на 1,5 мм, была связана для садка цилиндрическая сетка высотой 60 см.

Для изготовления трех колец используется изоляционная полихлорвиниловая трубка диаметром 6 мм (продается в магазинах радиотоваров) длиной 80 см для нижнего кольца, 50 см для среднего и 45 см для верхнего. Внутрь каждого отрезка трубки по всей длине плотно набиваются проволокой кусочки мягкого пенопласта длиной 1—1,5 мм для придания кольцам упругости и плавучести. А после заполнения трубок пенопластом для образования кольца один конец каждой трубки вставляется внутрь другого на длину 1 см и место соединения сваривается горячим паяльником. Верхнее и нижнее кольца привязываются на таком расстоянии от края сетки, чтоб после стягивания затяжным шнуром сетка слегка провисала внутрь воронкой, так как после намокания капроновая нить дает усадку. У нижнего кольца сетка стягивается вплотную капроновым шнуром, шнур завязывается и концы его оплавляются спичкой. У верхнего кольца в сетку через каждую ячею также протягивается затяжной шнур длиной 1,2—1,5 м. На нем в 20 см от горловины завязывается узел, а к другому концу привязывается штырь из нержавеющей проволоки для закрепления садка у берега. Среднее кольцо укрепляется в 15 см от верхнего. Рекомендуется верхнюю часть сетки надвязать в 2—3 ряда более толстым капроновым шнуром. Горловина из такого шнура удобнее раздвигается рукой при опускании рыбы в садок.

Полезный совет дает читатель В. Н. Виноградов из Реутова. При ловле малька небольшой малявочницей на шесте приходится затрачивать много усилий при подъеме ее из воды. Эту трудную работу можно значительно облегчить, если к верхнему концу шестика прикрепить прочный шнур (по длине шестика). При подъеме сетки нужно нижний конец шестика упереть в выступ берега или камень и, натянув шнур, быстро поднять малявочницу к поверхности воды.

Все о спиннинге:
Умей выбрать удилище
Что такое «строй» спиннинга
Как избежать «бороды»
Рыба соблазнилась на «железку»
Где, когда и как ловить•
Век лови — век учись•
Гостья из Амазонки•
НОВИЧКИ
НА
ВОДОЕМЕ

М. Матвеев

СЛОВО О СПИННИНГЕ

Видел ли ты, мой юный друг, как ловят рыбу спиннингом?

Представь себе: идет по берегу реки человек со снастью, похожей и вместе с тем не похожей на известную тебе удочку. У этой непонятной пока снасти есть удилище (правда, не такое, как у поплавочной удочки), но нет поплавка; вместо крючка — довольно большая металлическая пластинка с якорьком; комлевая часть удилища утолщена, на ней закреплена большая катушка.

Вот рыболов остановился, взмахнул удилищем, серебристая приманка стремительно полетела далеко вперед, увлекая за собой сверкающую нить лески, и с легким всплеском упала на воду у камышей. Выждав несколько секунд, рыболов начинает вращать катушку. Леска натягивается, а вершинка удилища, слегка изогнувшись, мелко подрагивает, отмечая движение приманки.

Вдруг (а это всегда случается внезапно!) удилище круто изогнулось, туго натянувшаяся леска пошла в сторону, затем появились буруны — на конце лески кругами заходила крупная рыба! После недолгой борьбы у ног рыболова оказался завидный трофей — отменная красавица щука, соблазнившаяся на несъедобную «железку».

Удивительно, не правда ли?

Давай разберемся в происшедшем:

Известно, что хищные рыбы — щука, окунь, таймень, ленок и многие другие — прожорливы. Проголодавшийся хищник охотится не только на мелких рыбешек, но и хватает лягушек, нападает на птенцов водоплавающих птиц, на мышей, белок и других мелких животных, оказавшихся на воде. Бывает, что в пылу «охотничьего азарта» по ошибке хватает и несъедобные предметы, особенно движущиеся.

Так еще в незапамятные времена люди обнаружили, что хищных рыб можно ловить на «обманные», несъедобные, приманки — блесны.

До недавнего времени на блесну ловили обычной, правда особенно прочной удочкой. Забрасывая блесну, давали ей немного погрузиться в воду и, отводя удилище, проводили блесну вдоль границы водорослей, у затопленного кустарника и других мест, где может находиться хищник. (Такой способ ловли и сейчас применяется дальневосточными рыболовами для ужения щук и змееголовов в сильно заросших водорослями озерах в пойме Амура, Уссури и их притоков)

Шло время. Не только рыболовы приобретали опыт, но и рыба становилась «умнее», осмотрительнее. Заметив рыболова, она отходила подальше от опасного соседства. Поймать рыбу стало труднее, но все же возможно, если подальше забрасывать приманку.

Так около сотни лет назад появился спиннинг. Эта снасть обладает многими замечательными качествами, сочетающими в себе свойства и метательного орудия и удочки для блеснения. Ведь спиннингом можно забрасывать приманку на несколько десятков метров, чего не сделаешь рукой, а с помощью катушки подтягивать приманку к себе. При этом движущаяся в воде приманка напоминает живую рыбку, которую и хватает хищник. Заметим попутно, что спиннингом ловят более крупную рыбу, чем обычной удочкой. Кроме того, он всегда готов к применению, ведь для ловли спиннингом нет нужды отыскивать, добывать или приготовлять, а главное — сберегать от порчи какие-либо приманки!

И еще одно замечание. Спиннингом называют не только снасть, но и способ ловли. Неправильно говорить: «ловлю на спиннинг» (потому что ловят на блесну), но «ловлю спиннингом».

Первые спиннинговые снасти были далеки от совершенства, непомерно дороги и доступны лишь очень состоятельным людям. Поэтому в царской России ловля спиннингом была приви-

легией аристократов и толстосумов.

В наше время спиннинг стал доступен всем. Наши отечественные предприятия в изобилии производят все необходимые и недорогие высококачественные принадлежности для спиннинга.

Итак, что же такое спиннинг?

Посмотрим на этот рисунок: на нем изображены два вида спиннинга: двуручный (*А*), важное значение для успешной ловли спиннингом. Все составные части спиннинга должны быть не только прочными, но главное — гармонически согласованными между собой, а вся снасть — удобной в работе. Нельзя на длинном удилище ставить очень маленькую катушку с тонкой леской, так же как на одноручном очень большую и тяжелую катушку с непомерно толстой леской. Пре-

Чем крупнее рыба, тем прочнее должны быть удилище, катушка, леска. И лишь после этого подбирай себе снасть «по вкусу», учитывая при этом назначение и свойства отдельных частей спиннинга.

Рассмотрим их по порядку.

Удилище выполняет роль рычага при забросе приманки и дополнительного амортизатора при вываживании пойманной рыбы.

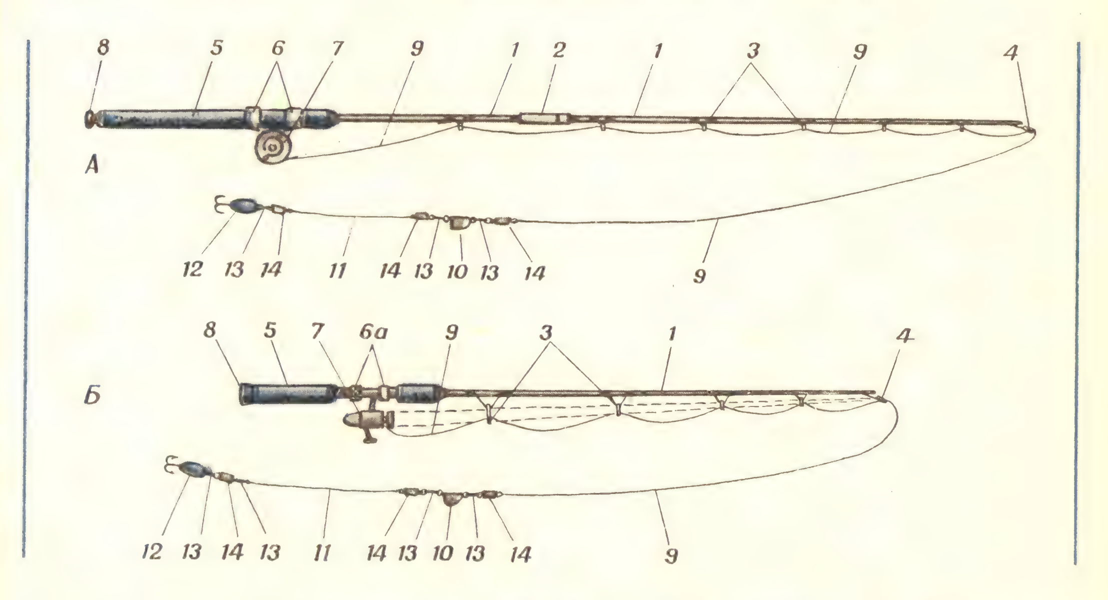

Рис. 1. Спиннинг: А — двуручный; Б — одноручный. 1 — ствол удилища; 2 — соединительные трубки; 3 — пропускные кольца; 4 — «тюльпан»; 5 — рукоятка; 6 — кольцевой катушкодержатель; 6а — винтовой катушкодержатель; 7 — катушка; 8 — «грибок»; 9 — леска; 10 — грузило; 11 — поводок; 12 — блесна; 13 — заводные кольца; 14 — вертлюжки («карабины»)

предназначенный для заброса приманки двумя руками, и одноручный (*Б*). Из рисунка видно, что спиннинг состоит из удилища с пропускными кольцами для лески и утолщенной рукоятки с приспособлением для закрепления катушки (катушкодержателем), специальной «спиннинговой» катушки с запасом лески длиной до 100 метров, грузила и поводка с прикрепленной к нему приманкой.

Качество снасти имеет очень небрежение этим правилом может привести только к разочарованию в спиннинге. Это особенно важно помнить еще и потому, что спиннинги продаются некомплектными и снасть приходится собирать самому.

Прежде чем приобретать отдельные части спиннинга, продумай, где — с берега или с лодки — и какую рыбу ты собираешься ловить. Для ловли с берега удобнее пользоваться длинным двуручным удилищем, с лодки — одноручным.

В отличие от обычных спиннинговые удилища делают особо прочными, способными удержать на весу груз весом в несколько килограммов.

В магазине можно купить удилища из цельного и клееного бамбука, металлических трубок и стекловолокна, проклеенного синтетическими смолами. Одноручные удилища имеют длину около 1,5 м, двуручные — до 4 м и бывают цельными и составными — двух- и трехколенными. Двуручные

7—545

удилища более удобны для заброса тяжелых приманок и надежнее при ловле крупной рыбы. Цельные удилища прочнее составных.

Каждое из удилищ имеет свои достоинства и недостатки.

Например, удилища из натурального бамбука довольно легки, обладают прочностью, вполне достаточной для ловли некрупной рыбы. Однако они недолговечны: даже при очень внимательном уходе они на второй-третий сезон растрескиваются, ломаются на узлах, из-за усыхания древесины нарушается посадка соединительных трубок.

Значительно лучше удилища клееного бамбука, т. е. склеенные из шести пирамидальных «гранок». Особенно прочны клееные удилища так называемой «двойной» склейки — из 12 гранок. Такие удилища пригодны для ловли рыбы любого веса. Однако сейчас клееные удилища все больше вытесняются удилищами из металла и стекловолокна.

Удилища из металлических трубок внешне красивы, обладают большой гибкостью и упругостью. Но со временем из-за «усталости» материала ломаются, а отремонтировать их почти невозможно. И, кроме того, они требуют особой заботы, чтобы металл не заржавел.

Удилища из стекловолокна практически «вечны»: они не боятся сырости, не усыхают и довольно прочны. Но и у них есть недостаток — большой вес и высокая гибкость, затрудняющие заброс тяжелой приманки и подсечку рыбы.

Рукоятку удилища делают обычно из пробки, заканчивается она резиновым амортизатором («грибком»). Выточенные из дерева рукоятки — хуже. На рукоятке устанавливают приспособление для закрепления катушки — катушкодержатель. Наиболее распространены катушкодержатели в виде двух металлических колец конической формы, надетых на рукоятку раструбами навстречу друг другу. Это самые простые катушкодержатели. Кольца без особого усилия передвигаются, что дает возможность установить катушку в любом месте рукоятки. Чтобы установить катушку, лапку кронштейна катушки заводят под верхнее кольцо, прижимают кронштейн к рукоятке и на противоположную лапку надвигают нижнее кольцо.

На удилище устанавливают в зависимости от его длины от 4 до 7 пропускных колец внутренним диаметром 5—10 мм; верхнее кольцо называют «тюльпан». Кольца не только направляют леску и не дают ей провисать, но, главное, увеличивают прочность удилища, распределяя нагрузку от веса рыбы по всей его длине. Диаметр промежуточных колец и расстояние между ними постепенно увеличиваются по направлению к рукоятке. На удилищах, предназначенных для ловли с безынерционной катушкой, устанавливаются кольца значительно большего диаметра — 40—70 мм: это уменьшает износ лески.

Сейчас применяют большей частью стальные пропускные кольца: они прочны, дешевы и служат надежно. Единственный недостаток — они ржавеют. Встречаются фарфоровые и агатовые пропускные кольца, впаянные в металлическую оправу.

Пропускные кольца закрепляются на стволе удилища обмоткой — цветными шелковыми или капроновыми нитками. Покрытое для защиты от влаги прочным водостойким лаком спиннинговое удилище выглядит «нарядным». Однако, приобретая удилище, не поддавайся первому впечатлению: оно может оказаться обманчивым!

Хорошее удилище должно быть прочным, по возможности легким, оснащено качественными деталями — пропускными кольцами, рукояткой, удобным и надежным катушкодержаталем, и, главное, оно должно быть хорошо «отстроенным», то есть быть достаточно упругим и в меру гибким.

Прежде всего внимательно осмотри удилище, убедись в отсутствии продольных трещин, проверь качество всех деталей — ствола, рукоятки, катушкодержателя, пропускных колец и обмоток. Для проверки прямизны вытяни удилище перед собой горизонтально пропускными кольцами вверх и, глядя вдоль него, убедись, что оно не кривое. В хорошем удилище отверстия всех пропускных колец видны как концентрически расположенные окружности («кольцо в кольце»), обмотки плотно примыкают к стволу удилища, а лакировка — прочная, имеет вид стекловидной массы, ровным слоем покрывающей ствол и обмотки удилища. Прочность фарфоровых или кварцитовых колец в оправах легко проверить, если слегка потрясти удилище: если они сидят не плотно, услышишь легкое дребезжание.

Особенно внимательно проверь прочность закрепления соединительных трубок: при неплотной их посадке после потряхивания в местах примотки к стволу появляются едва заметные поперечные трещины на лакировке. Такое удилище к работе непригодно.

Теперь проверим «строй» спиннингового удилища. В зависимости от строя оно может быть «жестким» (палкообразным), нормального строя и «жидким», излишне гибким (хлыстообразным). Жестким удилищем трудно забрасывать приманку, оно почти не пружинит и при вываживании рыбы не выполняет роли амортизатора, смягчающего рывки сильной рыбы, а перекладывает всю тяжесть на леску, которую в этом случае приходится брать непомерно толстую. Слишком гибкое удилище тоже не пригодно. Им трудно сделать хороший заброс тяжелой приманки, подсечка получается «вялой», а при вываживании сгибается в дугу. Таким удилищем можно ловить лишь

на мелкую блесну некрупную рыбу, например окуней.

А вот удилище нормального строя пригодно для ловли различной по размерам рыбы с шать 10—15 см. Чем больше прогиб, тем гибче, хлыстообразнее удилище (рис. 2, *б*).

Спиннинговая катушка. Катушки бывают инерционные и безынерционные.

Инерционная катушка проста по устройству и, если с ней обращаться бережно, может ис-

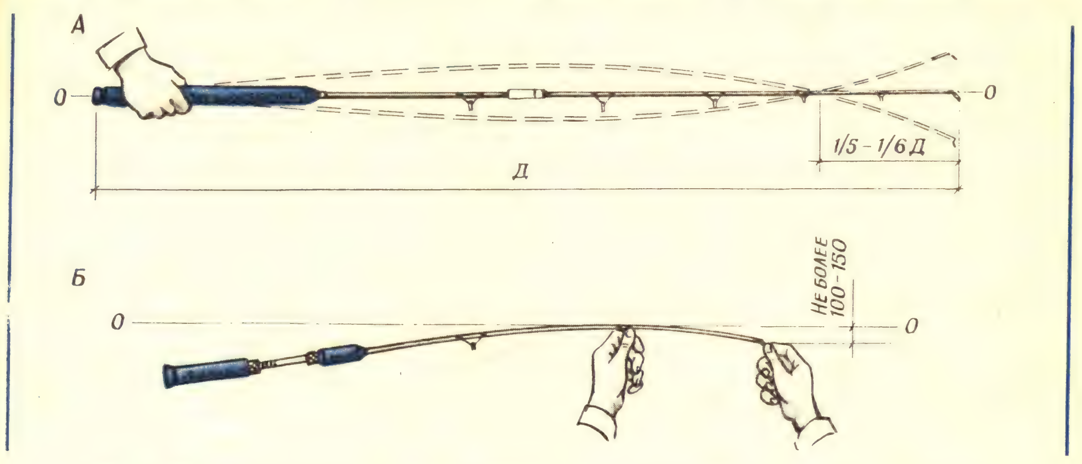
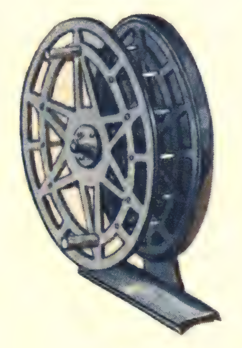

Рис. 2. Определение строя удилища (размеры в мм): Д — длина; О — линия горизонта

применением как легких, так и относительно тяжелых приманок.

Строй двуручного удилища определить нетрудно — возьми удилище за конец рукоятки и энергично потряси его в одной плоскости (слева направо или сверху вниз): при этом отчетливо будет видна точка перегиба, в которой как бы пересекаются следы крайних положений удилища. У удилища нормального строя эта точка находится на расстоянии $^{1}/_{4}$—$^{1}/_{5}$ длины, считая от верхнего конца (рис. 2, *а*).

Одноручные удилища, как правило, более «жестки». Строй такого удилища можно определить лишь специальными испытаниями. Правда, для приблизительного определения строя можно воспользоваться таким приемом. Удерживая одной рукой за тюльпан, а другой за соседнее пропускное кольцо, приподнять удилище так, чтобы несколько прогнулась его верхняя часть — она должна иметь вид плавной кривой, а величина прогиба верхнего конца не должна превы-

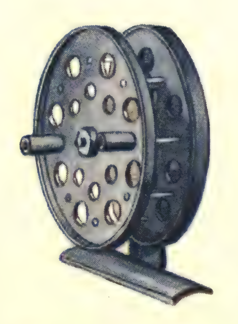

Рис. 3. Инерционные катушки: а — «Невская»; б — СКР-120

правно служить многие годы. Она состоит из барабана с центральным отверстием для оси. Ось закрепляется на диске с круговым бортиком и Т-образным кронштейном. Кронштейн прикрепляется к рукоятке удилища. Когда размахнешься и бросишь блесну с грузилом, они потянут за собою леску, и барабан начнет быстро вращаться — побежит с него тонкая нитка лески. Чтобы намотать ее обратно, на переднем диске барабана приделаны ручки (рис. 3). А чтобы барабан не начал крутиться, когда нам не нужно, на большинстве спиннингов устанавливают тормоз-трещотку. Этот тормоз пригодится нам и при вываживании особенно крупных рыб, и при ловле дорожкой (но об этом — дальше).

Некоторые типы катушек имеют, кроме того, подтормаживатель или автоматический тормоз, которые не позволяют леске запутываться при забросах.

Хорошая спиннинговая катушка должна быть легкой, «лесоемкой» (вмещать доста-

точный запас лески средней толщины), иметь большой диаметр, чтобы при одном обороте наматывать больше лески — тогда приманка будет двигаться быстрее. И самое главное — обрати внимание на барабан: хорошо ли центрован, плавно ли вращается, нет ли сильного трения и биения. Поставь катушку вертикально на кронштейн и раскрути барабан. Чем дольше он вращается, тем лучше катушка. Проследи, чтобы зазор между бортиком неподвижного диска и задней «щечкой» барабана был небольшим, иначе леска будет попадать в этот зазор и рваться. Ось катушки должна прочно крепиться к стойке кронштейна. Тормоз-трещотка должен устанавливаться и сниматься легким нажимом на кнопку, а срабатывать при достаточно большом усилии (1,5—2 кг).

Чем длиннее и «жестче» облюбованное тобой удилище, тем больше должна быть спиннинговая катушка.

Для двуручного удилища подходят катушки с большим диаметром намотки, например «Невская», «Киевская», СКР-120, для одноручного — СКР-100, КС-100. Одна из лучших катушек по конструкции и качеству исполнения — «Невская», это тебе скажет каждый бывалый рыболов.

Если удилище имеет винтовой катушкодержатель, надо убедиться, что лапки выбранной катушки входят в гнезда катушкодержателя (в крайнем случае их придется подпилить с обеих сторон).

В безынерционной катушке сбрасывание лески происходит с торца неподвижного барабана (шпули). Это удобно потому, что при забросе леска не запутывается, сбегает кольцами и ровно столько, сколько вытянет грузило с приманкой. Леска подматывается на неподвижную шпулю ровными слоями откидной дужкой (лесоукладывателем). Она смонтирована на вращающейся обойме. Безынерционные катушки имеют тормоз-трещотку, его сила сопротивления регулируется крестовидной гайкой, расположенной на верхнем фланце шпули. Рыба, какой бы величины она ни была, не сможет оборвать леску, потому что она будет сматываться, а тормоз предупредит вас об этом звуком трещотки (рис. 4). Вот почему при пользовании безынерционной катушкой можно применять самую тонкую леску.

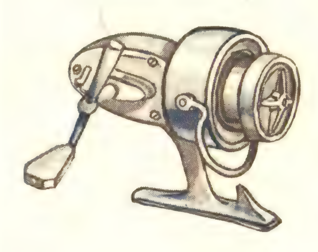

Рис. 4. Безынерционная катушка

В наших магазинах много хороших безынерционных катушек. Назову некоторые из них. КБС — так называется катушка Ленинградского инструментального завода с открытой шпулей, вмещает 100 м лески диаметром 0,4 мм или 90 м диаметром 0,5 мм. Пригодна и для двуручного, и для одноручного спиннинга. Вес — 400 г. Сходна с ней катушка «Дельфин».

КСБ-4 — капроновая, выпускает ее завод «Военохот» № 1. Вмещает 50—100 м лески диаметром 0,4—0,2 мм. Пригодна для одноручного спиннинга, когда ловишь некрупную рыбу.

Харьковская КСБХ-3. Алюминиевая шпуля вмещает до 80 м лески диаметром 0,4 мм. Может быть использована и для одноручного, и для двуручного спиннинга.

Но у безынерционной катушки есть существенный недостаток — она сильно перекручивает леску, а она значит может запутаться и порваться. Поэтому после каждой ловли леску надо раскрутить, протащить ее по траве несколько десятков метров, а затем намотать на шпулю.

Л е с к а. Для ловли спиннингом нужно от 50 до 100 м капроновой лески. Диаметр («толщина») лески зависит от веса рыбы, которую ты собираешься ловить. Чем тоньше леска, тем она менее заметна в воде и тем успешнее ловля таких осторожных рыб, как голавль, окунь, форель, хариус... Толстая, грубая леска затрудняет заброс приманки и ловлю на сильном течении. Для ужения рыбы весом до 3—4 кг вполне достаточна леска диаметром 0,4—0,5 мм, а при безынерционной катушке — еще тоньше. Лишь для очень крупной рыбы (например, тайменей) и при ловле в сильно закоряженных или заросших водорослями местах потребуется леска потолще. Правильно маневрируя снастью, можно и на очень тонкой леске вытащить крупную рыбу, так как прочность лески на разрыв во многом дополняется упругостью удилища, смягчающего рывки сильной рыбы.

Качество лески можно приблизительно оценить внешним осмотром. Хорошая леска прозрачна, имеет глянцевую поверхность и одинаковую толщину по всей длине. Мутноватые или молочного оттенка лески непрочны.

В продаже бывают лески прозрачные, как стеклянная нить, а также серого, голубого, зеленого цвета и так называемые «радужные», имеющие «пунктирную» окраску в несколько цветов — от вишнево-красного до фиолетового. Прозрачные лески — универсальны, их можно применять всюду. Зеленого цвета больше подходят для ловли в заросших водорослями озерах и водохранилищах; серого и голубого — в водоемах с каменистым дном. Радужная окраска способствует «скрадыванию» лески при ловле в ясную, солнечную погоду. В зависимости от освещенности и цветового фона подводного

рельефа отдельные участки такой лески как бы «исчезают» и в целом леска становится малозаметной.

Прочность лески на разрыв обычно указывается на упаковке.

Леску закрепляют за стойку внутри катушки самозатягивающимся или глухим узлом, чтобы она не скользила по барабану (рис. 5).

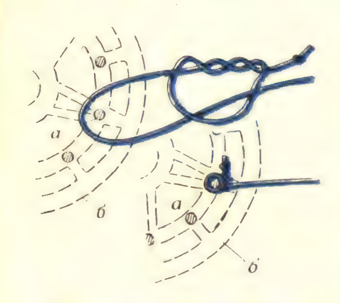

Рис. 5. Самозатягивающийся узел: а — стойка катушки; б — контур катушки

Приманки (насадки). При ловле спиннингом применяют чаще всего блесны, реже — «девоны», «рыбки», снасточки с уснувшей рыбкой и различные имитации мелких животных.

Блесны — это криволинейные (выпуклые) металлические пластинки овальной формы или удлиненные с тройными (иногда — двойными или одинарными) крючками. В пластинке есть отверстия для прикрепления к поводку или леске. Движущаяся в воде блесна напоминает мелкую рыбку, спасающуюся от преследования хищника. Блесны изготовляются из латуни, листовой меди, стали и других металлов. Поверхность блесен шлифуется, никелируется или хромируется, покрывается цветной эмалью.

В магазине ты найдешь разные по устройству, форме и расцветке блесны. Не гонись за самой красивой, обязательно похожей на натуральную

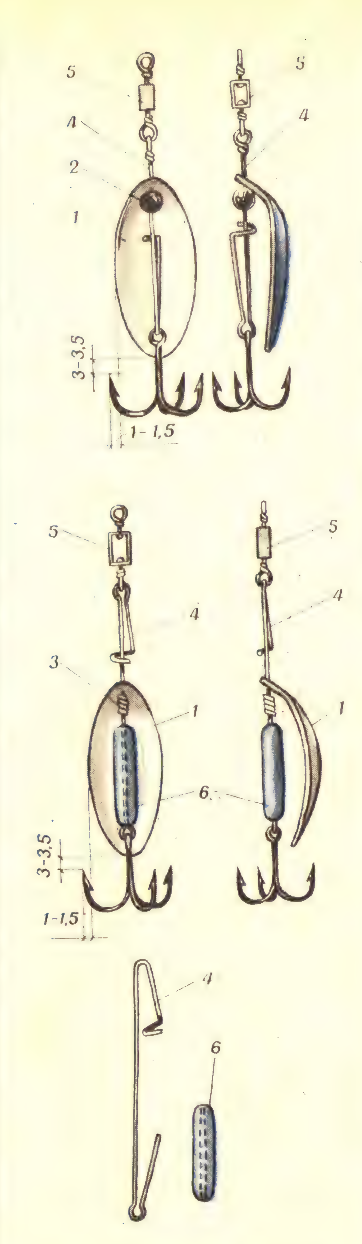

Рис. 6. Оснастка вращающихся блесен (размеры в мм): 1 — корпус блесны; 2 — бусинка; 3 — проволочная спираль; 4 — проволочный стержень; 5 — вертлюжок; 6 — свинцовая обойма

рыбку, успех зависит не от эффектной внешности, а от ее «игры».

Разные блесны играют поразному: одни вращаются вокруг продольной оси (их называют вращающиеся), другие — переваливаются с боку на бок и движутся из стороны в сторону (колеблющиеся, колышащиеся). Это зависит от конструкции блесны.

Вращающиеся блесны представляют собой вогнутую симметричную пластинку, насаженную одним концом на металлический стержень. Стержень этот является осью, на которой блесна вращается при движении в воде (рис. 6). В верхней части такого стержня делают кольцо для прикрепления лески или поводка, а в нижней — застежку, на которую надевается обычный тройной крючок. У правильно оснащенной блесны ширина тройника должна быть немного больше ширины блесны, а конец жала крючка отстоять от конца блесны на 3—5 мм. Если ширина блесны больше, рыба может сойти с крючка.

Колеблющиеся блесны (рис. 7) оснащаются тройными

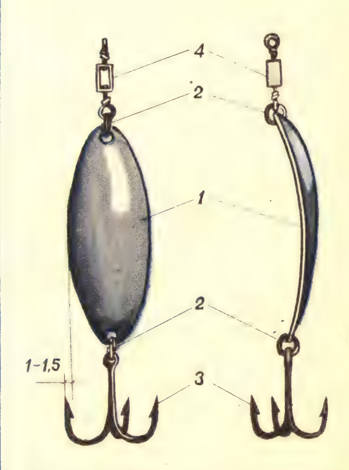

Рис. 7. Оснастка колеблющихся блесен (размеры в мм): 1 — корпус блесны; 2 — заводное кольцо; 3 — тройник; 4 — вертлюжок

(реже — двойными) крючками и с помощью заводного колечка прикрепляются к леске (поводку). Некоторые типы блесен оснащаются одинарным крючком, припаянным внизу. Ширина крючка равна ширине блесны в нижней ее части. Вес крючка должен быть наименьшим, чтобы не стеснять движений блесны: при большом и тяжелом крючке блесна не «играет», а плашмя движется за леской.

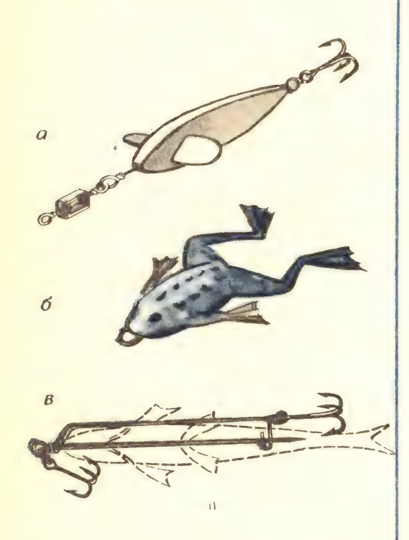

Рис. 8. Разновидности искусственных приманок: а — девон; б — «лягушка»; в — снасточка

Для ловли некоторых верховых рыб (жереха, амурского верхогляда, монгольского краснопера...) применяют тяжелые пропеллерные блесны — «девоны» (рис. 8).

Не думай, что нужно закупить весь магазин: достаточно лишь несколько видов блесен различного размера и конструкции — от самых мелких вращающихся до крупных колеблющихся. Лучше всего латунные или медные натурального цвета, хорошо отполированные или никелированные. Опыт показывает, что на такие блесны рыба ловится лучше. Хромированные блесны, изготовленные из отожженной стали, рыба берет плохо. Замечено также, что на серебряные или посеребренные блесны рыба ловится лучше, нежели на никелированные. Самый простой и доступный способ домашнего серебрения — это выдержать в течение нескольких часов хорошо очищенные латунные или медные блесны в отработанном закрепителе, применяемом в фотографии.

Чтобы не ошибиться в выборе наилучшей расцветки, полезно применять двухцветные блесны, у которых одна сторона имеет цвет натурального металла — меди или латуни, а другая никелированная, посеребренная или вовсе не очищенная (темная). Для этого можно вогнутую часть блесны полностью или частично окрасить в черный или красный цвет водостойкими красками.

Иногда вместо блесен применяют деревянные рыбки, довольно точно воспроизводящие мальков пескарика, щучки — или «символические» — «Орено», «Пингвин» и др., представляющие собой ярко раскрашенный выпуклый конус со срезом в передней части. Эти приманки движутся в воде самым замысловатым образом, имитируя хоть и фантастическое, но «живое» существо, что соблазняет хищника. Такую же роль могут исполнять резиновые приманки, например «лягушонок» (рис. 8, *б*).

Если рыба не берет на блесны, можно попробовать ловить на мертвую рыбку, насаженную на снасточку — несложное приспособление с несколькими крючками, изготовленное из сталистой проволоки (рис. 8, *в*).

Грузила (рис. 9) применяются для того, чтобы утяжелить приманку и забросить ее подальше.

Кроме того, грузило не позволяет леске закручиваться при намотке ее на барабан (шпулю) катушки.

Спиннинговые грузила делают из свинца, вес их от 15 до 40 г. Размер грузила зависит от жесткости удилища, чувствительности катушки и веса приманки. Чем гибче удилище, легче барабан катушки и тяжелее блесна, тем легче должно быть грузило. И конечно, вес грузила зависит от глубины, на которой ты собираешься ловить. Но все же подобрать точный вес грузила можно лишь пробными забросами. При ловле на тяжелую блесну или с

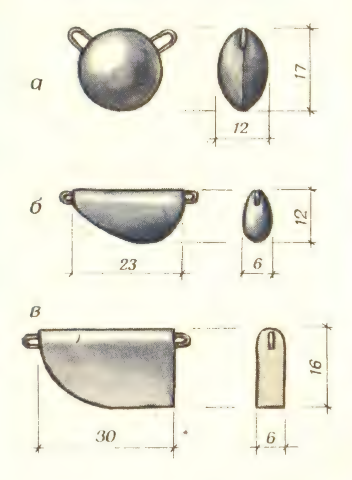

Рис. 9. Спиннинговые грузила (размеры в мм)

безынерционной катушкой можно обходиться вообще без грузила. Это значительно удобнее.

Для прикрепления к леске грузила снабжаются проволочными ушками. Чтобы леска не перекручивалась при намотке на катушку, грузила делают эксцентричными, то есть ось смещают относительно центра тяжести. Тогда при движении грузило не изменяет своего положения и не позволяет леске закручиваться. Бывает, что рыба хватает грузило, а не приманку. Тогда можно прикрепить к грузилу дополнитель-

ный крючок небольшого размера и ловить на него.

Поводок является продолжением лески. Он соединяет приманку и грузило и имеет длину от 40 до 75 см. Спиннинговый поводок должен быть таким же прочным, как и основная леска, но вместе с тем — малозаметным, упругим и эластичным. Обычно поводок делается из двух-четырех скрученных металлических проволочек. Лучше, если поводок будет темным, во всяком случае — не блестящим. (Стальной поводок можно сделать темным, если протереть его раствором медного купороса.)

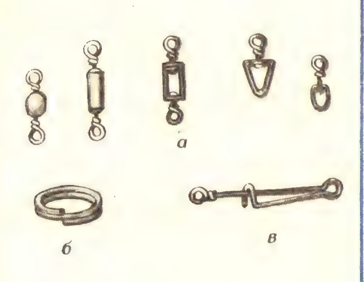

Рис. 10. Вертлюжки (а), заводное кольцо (б), застежка (в)

Можно обойтись и без стального поводка, использовать отрезок основной лески. Такие поводки особенно хороши для ловли рыб, не имеющих зубастой пасти — окуня, голавля, язя, хариуса и т. п. Для очень крупных щук можно применить составной поводок из лески с концевой вставкой из тонкой проволоки (например, из балалаечной струны) длиной 10—15 см.

Поводок прикрепляется к грузилу при помощи заводного кольца: таким же заводным кольцом или проволочной застежкой прикрепляется приманка. Чтобы поводок и леска не перекручивались, между ними, грузилом и приманкой ставят вертлюжки (рис. 10, *а*).

Заводные кольца (рис. 10, *б*) изготовляют из стальной проволоки диаметром 0,4—0,6 мм. Чем меньше внутренний диаметр кольца, тем оно прочнее. Лучшие кольца имеют вороненый цвет, что указывает на их хорошую закалку.

Вертлюжки (рис. 10, *в*) бывают разных конструкций: пластинчатые, рамчатые, цилиндрические, проволочные. Лучшие — рамчатые с двумя колечками и хорошей закалкой; они имеют темный цвет.

Запомни: заводные кольца, вертлюжки или застежки надо внимательно проверять на прочность, чтобы они были не слабее лески, иначе крупная рыба их разорвет.

Сборку спиннинга делают непосредственно перед ловлей.

Прежде чем стыковать разобранное удилище, нужно убедиться, что все пропускные кольца находятся на одной стороне. После этого совмещают обе части соединительной трубки и встречным движением до упора соединяют колена удилища. Перед сборкой полезно протереть трубки сухим мылом — тогда удилище будет легко разбираться. Не разъединяй колена удилища вращением: соединения разбалтываются и удилище потеряет прочность. Проще поступить так: плотно обхвати верхнее колено у самой трубки правой рукой, а нижнее — левой и, упершись большим пальцем левой руки в ребро правой, распрямляй его — колена разъединятся плавно и без лишнего усилия.

Теперь установим катушку. Положение катушки на рукоятке удилища может быть различным — это зависит и от конструкции катушкодержателя, и от способов заброса. В удилищах, снабженных винтовым или пружинно-пластинчатым катушкодержателем, положение катушки строго фиксировано. Безынерционную катушку устанавливают только внизу, то есть шпулей вниз, при этом вращение рукоятки производят левой рукой, на себя (рис. 11). Инерционную можно установить и снизу, и сверху.

На удилищах с простейшими катушкодержателями инерционную катушку можно устанавливать в четырех положениях. При забросах справа и через голову удобнее положение катушки в верхней части рукоятки барабаном вверх или вниз, а при забросах слева направо — в нижней. Для тех, у кого более развита левая рука, катушку располагают в обратном положении. Наиболее удобным является положение катушки в верхней части рукоятки барабаном вниз: так меньше утомляются руки, не повреждается лакировка удилища, и оно не искривляется (рис. 12).

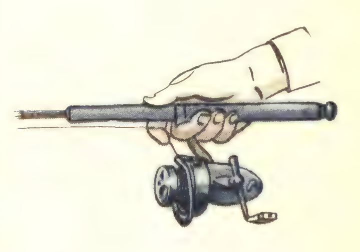

Рис. 11. Положение безынерционной катушки на удилище

Если леска уже намотана на катушку, ее пропускают через все кольца, прикрепляют грузило, поводок и блесну. Для этого тебе надо освоить хотя бы некоторые из специальных узлов (рис. 5 и 13). Удобнее наматывать леску на барабан катушки, когда она уже установлена на удилище. Для этого конец лески пропускают через кольца со стороны вершинки, привязывают его к барабану и наматывают.

Спиннинг готов!

Но теперь предстоит едва ли не самое трудное — овладеть

Рис. 12. Положение инерционной катушки на рукоятке удилища

техникой заброса и маневрирования снастью. Это только на первый взгляд все кажется простым и легким. Важно забросить приманку в нужном направлении и на нужное расстояние и забросить так, чтобы не было сильного всплеска. Тренируйся до тех пор, пока не добьешься, чтобы блесна легким шлепком падала точно в намеченное место, а грузило лишь слегка булькало.

Прежде всего не стремись сразу же забрасывать снасть как можно дальше. Если ты даже умеешь далеко швырять камни, это еще ни о чем не говорит — все дело в леске, которая поначалу обязательно запутывается. Тут нужно приноровиться, а для этого советую тебе до выезда на рыбную ловлю потренироваться в забросе где-нибудь на лугу или на пустыре и обязательно без приманки, с одним грузилом.

Давай поучимся вместе на двуручном удилище с инерционной катушкой (рис. 14). Вращением барабана подтяни грузило на расстояние 20—30 см от тюльпана, освободи тормоз-трещотку и удерживай барабан катушки от самопроизвольного вращения одним из пальцев правой или левой руки. Слегка расставь ноги для большей устойчивости и, удерживая уди-

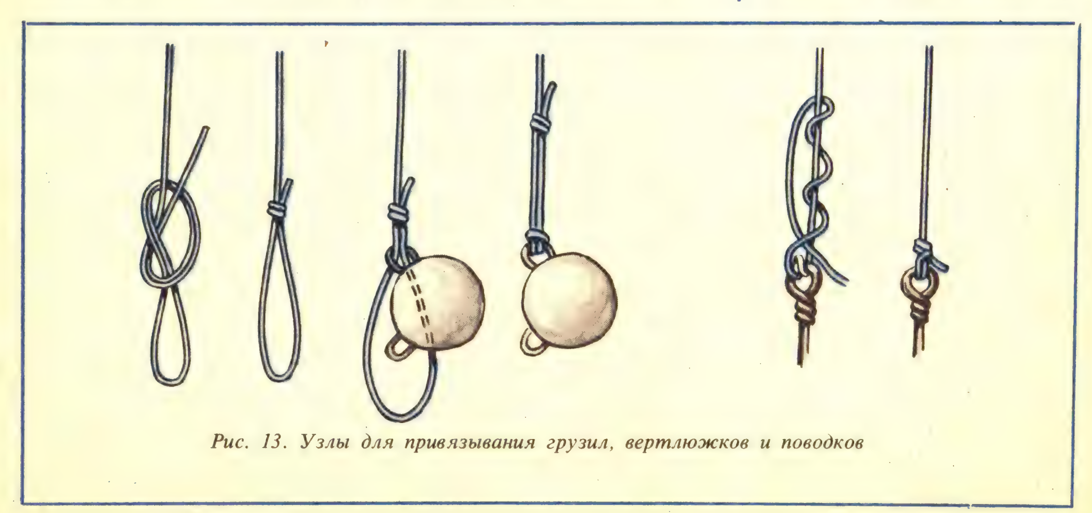

Рис. 13. Узлы для привязывания грузил, вертлюжков и поводков

лище обеими руками, отведи вершинку удилища назад (в положение 1). Убедись, что крючок не зацепится за расположенные сзади предметы. Теперь слегка подай удилище назад (в положение 2) и плавным, но энергичным движением взмахни удилищем вперед и немного вверх. В момент, когда удилище займет положение 3 (немного не доходя до прямого угла на направление заброса), сделай легкий толчок вершинкой и чуть-чуть отпусти барабан (не снимая, однако, пальца с его диска, чтобы вовремя затормозить вращение). Освободившись от торможения, груз и блесна полетят к цели, увлекая за собой леску.

Наблюдая за полетом грузила и блесны, одновременно переведи удилище в рабочее положение (на рисунке оно обозначено цифрой 5). Как только блесна упадет в воду, пальцем затормози катушку. Левой рукой обхвати удилище выше катушки, рукоятку упри в живот, а правой начинай наматывать леску.

Несколько сложнее делать заброс одноручным удилищем, так как приходится действовать одной рукой: и удерживать удилище, и контролировать вращение барабана катушки.

«Бич» начинающего спиннингиста — запутывание лески («борода», «парик») при неудачном забросе. Запутывание происходит потому, что с барабана, вращающегося по инерции от первого толчка, сбегает лески больше, чем ее вытягивают летящие с замедлением грузило и приманка: в результате леска провисает между катушкой и первым от нее пропускным кольцом и, кроме того, слегка «вспухает» на барабане. Расслабленная леска мгновенно свертывается петлями, наматывается на барабан, образуя похожую на пучок пакли путанку. Чтобы избежать запутывания лески, следует непрерывно подтормаживать катушку, следить, чтобы в полете леска была почти в натянутом состоянии, хотя это и приводит

НАПРАВЛЕНИЕ ЗАБРОСА

0 — 90° — 180° — 270°

Рис. 14. Боковой заброс двуручным спиннингом: 1 — исходное положение; 2 — отводим кончик удилища назад на 5—10°; 3 — начало оттормаживания (примерно за 10° до остановки); 4 — кратковременная остановка удилища; 5 — положение удилища при подмотке

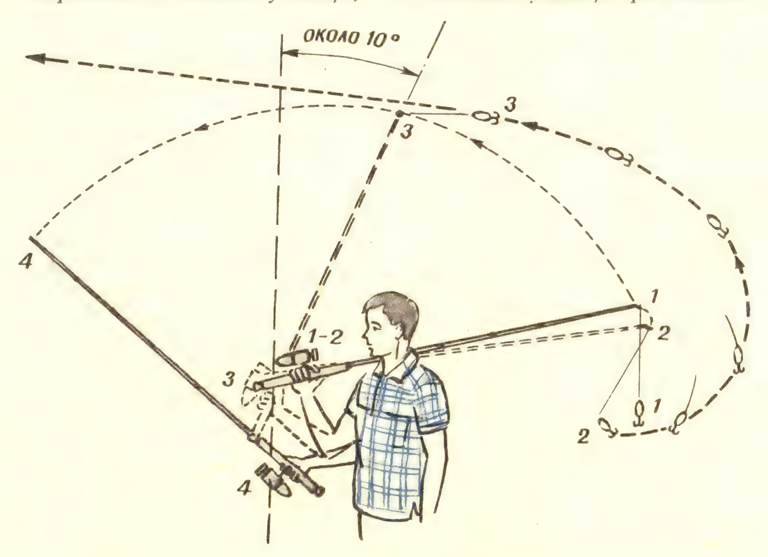

Рис. 15. Вертикальный заброс одноручным спиннингом: 1 — исходное положение; 2 — отводим кончик удилища вниз; 3 — точка оттормаживания; 4 — обратная подмотка лески

— Итак, мы едем на озеро, дно которого покрыто слоем ила, — говорит старик. — Значит, черви станут зарываться в него. Ставлю задачу: найти способ, который облегчит рыбе поиски нашей насадки.

Подняв руку, но тут же смутившись и опустив ее, вихрастый рыжий паренек спросил:

— Разрешите, Сергей Иванович?

— Говори, Петя.

— Ответ, по-моему, очень простой: нужно правильно измерить глубину озера в том месте, где будем удить, и установить поплавок так, чтобы насадка не касалась дна.

— Беда вот в чем, мой мальчик: лодки у нас нет, а с берега ловить поплавочными удочками нельзя — очень мелко. Значит, нужны донки.

Мы все с любопытством прислушивались к этой беседе. Курносый паренек сказал:

— Следует ловить на кашу или тесто.

— Отчасти ты прав, — согласился старик. — Но такая насадка может провалиться в ил. Да и рыба клевать, может быть, станет только на червей.

Старик повторил свой вопрос, уже обращаясь ко всем пассажирам, но ответа не получил. Тогда он вынул из чехла донку и показал на леске пробочку, укрепленную между крючком и грузилом и окрашенную какой-то бурой краской.

— Остроумно! — сказал Антон Антонович. — Улов обеспечен: ведь пробочка будет поддерживать насадку, не даст ей погрузиться в ил.

ЛЕПЕСТОК РОМАШКИ

Осуга — небольшая, но довольно рыбная речка. И очень красивая: берега поросли густым смешанным лесом и высокими травами. У самой кромки воды тянется то ярко-зеленая осока, то молодой тальник, в заводях плавают нежно-белые лилии. Осуга впадает в Вазузу.

Мы с Антоном Антоновичем знаем эту реку хорошо, давно нам известны места, где стоят голавли и язи. Но ловить их трудно: нужно осторожно гибкой нахлыстовой удочкой подбросить белую бабочку в «окошко» среди осоки или кувшинок. Тогда поклевка будет обеспечена. Правда, в одном «окошке» можно взять только одного голавля — он так распугает своих собратьев, что надо менять место.

Я уже собирался насадить бабочку, когда обнаружил, что раздавил коробку с этими нежными созданиями. Осталось ни на что не пригодное месиво. Как это случилось — вопрос второстепенный. Важно другое: на что ловить? Мелькнувшую было мысль попросить бабочек у приятеля отверг: во-первых, у него самого этой насадки немного; во-вторых, только начинающие клянчут друг у друга крючок, грузило или еще что-нибудь. Уважающему себя рыболову это не пристало. Пока я раздумывал, он успел вывести голавля.

Я побрел по берегу в надежде поймать хоть одну бабочку. Однако они как назло не попадались. Я видел пчел, шмелей, бронзовок и еще каких-то летающих насекомых, но только не белых бабочек-капустниц, хотя у них было время массового вылета, и именно поэтому рыба на них хорошо клевала.

Вот в траве мелькает что-то белое!.. Но когда я подкрадываюсь поближе, вижу цветок ромашки. На приволье он вырос большим и красив своей неброской, строгой красотой.

А что если попробовать? Первый же заброс крючка, на который нацепил несколько лепестков ромашки, приносит успех: я вывел подъязка. Потом — второго, затем — голавля...

Домой я возвращался почти с таким же уловом, как и у Антона Антоновича.

ПОД ОЛЬХОВЫМ КОВРОМ

Сначала мы шагали по мелкой гальке, потом — по крупной, затем среди небольших валунов искали местечко, чтобы поставить ногу. А под конец пути шли еле видимой тропинкой среди больших, поросших мхом валунов.

Наконец, Антон Антонович сказал:

— Пришли!

Мы осмотрелись. Кругом — порыжевшие высокие травы. У самой воды тянулся молодой, но непроходимый ольшаник.

Я взобрался на огромный валун и посмотрел на Осугу. Она текла спокойно. Противоположный берег ровный и чистый, луговые травы уже скошены. Ловить с него легко, но он мог быстро наскучить.

— Я здесь останусь, — сказал Антон Антонович и сбросил рюкзак около небольшой заводи. — А ты еще сотню метров пройди — там такое же хорошее место есть.

В сотне метров я действительно нашел почти такую же заводь и все же пошел дальше.

И вот то, что искал — небольшая заводь за поворотом Осуги. В нее ветром надуло огромное количество листьев ольхи, они покрывали почти всю ее поверхность. Листья образовали такой толстый ковер, что к дробинкам на лесках поплавочных удочек пришлось добавить свинцовые оливки, чтобы пробить его.

Незадолго до заката солнца пришел Антон Антонович. В руках он держал охапку сухих сучьев ольхи. Выбрав место для костра и бросив сучья, он сказал:

— Не клюет сегодня рыба.

— Это почему же? — спросил я.

— А кто ее знает. Сколько раз в этой заводи ловил, и всегда успешно, — ответил приятель, не поняв подвоха в вопросе.

Я подозвал его и показал садок.

— И голавли! — удивленно сказал Антон Антонович. — И язи! И лещи! Вот это здорово!

Выслушав похвалу, я сказал:

— Осень ведь уже. Вода стала прозрачной — микроскопических водорослей нет, а большие на дно опустились. Рыбе негде укрыться, вот она и собирается там, где есть листья — ей тут менее опасно.

Приятель молча качал головой.

МОРМЫШКА В МОРЕ

Уже неделю я вместе с Антоном Антоновичем жил в белом домике на берегу Сухого лимана. Мы каждый день выходили в море ловить бычка, ставриду, скумбрию, луфаря. Иногда среди бычков попадались камбала или морской карась.

Один день я решил посвятить знакомству с одесскими рыболовными базами или, как их здесь зовут, с причалами: интересовался снастями одесситов, их способами ловли, принадлежностями. У них было много интересного, но все такое, что для ловли в пресных водоемах не подходит.

Я расспрашивал, знают ли они мормышку? Большинство в ответ спрашивали: «А что это такое?». И только пятеро сказали, что слышали «про такую штуку». А один из них категорически заявил:

— Ловить на мормышку в море нельзя!

Я не поверил, но первый же опыт как будто бы подтвердил мнение одессита: течение в Черном море такое сильное, что сносит самую тяжелую мормышку.

Однако я не сдавался, попробовал ловить в Сухом лимане: он надежно защищен от течения, и мормышка за борт ушла совсем отвесно. Глубина небольшая — всего несколько метров. Хорошо! Я начал играть мормышкой — и тут же почувствовал поклевку. Это был небольшой бычок бубырь. Поклевки следовали как только мормышка касалась дна. Форма ее не имела значения, главное, чтобы она была светлая — вода в Сухом лимане довольно темная. В качестве насадки шли нереисы и кусочки свежей рыбы — тех же бычков.

Сидевший в лодке вместе со мной местный рыболов ловил обычной местной снастью — пистолетом. Клевало у него очень плохо. Он сначала нервничал, потом стал сердиться, а закончил тем, что попросил мормышку. Тут я стал зевать поклевки — ведь приходилось не только ловить, но и обучать своего нового знакомого...

И я, и Антон Антонович несколько раз ставили лодку в Сухом лимане. Клевали не только бубыри, но и другие виды бычков. Однако ни одного кнута нам поймать так и не удалось. Где помельче, попадалась кефаль, где поглубже — изредка ставрида.

В Москву мы уезжали без мормышек — первая половина запаса досталась бычкам, а вторая — новому знакомому. Он, видать, стал первым одесситом, освоившим ловлю на мормышку.

ПОСЛЕ ЛИВНЯ

Дождь начался в пятницу вечером. Он был мелкий, нудный, и казалось, никогда не кончится. В субботу перед рассветом дождь стал ливнем.

В доме рыболова, как всегда, проснулись рано. Однако к причалу, где стояли лодки, никто не спешил, все собрались на крыльце. И дружно на чем свет стоит ругали непогоду. Наконец, часов около десяти дождь как-то вдруг кончился, а вскоре показалось и солнце.

Как только оно выглянуло из-за тучи, с крыльца сошел Антон Антонович. В правой руке у него был чехол с удочками, а на левой висел рюкзак.

— Пошли, — пригласил он.

Кроме меня, за ним никто не последовал. Это и понятно — вдоль берега тянулась мутная полоса бурого цвета. Особенно грязной вода была около устья речушки, впадавшей в Каму неподалеку от дома рыболова.

Антон Антонович поставил лодку на якорь напротив устья речушки, его хорошо было видно с крыльца. Он неторопливо размотал донку и забросил насадку туда, где мутная полоса кончалась и начиналась светлая вода. Вскоре же он подсек и вывел голавля, потом — леща...

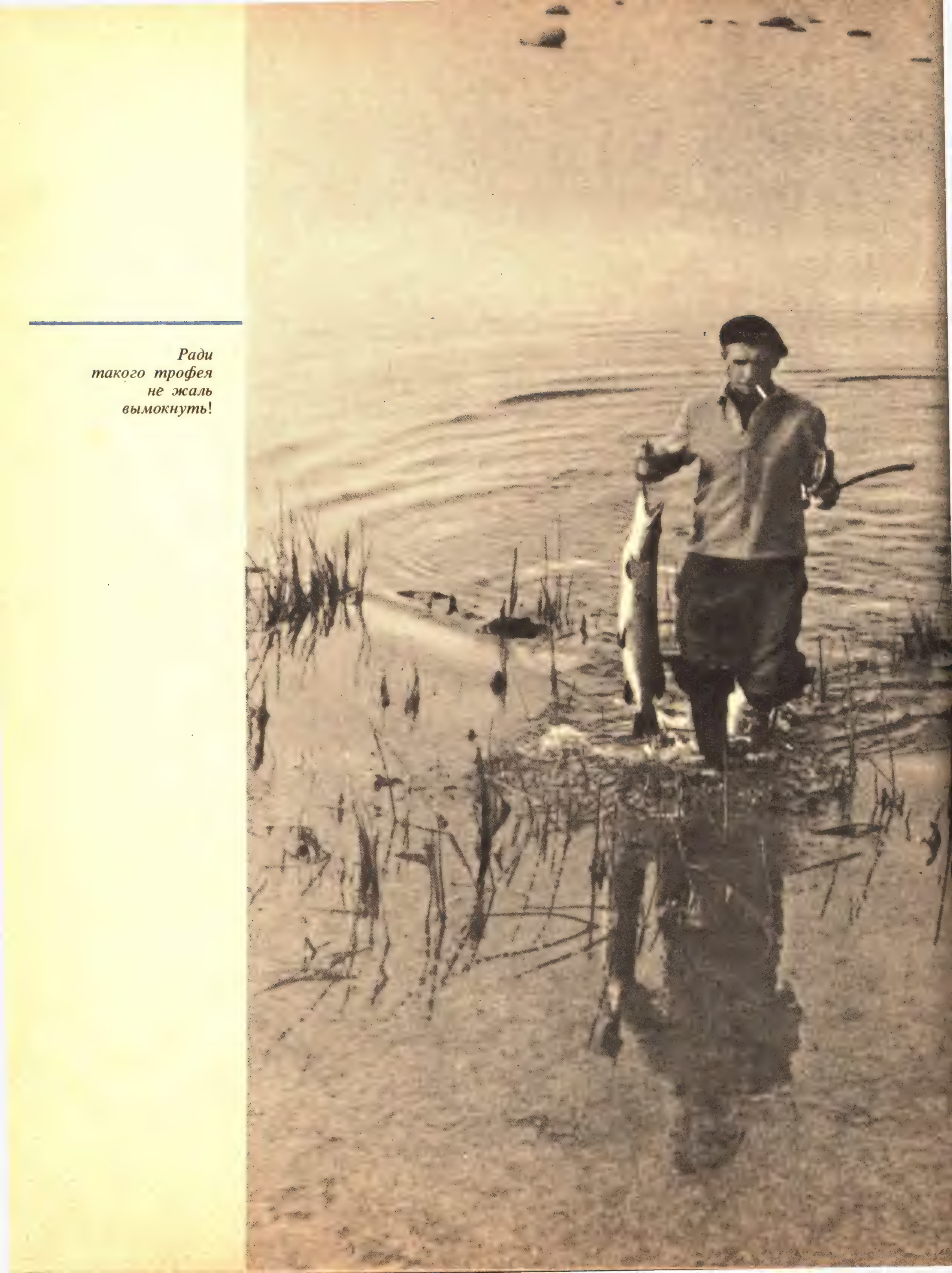
Рыболовы, сидевшие на крыльце, сначала удивились. Потом схватили снасти, рюкзаки и бросились к своим лодкам. Скоро дело и у них пошло на лад.

После ужина те, кто остался на воскресенье, опять собрались у крыльца. Настроение у всех было хорошее, разговоры затянулись. Антон Антонович объяснил:

— Многие считают, что после сильного дождя рыба клевать не станет — потоки смывают в реку или озеро много грязи, глины и всякого хлама, а рыба грязи не любит. Однако вода сносит и много корма — различных червей, зерна и т. д. В сильный дождь бывает и сильная волна. Она вымывает из берега и дна насекомых и их личинки, а это тоже рыбий корм. Правда, в грязной воде она чувствует себя неважно, поэтому стоит там, где начинается чистая вода. Самое важное, чтобы атмосферное давление не скакало, было нормальным...

Слушавшие этот рассказ опытные рыболовы кивали головами.

— Вот уж действительно: век лови — век учись.

Ради такого трофея не жаль вымокнуть!

ВЗГЛЯНИ СКВОЗЬ СТЕКЛЯННЫЙ БЕРЕГ

Ф. Полканов

Жил был рыболов. Срывалась с его крючков рыба крупная, домой привозил — если привозил — мелочь. На окрестных реках и каналах, прудах и водохранилищах — везде он побывал, но удача его не баловала... И тогда он взглянул сквозь «стеклянный берег».

А что? Разве плохо, если рыболов взглянет сквозь стеклянный берег аквариума и увидит рыбу, не выхваченную из родной стихии?

Это не только интересно — это полезно. И не для того лишь, чтоб увидеть, как клюет рыба с «верхним» ртом, а как — с «нижним». Полезно еще и потому, что всякий, кто вырастил дома малька, знает цену каждой икринки, а значит — не станет ловить в неположенное время или недозволенным способом. В то же время внимательному наблюдателю аквариум поможет лучше разбираться в повадках пресноводных рыб.

Не громадная анаконда, не хищный ягуар, а крошечный малярийный комар свалил в джунглях Амазонки белого человека, которого подобрали индейцы. Он лежал в утлой лодчонке, застрявшей в зарослях, один-одинешенек, в тысяче километров от ближайшего поселения европейцев. Сколько раз ему говорили: с Амазонкой не шутят! Но он, Рабо, француз по национальности, авантюрист по характеру, любил звонкую монету, а когда в кармане у него не бренчало и злачные места городов закрывали перед ним свои двери, — шел в джунгли.

Сперва он ловил бабочек. Тропические диковинки он продавал европейским коллекционерам. Но деньги таяли быстрее, чем добывались. Тогда он занялся охотой на крокодилов. В Европе входили в моду дамские сумочки из крокодиловой кожи, и метким выстрелом можно было заработать больше, чем взмахом сачка. Однако в доступных местах крокодилов повыбивали, для дальних же экспедиций опять-таки нужны были деньги. Так что и с крокодилами у Рабо вышла осечка...

Какая причудливая смесь качеств в этом характере! Алчность и грубость, с одной стороны, наивная, почти детская доверчивость — с другой. Где-то в дрянном кабачке услышал Рабо легенду о сказочных сокровищах инков, укрытых в амазонских джунглях, услышал и разом в нее уверовал. Мигом сколотил он компанию из таких же, как сам, искателей приключений, нанял пароходик, и экспедиция отправилась в путь. Однако очень быстро выяснилось, что одних только благих порывов мало: и пароходик не тот — он вскоре безнадежно сломался, и продовольствия маловато, и охота не кормит. Компания распалась, Рабо остался один. Пароход заменила лодчонка. Разве могли его остановить такие пустяки, как дырявые пароходные котлы и нехватка пищи?

Далеко он забрался на своем челноке. В верховья Амазонки! Ядовитые насекомые и змеи, кровожадные полчища пирайи, голод и одиночество не задержали его. И если бы не крошечный малярийный комар... Хотя именно укус комара и привел к тому, что открыл Рабо свое Эльдорадо.

Индейцы оказались на редкость отзывчивыми и добрыми людьми. Рабо, найденного в жесточайшем приступе тропической лихорадки, они выходили, отпоили, вылечили своими средствами, подняли на ноги. Впрочем, на ноги он вскочил еще совершенно больным, и было от чего вскочить: индианка принесла кувшин с водой, где плавала невиданной красоты рыбка.

Драгоценности инков — алмазные россыпи. Рабо их не видел, но тотчас понял, что они не могут сверкать так, как сверкает это маленькое живое чудо. Вот он, его Клондайк, неисчерпаемый, бесконечный! Рабо не зря был столько лет связан с зоолюбительством: он сумел оценить рыбок с первого взгляда.

...В новогоднюю ночь, о которой расскажу чуть позже, пришел ко мне в гости один знакомый, вовсе не рыболов, не охотник даже в самом широком смысле этого слова — не любитель природы вообще. Я не подводил его к аквариуму.

Но едва погасили люстру, зажглась елка, подняли новогодние бокалы — и мой знакомый вдруг устремился к стеклянному берегу:

— Вот это да! Мне показалось вначале, что огни елки отразились в стекле, а тут... Какая красота!

Да, в аквариуме, на фоне темного камня, плавали они...

Но вернемся к Рабо, к его приключениям.

Куда девалась слабость после перенесенной лихорадки? Энергия, свойственная Рабо, вернулась к нему тотчас. Нет сосудов для перевозки? Он приспособил ящики. Просмолил их внутри, как это делают с лодками. На месте опытным путем выяснил нормы посадки. Продумал устройство крышек. Много было трудностей! Они возникают всегда, когда предстоит перевозить животных, а тем более в амазонской глуши. И все же рыбки прибыли в Европу без потерь. Велика в этом заслуга Рабо, но не меньшая заслуга самих чудо-рыбок, оказавшихся на редкость живучими.

В Париже их назвали неоновыми рыбками. Нет, не точное это название. Изумрудно-зеленая полоса, которая тянется у рыбки через все тело, сверкает, светится ярче любой неоновой трубки, а подстилающая ее красная полоса — краснее любого огня.

Новинка вызвала в Париже сенсацию. Зоопарки и зоофирмы, любители из очень богатых семей — все хотели приобрести неоновых рыбок. Карманы Рабо лопались от денег, у него появился счет в банке... Но слишком притягательна в Париже реклама, а злачных мест больше, чем в Рио. И очень скоро Рабо снова отправился на Амазонку.

Он еще несколько раз ездил туда, храня в тайне место, где ловил неонов. А потом его выследили в джунглях агенты одной зоофирмы, выследили и убили.

Между тем неоны, привезенные в Европу, превосходно жили в аквариумах, переносили и жару, и прохладную воду, довольствовались любым кормом. Самки отличались от самцов набитым икрой, округлым брюшком. Если рыбок содержали в хороших условиях, удавалось наблюдать их брачные игры. Но вырастить из икры мальков не удавалось. Примерно через девять часов икринки белели.

Меняли температуру и освещение, продували воду, применяли лекарственные препараты — икра гибла... А владельцы зоофирмы, зарабатывавшие бешеные деньги на импорте неонов с Амазонки, потирали руки.

Но вот пришла весть о кудесниках из Райхенбаха. То, что не удавалось аквариумистам всего мира, у них получалось легко и просто: неоны нерестились, икра развивалась, мальки вырастали. Сперва поговаривали о каких-то приемах, которые держат в тайне аквариумисты этого маленького немецкого городка. Потом выяснилось: нет никаких тайн. «Виновата» вода. Гидрохимики обнаружили, что в Райхенбахе вода очень мягкая и кисловатая — такая же, как в Амазонке. А неонам для оплодотворения икры нужна именно такая вода. Практически — дистиллированная с небольшой добавкой торфяного настоя. Отстоится такая вода в стеклянной банке в течение двух недель — и можно сажать туда на нерест неоновых рыбок...

В ночь на 31 декабря 1957 года трое рыболовов — ибо по случайному совпадению все трое аквариумистов были и рыболовами — чашку за чашкой пили кофе во Внуковском аэропорту.

Погода испортилась. Самолет немецкой авиакомпании вылетел из Берлина в четыре часа дня, а теперь уже — два ночи, и в промежутках между чашками кофе мы бегали к справочному окошечку, донимали симпатичную девушку:

— Сидит в Вильнюсе или вылетел?

Мы волновались. Вильнюс — не тропики, а сейчас декабрь, хорошо еще, если сообразили и занесли коробки с рыбами в помещение. А если нет? Семьсот неонов, семьсот расбор с Суматры, триста стеклянных окуней, тьма всякой иной живой драгоценности! И все под угрозой.

Наконец вылетели! Кто тот гений, который придумал этикетку для зоофирмы ГДР? Надпись «Осторожно, животные!» сопровождалась великолепным рисунком: изогнутая змеиная шея, голова кобры с разверстой пастью, острющие сабли-зубы, раздвоенный язык. Выразительнейшая морда! К коробке невольно хочется отнестись с осторожностью и даже с почтением.

— Что у вас там? — спросил ветврач, глядя кобре в глаза. — Только рыбы?

— У вас в руках список, — не очень определенно ответил я. — Экзоты, с которыми мы сами впервые встречаемся.

А в руках у ветврача сплошная латынь.

— Где ваша база? В Тимирязевке? Хорошо, приеду завтра, проведу осмотр там.

— Завтра? Милости просим! Семьсот неонов, семьсот расбор, тьма-тьмущая всякой иной диковины избежали опасности быть простуженными.

В дальнейшем эта практика была узаконена: ветосмотр рыб поручен аквариумистам, а они проводят его, уж конечно, не в аэропортах, а в теплых, оборудованных аквариальных.

Московский зоопарк, рыборазводки зоокомбината, клуб аквариумистов — многие получили в тот день новинки.

А потом была новогодняя ночь и, поднимая бокал, я то и дело поглядывал сквозь стеклянный берег. На темном фоне камней и зелени изумрудно-красной россыпью драгоценностей сверкали неоны.

Это было давно, а теперь неоновая рыба не редкость в аквариумах. Но разве от этого она стала менее красивой и привлекательной?

ПО МЕРИДИАНАМ
Таймени Монголии•
От Копенгагена до Капри•
У берегов Австралии•
Что ждет рыболова завтра?•

ХУДЖИРТ*

Ежи Путрамент

О

Монголия — и рыба? Сочетание невероятное! Для поляка Монголия — это прежде всего пустыня Гоби. Но те, кто бывал в Монголии, рассказывают чудеса. Оказывается, вся северная часть страны испещрена полноводными горными реками, а поскольку монголы рыбу не едят, то ее там предостаточно.

Легко себе представить, как окрылили меня такие известия. Я стремился в Монголию как в рай. Но на деле все оказалось куда сложнее. Выяснилось, что уже целый месяц непрерывно идут дожди. Реки стали мутными, пенящимися, а ведь в мутной воде верховые рыбы не идут на блесну — они ее попросту не видят...

ТОЛА

Мутная и пенящаяся Тола с ревом летит вперед. На берегу — несколько человек ловят на донки: коротенькая леска с большим грузилом, на крючке — червяк. Забрасывают прямо в водоворот. Понятия не имею, как они чувствуют, взяла ли рыба?

Разглядываем улов. Три сорта рыб: хариусы — маленькие, сантиметров по пятнадцать от наших отличаются фиолетовым отливом чешуи; чебаки — что-то вроде ельца или язя, сероватые, тоже маленькие. И наконец, ленки. Цветом похожи на форель, такие же бурые и пятнистые, но на боках несколько больших ромбовидных розовых пятен. Да и рыло совсем другое, низовое, то есть с выступающим, как у подуста, носом. Эти — покрупнее, сантиметров по двадцать пять.

Их вид оживил во мне надежду. Забрасываю блесну под нависшие кусты. Ничего. Спускаюсь, помахивая удилищем, прохожу мимо скалы. Ничего. Влез по пояс в ледяную воду. Опять ничего.

Я уже оказался ниже рыболовов. Наступает вечер. Река разлилась широко, но здесь мелко. Сам не осознавая как, чувствую, что на крючке рыба. И совсем не сопротивляется. Мгновение — и она на берегу.

Ленок! Всего тридцать сантиметров и около четырехсот граммов весом. Но красивый, коричневый, розовые ромбы, выразительны, как печати. Съедаем его на ужин. Мясо менее деликатесное, чем у форели, но все же вкусное.

Из-за ленка я несколько раз в течение своего пребывания в Улан-Баторе отправлялся к Толе. Но напрасно. До самого конца я здесь так ничего и не поймал. Любезные хозяева утешали меня, говоря, что в столице всю рыбу выловили дипломаты, что впереди Орхон — большая река... Но проходило время, ежедневно — дождь, снег, град, а сколько дней у меня еще осталось?

---

* *Из книги «С удочкой по четырем континентам».*

ОРХОН И ХАНУЙН-ГОЛ

Шофер Сандардорж обещает мне чудеса в реке Орхон, около древней столицы Чингис-хана Хар-Хорум, или, по-нашему, Каракорум.

Переводчик Тумурбат рыбу никогда не ловил, но все же взял с собой удилище, миллиметровую леску и пару блесен «Байкал» — по слухам, самых подходящих для тайменя.

К вечеру приезжаем в колхоз Орхон. Река рядом. К сожалению, такая же мутная. Когда мы выходим на берег, солнце уже садится. Ужасающие тучи комаров. В жизни не видел ничего подобного! Не помогает даже крем «Тайга».

И конечно — никакого улова.

Итак, Орхон тоже подвел. Разочарованный еду на следующий день в Булган. Горы, долины. Сандардорж заблудился, меня не слушает, на очередной развилке не сворачивает влево, а едет прямо. В результате оказываемся в сомоне Бурэн. Пару десятков изб, несколько юрт.

Рядом с сомоном — небольшой ручей шириной метра в три. Вода в нем чистая. Проезжаем еще два километра. Вдоль ручья появляются небольшие деревца. Располагаемся на обед. Пока шофер открывает консервы, я бегу к ручью.

Кусты до пояса. Комары есть и здесь, но их меньше. Ручей достигает пяти метров, кое-где у берега ямки. Иду от куста к кусту. Ничего. Говорю себе:
— Ну, еще дюжина бросков,— уже без всякой надежды, потому что темнеет.

Десятый бросок. Блесна — у противоположного берега. Несильный рывок. Рыба бросается, но потом сразу перестает сопротивляться.

Снова ленок. На сей раз больший — сорок сантиметров и семьсот граммов. Симпатичный, только рыльце неприятное, горбоносое.

На следующий день под вечер опять отправляемся к Орхону. Автомобиль останавливается на краю скалистого обрыва. Река течет внизу, до нее, пожалуй, метров сто. Вид отсюда великолепный. Мы спускаемся, по камням пробиваемся вниз. Течение бешеное, блесну попросту выворачивает, жилка потрескивает. А рыбы нет.

С утра сидим над картой. За сто двадцать километров от Булгана река Хануйн-Гол. О ней мы ничего не знаем, но выглядит она солидно. Едем!

Три часа езды по совершенно голой степи. Суслики толпами удирают от машины, прячутся в кустах. Дальние перспективы. Знаем, что где-то здесь должен быть Хануйн-Гол. Но перед нами — только степь, окаймленная кольцом далеких гор.

И внезапно — разрыв в кольце. Останавливаемся на краю пропасти. В двухстах метрах под нами река, кусты, белая пена на воде. Жаль, но вода такая же мутная.

Поваленное дерево. Спускаюсь к воде, не могу размахнуться удилищем, швыряю блесну под кусты, недалеко, метра на три. Солнце пронизывает воду, я вижу, как крутится блесна. Удерживаю ее некоторое время, течение просто сумасшедшее.

И вдруг у блесны мелькает тень. Рывок! Рыба извернулась, схватила блесну и теперь бешено рвется. С большим трудом подтягиваю ее под ветками, под стволом дерева. Поднимаю удилище, хватаю под жабры. Полуметровый ленок. Весит килограмм двести граммов.

С триумфом тащу рыбу. Брод, отмель, несущаяся вода. Снова что-то дергается. Вытаскиваю ленка, но уже поменьше.

Едем вверх. Здесь строят мост, несколько юрт. Под мостом — стремительное течение. Бросаю блесну в середину реки, ее сразу сносит — и у самого берега рывок! С первого же заброса! Ленок, такой же как и тот, полуметровый.

Я преисполнился надежд. Монголы машут руками, показывая вниз по течению. Прохожу пару сот метров, течение здесь поспокойнее. У самого берега берет еще один, из-под кустов вытаскиваю следующего, затем один срывается: жаль, он был большой. Но потом на том же месте еще один, но маленький, полукилограммовый...

Прибегает Тумурбат, кричит, что вверх по реке водятся таймени. Проезжаем еще два километра. Плавный изгиб, течение сильное, глубина небольшая. Кстати говоря, место типичное — нам уже несколько раз рекомендовали именно такие места в качестве «резиденции» тайменей.

Затаив дыхание делаю бросок. Один, другой, десятый. Возбуждение исчезло. Иду по течению. Блесна летит на ту сторону, опускается около берега. Взяла! Кручу катушку, какое-то время рыба сильно сопротивляется, потом слабеет, еще немного — и она подле меня. К сожалению, это только ленок, опять полуметровый и весом чуть более килограмма.

Затем рыба берет где-то посреди реки. Я уверен, что это таймень. Но нет — ленок, еще меньший, чем предыдущий.

Вечереет, солнце садится за горы. Возвращаемся по темнеющей степи. Отчаянное соревнование степных прыгунов с автомобилем. Светящиеся глаза на перевале — антилопа-джейран. Потом чудится пожар, свет фар грузовика, внезапно появившийся город... А это всего лишь полный месяц вдруг выплыл из-за горной вершины.

ТАРБАГАТАЙ

Август кончается. У меня еще неделя в Монголии. Последний шанс — на севере. На карте находим реку Эгийн-Гол, впадающую в Селенгу. Там есть такой сомон — Худжирт над речкой Тарбагатай...

До чего же увлекательны путешествия напрямик, через степь! Проехав сотню километров, попадаем в долину Селенги. Высокие горы, обрывистый берег. Рядом ручеек в зарослях ив и берез. Разбиваем бивуак, и я отправляюсь на рекогносцировку. Тяжелая трава, бурьян, кусты. Речка исчезла! Только маленькие ответвления — один, два шага шириной, не больше.

Мы торопимся дальше. Паром через мутную, взыгравшую Селенгу. Горы, перевал, крупный сомон Хутог. Здесь мы берем бензин, а потом — прямо на север, меж нагих холмов.

Новая долина. Соленые болота. Паром через Эгийн-Гол. Река чистая, но, кажется, безрыбная. Тихие сумерки. Мчимся из долины в долину. Уже почти стемнело, когда въехали в Худжирт.

Плоская долина под высокой горой. Холодно. Звезды. Где-то неподалеку ревет река. Нам выделяют комнату в школе. Долго беседуем с представителем сомонного Совета. Он говорит, что рыбы здесь полно, что тайменями буквально устлано дно. Но, поскольку нам то же говорили в Булгане и вообще всюду, я слушаю без эмоций, вежливо поддакиваю и — не верю.

Утром непробиваемый туман. В половине восьмого оправляемся на Тарбагатай. Что за симпатичная речка! Не большая и не маленькая — в самый раз! Вода чистая — наконец-то! Течение страшное. На каждом шагу водовороты, ямы, буруны, поваленные деревья...

Спускаюсь к воде. Десятка полтора бросков, с каждым из них мои эмоции становятся все слабее. Когда они совсем исчезают — дерг! Внезапное возбуждение, руки трясутся. Наконец-то таймень!

После нескольких секунд оживленной борьбы с травлением лески рыба быстро сдается. Тогда я вижу: не таймень и даже не ленок — хариус! Правда, для меня рекордный: сорок сантиметров, семьсот пятьдесят граммов... Красивый, фиолетовый, с огромным спинным плавником. Но все-таки не таймень...

Иду вниз. На каждом шагу чудесные места для форелей. Огромные буруны, камни, деревья. Еще один хариус примерно с полкилограмма. Наконец, течение слегка ослабевает. Несколько затопленных деревьев, глубоко.

Стою у очередного затопленного дерева. Хочу забрасывать, но подходит председатель и говорит, что Тумурбат на прежнем месте поймал тайменя. Горечь заливает мою душу! Надо же — первая рыба в его жизни! Спрашиваю, большой ли. Довольно большой, отвечает.

Отворачиваюсь к реке, в байроническом настроении бросаю блесну. Третий бросок — и сам не знаю почему, уверен, что рыба взяла! Сразу чувствую, что крупная. Сматываю леску без труда, вывожу под берег, вижу, что рыба серая. Никаких сомнений — таймень!

Он ходит под берегом, пару раз дергает, но чудес не совершает; через несколько минут я вытаскиваю его на высокую залитую водой траву. Пробую взять под жабры, он вывертывается, плюхается в воду рядом, но не удирает. Снова хватаю его, тащу вверх. Не помня себя от радости, бросаюсь обнимать товарищей.

Какая чудесная рыба! Небольшая — восемьдесят сантиметров и ровно четыре килограмма. Седая, с темным хребтом и черными мелкими икрообразными пятнышками. Хвост и задние плавники красноватые... Голова огромная, плоская, похожа на щучью или даже на сомовью, но уж никак не на лососью, с которой ее сравнил какой-то мудрец «Вядомосьцей вендкарських». Теперь я понимаю, почему ближайшим родственником тайменя в Европе считается голавль: такой же лоб!

Возвращаемся. Гордо вышагиваю, неся вязанку рыбы. Откуда ни возьмись, Тумурбат. Спрашиваю, где таймень. Он поднимает...

Гордости моей как не бывало. Что-то поразительное! Почти метр, даже метр десять в длину. Больше десяти килограммов веса. И это первая рыба в его жизни!

За обедом председатель снова говорит, что река «усеяна» тайменями. Теперь я уже верю, теперь у меня от нетерпения даже дрожат пальцы. Стало быть, остаемся на завтра.

ВСЕГО ОДИН ПОЛДЕНЬ...

Я прошу, чтобы на ужин зажарили моего тайменя, и мы сразу же едем обратно. Несколько километров наш «джип» продирается сквозь огромные травы. Останавливаемся неподалеку от устья Тарбагатая. Иду вниз по течению, остальные — вверх.

Место — неописуемой красоты. Долина Тарбагатая зажата между отвесными скалами. И сразу же — большая река Эгийн-Гол. Бросаю блесну туда, где сливаются обе реки. Начинаю вращать катушку. Идет тяжело: блесна вращается, а течение сильное.

И вдруг — зацеп. Опасаясь за блесну, дважды дергаю удочкой. И через мгновение как бы далеким эхом до меня доходят два ответных слабых рывка.

Электризующие искры по всему телу! Несколько раз энергично вращаю рукоять. В сорока метрах от меня бурун и рыбий хвост. Мечта рыболова — крупная рыба! Кручу катушку, но тормоз трещит, леска не скручивается. Я читал, что у тайменя есть повадка: прижмется ко дну, и ничем его не оторвешь. Наверное, как раз такой случай...

Состояние это продолжается несколько минут. Время от времени подергиваю удилище. А потом машинально слегка отпускаю леску. Помогло! Таймень оторвался от места, поплыл по течению. Теперь он дергает сильнее. Снова даю ему пару метров. Новая проблема: он не дает сматывать леску. Поднимаю удилище, потом быстро опускаю

и тут же кручу изо всех сил. Снова медленно поднимаю...

Рыба постепенно перемещается вверх против течения. Но подтягивать трудно, мешает ее сопротивление плюс сильное течение. В полутора десятках метров от меня таймень всплывает на поверхность. Пару раз дергает огромной головой. И уже совсем рядом делает несколько прыжков. Но отскакивает недалеко, я тут же пресекаю все эти попытки.

Таймень у берега. Втаскиваю его на мель, прыгаю к нему, пробую ухватить под жабры. Он выворачивается, но так измучен, что даже не пробует бежать. Снова под жабры. Нет, только покалечил руки.

Выбрасываю тайменя вверх, сам забираюсь через осыпь. Великолепная рыба: девяносто два сантиметра и шесть килограммов семьсот пятьдесят граммов веса. Самая большая в моей жизни!

Вспоминаю, что таймени ходят парами. Блесна идет вдоль берега. Вдруг из глубины выскакивает большая рыба, подлетает к блесне, нет, не успела, поворачивает.

Забрасываю еще раз. Снова выныривает. Это таймень — он серый и хвост у него красный. Но рыба только осматривает блесну и не берет.

Иду против течения еще пару сот метров: поваленный пень дерева, водоворот, глубина, много пены. Здесь должен стоять ленок. Забрасываю блесну. Рыба идет, обнюхивает, возвращается, прячется под пену. Меняю блесну на меньшую. Сейчас возьмет. Ленок здесь, подо мной. Страшно бросается. Сажусь на траву, чтобы при необходимости дотянуться до него рукой, но едва не обрушиваюсь в пропасть. Быстро карабкаюсь вверх, потом ложусь, вытягиваю руки, тянусь за блесной. Ленок терпеливо ожидает. Есть! Кило и три четверти.

Прохожу еще метров тридцать. Посреди реки мель, у того берега водоворот и глубина, дальше вода спокойнее, видно, как в ней резвятся хариусы.

Словом, место идеальное. Первый бросок — ленок в полтора килограмма. Потом много пустых бросков. Забрасываю далеко, под тот берег, на границу спокойной воды.

Зацеп. И сразу медленный, но сильный толчок. Повторяется аналогичная история: вдалеке большая рыба. С места ее не сдвинешь. Поддергиваю удилище раз-другой, потом даю слабину. Тронулась!

Опять повторяю тот же прием: медленно поднимаю удочку с неподвижной леской. Потом быстро вниз — и кручу! Подтягиваю рыбу, она выплывает, бьет хвостом воду. А несколькими метрами дальше из воды выпрыгивают хариусы, ловя мушек на обед.

Стою по колено в воде. Комары. Таймень идет, идет, а потом поворачивает, катушка поет дискантом — так быстро леска бежит в воду. Это повторяется несколько раз. Наконец, мне удается перетянуть его от того берега через течение на «свою» мель. Еще пару рывков, уже гораздо более слабых, парирую одним удилищем. Рыба на мели. Огромное колодообразное тело извивается на гальке. На мои шаги не реагирует. Хватаю его под жабры.

От лосося таймень отличается в основном внешне: он гораздо шире и резче сужается к хвосту. Сто четыре сантиметра и восемь килограммов семьсот граммов. Опять самая большая рыба в жизни!

Но я помню: они ходят парами! Возвращаюсь на мель. Несколько бросков. Потом у водоворота, ниже мели, сильный рывок. Теперь я уже знаю, что это таймень: несколько сильных рывков — и ни с места! Значит, снова тот же прием...

Приходит Сандардорж. Нервничать он начинает еще на берегу, приходится его успокаивать, что еще некуда спешить. Рыба ходит, но я уже вижу, что она меньше предыдущей. Измученную, вытягиваю ее на мель. Сандардорж прыгает, хватает, вытаскивает ее на берег...

Девяносто шесть сантиметров, ровно семь килограммов!

Возвращаюсь на мель. Пара забросов — и опять рывок. Но теперь я настолько уверен в себе, что даже не прикладываю усилий. К взлелеянным в мечтах тайменям я уже отношусь с некоторым чувством превосходства. Еще бы, четыре заброса — четыре рыбы! Рыба довольно быстро подходит ко мне, высовывается из воды, но она еще полна сил, пара нырков — и таймень срывается.

Снова забросы. Говорю себе: еще дюжину. На Висле, бывает, забрасываешь черт знает сколько раз из-за какой-нибудь мелочи, а тут...

Пятый бросок... Прыжок огромной рыбы у самого берега. Я вдруг понимаю: рыба атакует блесну, которая уходит от нее слишком быстро. Замедляю ход. Сразу же рывок. Но после нескольких прыжков рыба срывается.

Уже вечер. Возвращаемся. Мои результаты: шестнадцать рыб, в том числе три самые большие, какие мне когда-либо удавалось поймать.

В Худжирте. На ужин зажарили наименьшего из моих тайменей. Он великолепен, гораздо лучше лосося. Но ем я его в одиночестве. Друзья попробовали и тут же вернулись к баранине с кумысом. Ем я его и весь следующий день. Шутка сказать — четыре килограмма! Одному человеку может хватить на неделю. Правда, на третий день я уже был им сыт по горло.

ТЕНИ РАЯ

С утра туман, как молоко, им залита вся долина, и даже неизвестно, что там вверху — солнце или дождь? Река внизу окружена деревьями, куда более узкая. Я иду по течению. Буквально через пять минут в одном и том же месте два ленка, один за другим, по килограмму с немногим каждый. Осторожно снимаю их с крючков и отпускаю. Зачем им пропадать?

Река причудливо вьется, выглядит она просто чудесно — ивы и тополя, водовороты, буруны. Все это натуральное, неожиданное, за каждым кустом таится Великое Приключение.

На протяжении пятидесяти метров несколько ленков. Берег здесь высотой метра в полтора. Бросаю сверху, вижу, как блесна скользит в воде на небольшой глубине, обходит камень или приближается к берегу. Вдруг темная тень, вскипает вода — и уже выкрутасы перевернувшейся вверх белым брюхом рыбы. Самый большой из пойманных мной ленков — пятьдесят восемь сантиметров и ровно два килограмма. Отпускаю его. И всех остальных — тоже, между прочим, и очень симпатичного хариуса.

Я в рыбацком раю — это не подлежит сомнению. Но вот один из неожиданных и в то же время неизбежных атрибутов любого рая: я становлюсь пренебрежительным. Пламя рыбацкой страсти, разгоравшееся во мне в течение нескольких лет все сильнее, теперь, когда есть все возможности для ее удовлетворения, вместо того, чтобы запылать, вроде бы даже угасло. То один, то другой куст я обхожу, даже не пробуя бросать.

Итак, у рая есть свои теневые стороны. Во-первых, легкость, с которой можно удовлетворить все желания, а во-вторых, невозможность использовать излишек имеющихся богатств. «Тяжка все-таки участь миллионера»,— думаю я. Переживать ежедневно угасание желаний, в каждом из них видеть бесплодность того, что казалось достойным борьбы,— нет, не о такой жизни стоит мечтать!

Тайменей нет. Останавливаемся на обед. Геройски воюю со своим первым тайменем, закусывая его икрой. «Мои» же с удовольствием погружаются в вареную и жареную баранину, запивая ее кумысом.

После обеда еще раз отправляемся к устью Тарбагатая. Подходим немного ближе, чем раньше. Я спускаюсь, иду к реке.

Она в этом месте неприятная, прямая, мелкая. Неловко забрасываю у берега. Пару раз сворачиваю катушку — есть!

Таймень. Он энергичнее вчерашних, поэтому мне кажется, что он меньше. Пару раз сильно дергает, и мне приходится отпускать леску, боясь, что тормоз откажет и она лопнет. Я купил ее перед поездкой сюда; толщиной она всего полмиллиметра (местные рыболовы в ужасе, они без миллиметровой не делают ни шагу), самая лучшая заграничная леска; но, потаскав на ней один день большую блесну на сильном течении и вытянув четырех тайменей, я убедился (со страхом), что она истирается и разлохмачивается.

Сегодняшний таймень не жмется ко дну, он довольно быстро выплывает у берега и молотит хвостом по воде. Подтаскиваю его поближе, тогда он впадает в панику, я же поскорее уступаю ему метров двадцать лески.

Потом снова подвожу потихоньку. Сейчас таймень стал покорнее, дает стащить себя с течения. Я его уже вижу — здоровущая колода, вроде вчерашних. Он еще брыкается, отскакивает по течению. Опять подтягиваю, подвожу к камню, лежащему на прибрежной осыпи. Он послушно подходит. Спрыгиваю с берега. Последняя попытка рыбы удрать, но сил остается лишь на то, чтобы слабо шевельнуть хвостом. Беру ее под жабры, но поднять не могу. Обхватываю обеими руками, тяну наверх, таймень не сопротивляется.

Несколько раз ударяю его камнем по голове, потом долго выдираю крючок. Срезаю толстую ветку, продеваю ее сквозь жабры, еле двигаю. Ветка ломается, ищу покрепче.

К счастью, машина в ста метрах от меня. Добираюсь к ней, волоча рыбу по земле. Меряю — и глазам не верю! Метр двадцать сантиметров в длину и двенадцать с половиной килограммов весом! Снова самая большая рыба в моей жизни! С первого же заброса, на первом попавшемся участке реки.

Возвращаюсь на то же место. Забрасываю. Со второго захода берет! Но тот проворнее, стремительно разматывает леску, пару раз дергает и удирает!

Удивительно: как и первый, он взял у самого берега, на глубине меньше метра.

Возвращаемся в темноте. Идем напрямик, через высокий, густой бурьян, приближаемся к холмам. Пусто, великолепно. Единственные следы человека — пара почернелых, покрытых дерном, низеньких хижин. Похоже на склады.

Очень устав, добираемся до машины. Комары пищат. Тумурбат поймал одного тайменя, килограмма на четыре...

ЛОЖКА ДЕГТЯ

Третьих суток рая мы не выдержали. Решили: с утра немного побросаем около Худжирта — и в путь!

Подъезжаем к месту, где Тумурбат позавчера поймал своего десятикилограммовика. Первый бросок — есть! Зацеп! Великолепная блесна, на которую я вчера поймал четырех тайменей, пошла к черту!

Привязываю тяжелую, большую «американку», веерную, с одной стороны посеребренную, с другой — медную. Летит она далеко, но безрезультатно.

Стою в воде. Блесна — в каком-то метре от конца удилища. Внезапно снизу выплывает большая серая рыба, не спеша подходит к блесне, как бы обнюхивая ее,— и хватает!

На расстоянии удилища от меня! Подсекаю и сразу отпускаю леску метров на десять. Испуганная рыба бросается вниз. Рывок — и снова отпускаю на десять метров. Это хорошо, пусть она выпрыгается.

Тумурбат, успевший сойти к воде, большими прыжками мчится вверх по осыпи, исчезает и снова появляется с фотоаппаратом.

Рыба прижалась ко дну, я не могу ее сдвинуть, а Тумурбат лихорадочно что-то настраивает в аппарате и кричит:

— Еще минутку, еще минутку!

Это — чтобы я не спешил ее вытаскивать. А я и так не могу ничего сделать. Наконец, рыба трогается с места, слегка скачет. Тумурбат щелкает раз за разом. Немного подтягиваю рыбу, немного сам к ней подхожу. Наконец, она на камнях осыпи. Сандардорж хватает под жабры и с криком отдергивает руку: до крови разрезал палец.

Подбегаю, ботинками преграждаю рыбе путь к реке. Она еще бросается, но я уже беру ее под жабры...

Она больше, чем я думал: сто два сантиметра и более семи с половиной килограммов!

Потом еще пару ленков — и в дорогу.

Я уезжаю с облегчением! Когда машина минула Худжирт и вышла на степную дорогу, радость охватила нас всех. Вероятно, какая-то бацилла странствий. Тумурбат цитирует монгольскую пословицу: самый короткий путь, как правило, самый плохой. И еще одну: радость мужчины — это голубое небо, это жизнь под чистым небом. Насколько дословный смысл первой реалистичен и прогрессивен (ибо действительно в Монголии самые короткие дороги обычно страшно заезженные, и объезды, как правило, неизбежны), настолько метафорическая вторая дает вдоволь пищи для размышлений и разговоров о таинственной душе Востока...

В Булгане мы еще раз пробуем Орхон. Ужасная, головоломная дорога. Орхон, как всегда, мутен. Небо хмурое, здесь каждый день шел дождь.

Четыре с половиной часа махания удочкой без всякого результата. Меняю места, блесны — и ничего. Сумерки. Стою сжав зубы. Трудно поверить, что только вчера отпускал я тайменей и ленков, что, позевывая, проходил мимо самых лучших мест!

Предпоследний бросок, сильный рывок, визг катушки. Леска в мгновение ока оказывается на середине реки. Парирую атаки рыбы, поднимая удилище. Довольно быстро подвожу ее к противоположному берегу, сам же начинаю брести через прибрежную отмель, беспрерывно сматывая леску.

Рыба — на мели, метрах в пяти от меня. Из мутной воды торчат спинной плавник и пасть. Пожалуй, в ней килограммов семь.

Пробую подтянуть ее еще метра на два, под самый берег. Внезапно что-то лопается. Окаменев, я какое-то мгновение не знаю, что делать. Пару секунд рыба, застыв, лежит неподвижно. Потом мы одновременно бросаемся: я — к ней, она — в реку...

Сколько разочарования! Стою еще целый час. Поклевок нет. К тому же я потерял великолепную «американку». Рыба удрала, ибо лопнуло колечко, соединяющее крючок с блесной.

Уезжаю в Булган с черной печалью на душе. Едем в Улан-Батор. Еще несколько дней, но уже ни одной рыбацкой оказии. Мне горько, что последний контакт со здешним раем закончился так печально. Эта ложка дегтя испортила всю бочку худжиртского меду.

И только потом я понял всю целительную, просто врачующую силу ложки дегтя. Благодаря ей исчезло пресыщение, неразрывно связанное с раем, появился аппетит, и вот снова я с удовольствием лазаю по привисленским кустарникам, сотни раз забрасывая удочку ради какой-то мелочи...

Перевод с польского
Г. Бурганского

ВСЮДУ ЖИВУТ РЫБОЛОВЫ

Лев Прозоровский

За последние годы мне довелось несколько раз побывать за рубежом — и в составе писательских групп, и в роли туриста, и в качестве корреспондента газеты «Латвийский моряк». Стоит ли говорить, что, знакомясь с обычными достопримечательностями каждой страны, я не забывал и о «достопримечательностях» рыбацких. Едва выдавалось свободное время, бежал в магазин рыболовных принадлежностей; выбирался на местные реки в надежде хотя бы понаблюдать за тем, кто здесь ловит, на что ловит, чем ловит и как ловит.

Первая стоющая встреча с «заграничным рыболовом» состоялась у меня летним днем в Копенгагене, неподалеку от знаменитой «Русалочки». Я подошел к одному молодому датчанину с пластиковой удочкой. Способ, которым ловил этот парень, меня заинтересовал. Грубо его можно было назвать «дорожка с берега». После одного из очередных забросов датчанин вытащил приличную камбалу-глоссу, или, как ее любовно называют черноморские рыболовы, «лосика». Надо заметить, что у причала было очень глубоко, ведь всего в какой-нибудь сотне метров отсюда стояло наше большое пассажирское судно «Мария Ульянова».

У меня был с собою «Контакс». Зная о том, что датчане в основном знакомы с немецким языком, я, изобразив на своем лице предельную любезность, попросил:— Битте?— и выразительно указал на свой фотоаппарат. После того как был сделан снимок, я попросил рыболова показать устройство удочки, что он выполнил весьма охотно. Пластиковое удилище имело в длину метра три-три с половиной. На большой безынерционной катушке жилка 0,4. Оканчивалась снасть тройником, на который почти вплотную была надвинута 4-сантиметровая «сигара» или, скорее, «турбинка» из ... пенопласта, белая, в точках красной светящейся краски. Турбинка свободно вращалась на леске, но подняться высоко не могла — ее удерживал ограничитель-узелок. Еще выше, примерно на метр, от турбинки с тройником на жилку была надета картечина размером с лесной орех, также просверленная и ограничиваемая узлами.

— А где же червяк?— спросил я по-немецки.

— Червяк не нужен,— ответил датчанин.

Вернувшись из поездки, я тут же принялся мастерить датскую снасть. Изготовить турбинку, или «сигару», оказалось не так просто, как я думал вначале. Из одного кусочка пенопласта приходилось вырезать и тело турбинки, и «винт», то есть закрылки, которые, вращаясь, придавали ей винтообразный ход. Если шаг винта был крутым, турбинка вращалась чересчур быстро и отпугивала рыбу. При малом шаге турбинка тянулась к берегу, как пробка, не вызывая у рыбы никакого интереса. Наконец, я добился оптимальной конфигурации (рис. 1) и в течение всего лета довольно успешно ловил щурят на озерах. Щуки, даже килограммовые, почему-то эту снасть «не жаловали». Беда была еще в том, что грузило, даже круглое, очень часто цеплялось за неровное дно наших мелководных озер. Турбинка, побывав хоть раз в зубастом рту щуренка,

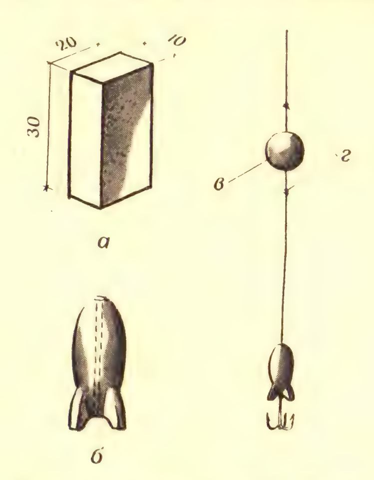

Рис. 1. Датская «дорожка с берега» (размеры в мм): а — заготовка из пенопласта; б — готовая «турбинка»; в — картечина; г — скользящие узлы-ограничители

больше уже не вращалась. Я передвинул узел-ограничитель повыше, и с тех пор мои щурята стали попадаться на пустой тройник — турбинка успевала всплыть на расстояние, недоступное их зубам.

Путешествие на теплоходе «Мария Ульянова» обогатило меня не только датской встречей. По плану наш североморский круиз должен был закончиться в Ленинграде. Последним иностранным портом был Хельсинки. Как рыбак, я с особенным волнением ждал встречи с Финляндией. Еще в Риге один из моих знакомых рыболовов в случайном разговоре объяснил мне устройство так называемого «финского перемета». Устройство было простым: на глубину на лодке завозился груз — кирпич, а то и два, к нему привязана миллиметровая жилка. Она служила «направляющей». Туго натянув «направляющую», рыболов, уже на берегу, сажал на нее металлическую рыбку-буксир. К хвосту рыбки

прикреплялся поводок на 7—10 крючков. Пущенная под уклон, рыбка скользила по толстой жилке, увлекая за собой поводок. Устройство имело два несомненных преимущества перед обычными береговыми донными снастями: во-первых, его можно было отправить метров на 30 от берега, во-вторых, регулировать путем подтягивания и отпускания его удаленность от себя, нащупывая «рыбью тропу».

Весь секрет заключался в рыбке. Из чего она сделана? Из какого материала? Мы в Риге пробовали отливать ее из свинца — она садилась брюхом на дно метрах в пяти от берега и дальше не шла.

— Вот бы мне в Финляндии увидеть у кого-нибудь такую рыбку!— мечтал я.

Теперь, идя по причалу, я подумал с огорчением: ведь для того, чтобы моя прогулка принесла желаемые результаты, требовалось фантастическое совпадение. Во-первых, я должен был встретить рыболова-любителя; во-вторых, он должен был ловить именно на «финский перемет»; в-третьих, этот рыболов должен уметь говорить по-русски, ибо по-фински я не знал ни слова.

Проходя мимо одного из пирсов, я в конце его увидел рыболова, ловившего явно на донную удочку. Я стал наблюдать. Донка, на которую ловил этот человек, была непохожа на «финский перемет», но показалась мне не менее интересной.

Перед финном, справа и слева от него, на бетонном пирсе лежали две обычные инерционные катушки. Левая была крепко привязана бичевой к соседнему кнехту, правую он держал в руке. Леска с обеих катушек уходила в воду, но левая — напрямую, а правая — через сторожок.

Вот сторожок задергался. Рыболов правой рукой коротко подсек, а левой в то же время отпустил тормоз катушки. Затем он стал наматывать леску на правую катушку — левая продолжала раскручиваться, подавая леску в воду. Вскоре справа из воды показались поводки с крючками. На третьем крючке сидела камбала.

Итак, это тоже был подпуск, но такой, устройство которого я не знал.

Немного помявшись, я сказал финну:

— Здравствуйте! Вы, случайно, не понимаете по-русски!

Оглянувшись на меня без особого удивления, рыболов вдруг ответил мягким говорком:

— Здласте. Немноско понимаю.

Я был в восторге. Фантастическое сочетание оказалось на деле не таким уж фантастическим (впоследствии я узнал, что многие финны, особенно старики, вполне сносно говорят по-русски. Речь, конечно. идет о горожанах).

С места в карьер, так как времени было в обрез, я попросил финна объяснить устройство его снасти, присовокупив для серьезности, что он, мол, имеет дело с рыболовом-любителем.

— Понимаю, понимаю,— заметно теплея, ответил старик. Несмотря на то что познания его в русском языке оказались довольно ограниченными, он ясно и связно в нескольких фразах объяснил мне принцип действия своей снасти.

Перед началом ловли прежде всего следовало отвезти на глубину и утопить там «якорь с кольцами». Судя по описанию, устройство его было нехитрым. На небольшой плите укреплены три проволочных стояка, в верхней, свободной, части завитые кольцами, напоминающими плотный штопор. Вес якоря равнялся двум-трем килограммам. Завозился он на леске левой катушки, уже продетой в кольца штопора. Леска эта была очень прочной, примерно миллиметрового сечения. После того как якорь затоплен, сложенную вдвое леску тянут к берегу.

— Как вдвое?— спросил я.— Почему?

— А как же!— удивился моей недогадливости финн. И он показал на пальцах, как входит и выходит леска сквозь кольца якоря. Действительно, оказывалось два конца: задний был обращен к катушке... А передний? Он оканчивался карабином. На берегу к этому карабину пристегивалась леска со второй катушки. Эта была сечением 0,4 с поводками 0,2. Поводки начинались почти от самого карабина.

Теперь, когда вся леска (вернее, обе лески) представляла собой единое целое, рыболов наматывал на катушку левую сторону. Натягиваясь, она постепенно увлекала в воду правую, ту, что с поводками. На правой катушке имелся сторожок. К нему леска крепилась после того, как была установлена и натянута. При поклевке рыболов делал подсечку и начинал подматывать уже правую катушку, одновременно отпуская жилку с левой. Запас жилки на левой катушке был в два раза больше, чем на правой, ибо ей приходилось совершать путь в два раза больший. Закончив ловлю, старик, потянув правую, тонкую, леску, снимал ее с карабина и, не выпуская карабина из рук, волоком тащил якорь из воды. Левая катушка была прикреплена к кнехту для того, чтобы случайно не свалилась в воду.

— А как же вы завозите якорь на глубину?

— Здесь много на лодках плавают. Всегда помогут.

— Да, подпуск интересный. Но, к сожалению, он без рыбки. А я слышал, что «финские переметы» бывают с рыбками-буксирами.

Финн тут же понял, о чем я говорю. Да, ему знакомо и устройство с рыбкой. Но, чтобы подпуск действовал успешно, нужен крутой берег и резкий свал в глубину. Ведь чем круче угол, тем лучше бежит рыбка! Даже если она с винтом.

— Как! Разве рыбка с винтом?

— Да,— объяснил мне старый рыболов,— и устройство ее сравнительно несложно. Это обычный механизм от любой заводной игрушки, к которому крепится винт. Все устройство скользит по «направляющей» на двух фарфоровых спиннинговых кольцах. За винтом — буксирная дуга, за которую карабином цепляется снасть. Завел пружину, и пускай рыбку в воду! Она сама потянет леску с крючками.

Помолчав немного, старик добавил, что при желании можно сделать и свинцовый скользящий груз, который будет работать не хуже рыбки. И он объяснил мне устройство. Не надеясь на свою память,

я тут же зарисовал в туристский блокнот все, рассказанное мне любезным финном (рис. 2 и 3). Сердечно поблагодарив старого рыболова, я поспешил к своему теплоходу. И как раз вовремя — наш автобус уже был подан.

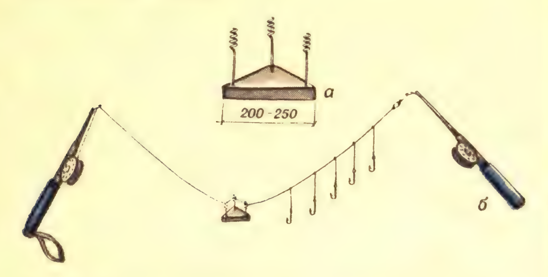

Рис. 2. «Финский перемет» (размеры в мм): а — треугольная металлическая плита; б — две катушки и удочки

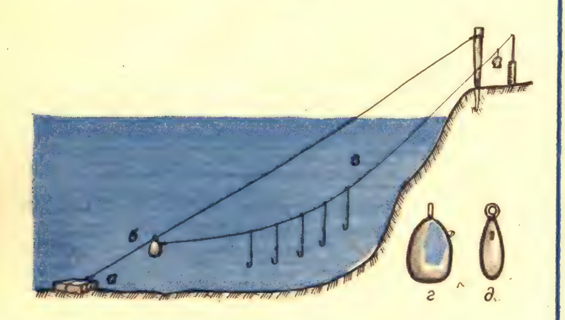

Рис. 3. «Финский перемет»: а — груз; б — направляющая; в — леска перемета; г — буксир (рыбка); д — то же, вид сбоку

Теперь в моем рыболовном арсенале имеются оба подпуска. Какой из них работает лучше сказать затрудняюсь, но мне все же больше нравится тот вариант, где «якорь с кольцами» и две катушки.

Но из всех зарубежных встреч с любителями спортивной рыбной ловли ярче всех в памяти сохранились встречи под лазурным небом Италии.

...Это было во Флоренции. Переполненные впечатлениями от знаменитых картинных галерей Уффицы и Питти, мы после обеда пошли на набережную реки Арно. Коварная Арно, причинившая Флоренции столько бед, на этот раз казалась безобидной речонкой. Неслась она, правда стремительно, но вода в ней была прозрачная настолько, что на глубине одного-полутора метров просматривались все камешки дна.

Невдалеке от моста Ювелиров я увидел щеголеватого молодого рыболова. Длинным удилищем из литого фибергласа он совершал какие-то странные движения: опустив кончик к самой воде, держал его некоторое время неподвижно, затем короткими легкими толчками тянул вверх и вправо. «Что он делает?— подумал я.— Блеснит? Или ловит на мормышку?» Я остановился рядом со щеголеватым флорентийцем. А он в эту минуту, опять опустив кончик удилища к воде, сбросил с катушки метра три лески. Течение тут же натянуло ее. Значит, если он блеснит, блесна должна идти по дну? Странно. Вряд ли это возможно.

Поплавок на удочке отсутствовал. Наверно, поклевка передавалась в виде толчка, потому что рыболов вдруг коротко подсек и принялся не спеша подматывать леску. Вскоре он поднял на поверхность рыбу, которая показалась мне похожей на большого ельца, хотя и не берусь утверждать, что это был именно елец. Да и не он, признаться, меня занимал. Меня привлекло устройство самой снасти. Оно было настолько простым, что я запомнил все с одного взгляда.

По леске, на конце которой висел большой груз (свинец, отлитый в столовой ложке), бегало колечко с метровым поводком. Когда рыболов держал леску совершенно отвесно, колечко по леске падало к самому грузу. Но стоило только дать «слабину», как оно приподнималось течением и скользило в сторону образовавшейся дуги. Чем больше была дуга, тем дальше вниз уходил натянутый течением поводок. То сбрасывая леску с катушки, то подтягивая ее, рыболов заставлял все время находиться в движении крючок с насадкой. Получалась своеобразная проводка не только «взад-вперед», но и «по этажам».

Я тут же отметил про себя, что такой способ, очевидно, применим лишь на быстром течении, но все же, вернувшись в гостиницу, по памяти нарисовал устройство этой снасти (рис. 4). Дома, в Риге,

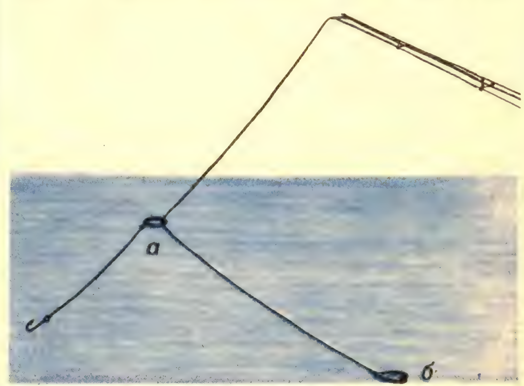

Рис. 4. «Флорентийский способ» (для быстрого течения): а — колечко; б — груз

прочитав у С. Т. Аксакова, как он ловил рыбу в половодье, я вспомнил о флорентийце, сделал себе «снасть со скользящим поводком», поехал на одну из наших пригородных разлившихся рек и... потерпел полное поражение! Мое металлическое ко-

лечко не хотело скользить. Лишь перепробовав десятки различных материалов, я добился того, что поводок стал бегать, натягиваемый течением. Лучшим оказалось костяное колечко диаметром 0,7 см примерно двухмиллиметровой толщины. Однако я не уверен, что кость — лучший материал для такого колечка. Очевидно, можно найти еще что-то, более скользящее и легкое.

В итальянскую снасть я внес свое усовершенствование. Мне показалось неудобным всякий раз при удачной подсечке выволакивать из воды всю леску с тяжелейшим грузом на конце. И я метрах в трех от грузила зажал на основной леске деревянный шарик (двойное протягивание лески сквозь просверленное в шарике отверстие). Теперь поводок с колечком при поднятом удилище висел над моей головой, но стоило опустить удилище к воде и стравить леску, как он принимал то же положение, что и у флорентийца. Пойманную рыбу я мог снимать с крючка, не вытаскивая груза из воды (правда, ловить приходилось только взабродку). Я угонял ее от себя до двадцати метров: толчок клюнувшей рыбы отчетливо передавался по леске.

На чудесном итальянском острове Капри у меня состоялось весьма примечательное знакомство. Солнечным майским днем, совершив большую прогулку по острову, мы спустились на фуникулере с высот Анакапри в район Марина Гранде. Здесь, в приморском отеле «Бельведер», нас ждал обед. Столы стояли на крытой террасе. Море было рядом. Мое внимание привлек черноволосый загорелый итальянец в синих джинсах и туго натянутой на тело белой майке с закатанными рукавами. Его поведение показалось мне странным. Он вроде бы ловил на донку: раскачав, бросал в море леску с грузом на конце, однако тут же вытаскивал ее, наматывая на какую-то дощечку, которую держал в левой руке. Намотав, сразу забрасывал снова. И так непрерывно.

После обеда мы небольшой компанией отправились бродить по берегу. Я, остановившись возле рыболова, стал наблюдать. Он с прежним усердием продолжал свое странное занятие. И его усердие было не напрасным: у ног рыболова в сетке на мокром песке лежало несколько пестрых морских рыб.

Итальянцы, особенно южане, на редкость общительны. Увидев, что я за ним наблюдаю, рыболов прекратил ловлю, взял с песка сетку с рыбой и протянул мне, сказав что-то на неаполитанском диалекте.

— Ай эм фориннер (я иностранец),— ответил я по-английски.

Тогда он жестами, причем очень выразительными, объяснил, что, если синьор хочет купить у него одну из этих рыб, она сейчас же будет зажарена для синьора вот в этом альберго. И он показал на «Бельведер», откуда мы только что вышли.

Поблагодарив, я постарался тоже при помощи жестов, объяснить неаполитанцу, что меня очень заинтересовало устройство его снасти. Рыболов с жаром принялся объяснять. Подошли наши другие товарищи, некоторые знали итальянский, завязался оживленный разговор, центром которого был польщенный неаполитанец. Через несколько минут я знал все. Блесна, на которую ловил этот рыбак, называлась по-английски «флатфиш». Таких блесен у неаполитанца был целый набор. Формой «флатфиш» действительно напоминала согнутый кусочек дерева, но была сделана из пластмассы, напоминающей рог, на поверхность которого были нанесены узоры: по голубой — синие, по зеленоватой — грязно-зеленые, по серой — черные. В центре и в хвосте «флатфиш» были прикреплены маленькие (№ 5—6) тройнички на застежках. «Флатфиш» имела большое лобовое сопротивление и поэтому совершала в воде удивительные, самые неожиданные скачки и повороты. В метре от блесны на леске был укреплен груз (рис. 5).

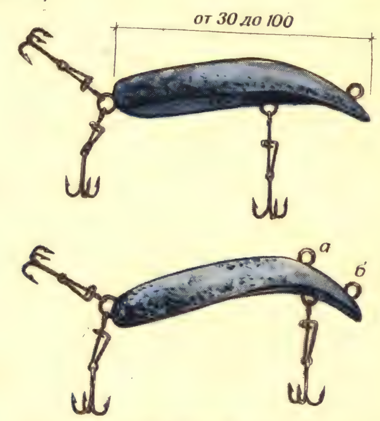

Рис. 5. «Флатфиш» (размеры в мм). Вести в воде очень медленно, особенно когда карабин поводка зацеплен за кольцо а

Дощечка, на которую рыболов наматывал леску, была вырезана из пальмового дерева, идеально отшлифована и отполирована. Формой она отдаленно напоминала палитру живописца — в ней было такое же отверстие для левой руки, но в отличие от палитры дощечка была прямоугольной, с чуть закругленными краями. Когда я спросил, нельзя ли делать дощечки из другого дерева, неаполитанец сказал, что можно из цинии (итальянская сосна).

В Риге я сделал себе «каприйскую рамку» из сухой сосны, тщательно отполировал ее и покрыл масляным лаком. Леска сбегала с нее отлично. Любопытно получилось с «флатфиш». Я рассказал об этих странных блеснах одному своему знакомому, заядлому спиннингисту (сам я принадлежу к славной армии «поплавочников»). Знакомый заинтересовался, сделал себе набор «флатфиш» самой фантастической формы и, представьте, ловил! Ловил тогда, когда спиннингисты-соседи уныло хлестали воду медными и цинковыми блеснами.

Чудной народ, эти рыболовы! Где бы ни жили они, на каких бы языках ни разговаривали,— всегда между собой столкуются, всегда поймут друг друга!

ПО ТУ СТОРОНУ ЭКВАТОРА

Н. Блинов

Мы на юго-восточном побережье Австралии, в штате Квинсленд, на пляже маленького поселка Кулум Бич. «Бич»— так называют здесь пляжи. Отсюда и название морских бродяг («бич комбер» — чесатель побережий).

«Бич» песчаный и пустынный. На нем совершенно нет камней, не видно людей. Но люди здесь побывали, об этом назойливо напоминают пестрые жестянки из-под пива, бутылки «Кока-колы», пачки от сигарет «Кембридж».

Песок мелкий и чистый, как у нас в Евпатории. На нем во множестве разбросаны белые ложки, наподобие тех, при помощи которых надевают туфли. Это хрупкие остатки кальмаров, выброшенные океаном.

Маленькие крабы прозрачными тенями разбегаются по «бичу» и мгновенно исчезают в песчаных норах. Стая трясогузок проскакала у самой каймы прибоя. Но это вовсе не птицы, а гонимые ветром семена-растопырки перекати-поля.

Кулум Бич — поселок с населением в триста семь душ. А на «холидей» — в отпуск — сюда приезжает более тысячи человек. Многие жители сдают дома на лето. Достать комнату в это время не так легко.

Поселок состоит из одноэтажных коттеджей со слегка наклонными крышами. С крыш собирают дождевую воду для питья и прочих нужд в «танки»— баки, расположенные под домами или рядом с ними. Коттеджи легкие, изящные, разноцветные, что придает поселку нарядный вид. Участки земли возле домов засажены цветами, фруктами и овощами, смотря по вкусу и национальности владельцев. Газоны подстрижены машинками «под ежик».

В центре поселка почта. Почтмейстер в коротких штанах, белых чулках до коленей и белой сорочке с черным галстуком. Он производит почтовые и телеграфные операции, он же принимает и оплачивает чеки.

Рядом с почтой магазин со всякой всячиной. Он, как и все лавки в Австралии, броско и красочно уставлен всевозможными товарами. В маленьком магазине Кулум много всего. Мало только покупателей.

Перед магазином выставлены плакаты с названиями газет и сенсаций в них, призванные привлечь внимание покупателей.

Напротив, через дорогу, спасательная станция. Вышка, откуда наблюдают за купающимися и акулами. Звонят в колокол, значит, берегись — акулы!

Но и без колокола никто не заплывает так далеко, как у нас в Сочи. Не рискуют. Акулы не позволяют свободно пользоваться океаном. Кроме спасателей за акулами следит небольшой траулер, каждое утро патрулирующий вдоль «бичей». С него осматривают акульи удочки и сети. За прошлый год у побережья штата Квинсленд выловлено около двух тысяч акул.

В Кулуме я гощу у моего брата Боба. Во время гражданской войны мать увезла его в Австралию еще ребенком. Я остался с отцом в России. Отца и матери давно нет в живых, а мы встретились после полувековой разлуки.

...Я наладил трехколенный спиннинг, закрепил безынерционную катушку с запасом лески около двухсот ярдов (ярд — 0,9 метра), прицепил подлесок с двумя крючками №10 и груз— круглую пулю 12-го калибра: простая наша донка в сочетании со спиннингом.

Наживкой меня снабдил брат. Это песчаные морские черви, сохраненные в холодильнике да к тому же еще подсоленные. Конечно, лучше пользоваться свежими, но добыть их труднее, чем рыбу. Нужно таскать по песку у кромки прибоя связку тухлой рыбы, а когда из песка высунется головка червя,— успеть схватить его. Боб признался, что ни од-

ного червя ему поймать таким образом не удалось. Червями его снабдил сосед рыболов.

Я насадил соленых червей на крючки, зашел по колено в волну прибоя и, размахнувшись длинным удилищем, послал насадку через пенный гребень в недра Тихого океана.

Не успел я как следует пристроить конец тяжелого удилища в кожаное гнездо, пристегнутое у меня на животе, как ощутил подергивание. С волнением начал я вертеть катушку, отступая по горячему песку!

Есть! Что-то маленькое выскользнуло на мокрый песок из пены прибоя и, слегка трепыхаясь, приближалось ко мне. Я подхватил рукой леску и невольно разинул рот. На крючке висел шарик, как в настольном теннисе, только не гладкий, а в пупырышках и с разинутым ртом.

Боб взглянул на мой трофей, потом на мое лицо и расхохотался:

— Не знаю, как это называется, но оно явно не съедобно, хотя и относится к рыбам.— Он осторожно снял с крючка раздувшийся шарик и бросил его в прибой.— Попробуй на ракушку.

На ракушку дело пошло успешней. Я вытащил двух серебристых, плоских рыбин, похожих на наших подлещиков, но с сильно загнутыми назад плавниками.

— Это уже можно кушать,— сказал Боб.— А то, что ты поймал раньше, здесь редко встречается. Оно ловится в основном в устье Маручи-ривер. Одна итальянская семья наловила, сварила, поела этих шариков и попала в госпиталь...

На завтрак мы кроме салата из бананов, папайи и ананасов ели жареную рыбу. Вкусную, как наши лещи, и такую же костлявую.

— Так и думал,— сказал Боб, — что ты увлекаешься рыбной ловлей. Я на нашем «биче» ни одной рыбки не выловил. Мое хобби — раковины. Их жизнь. Жизнь подводного рифа.

— Но вечером съездим еще разок?— попросил я.

— О, да!

На «биче» мы обнаружили морскую змею, выброшенную прибоем на песок. Метра полтора длиной, с зубастой пастью. При нашем приближении от нее поспешно разбежались маленькие крабы. Вверх взметнулись крикливые чайки.

Боб проводил их взглядом и сказал:

— Будет успех, готовь удочку.

Клев начался сразу. Только пошлешь тяжелое грузило через гребень набегающей волны и выберешь слабину лески, как ощущаешь волнующее подергивание. Не успеваешь даже вставить комель удилища в гнездо на поясе.

Мой улов составил десяток «подлещиков» и две камбалки. Потом «подлещики» уменьшились до размеров густеры, а таких по австралийским рыболовным законам полагалось отпускать в море.

— Стая уже прошла,— сказал Боб. Он порылся в рыболовной сумке и протянул мне подлесок с крупными крючками и тяжелым грузом необычной формы.

— Попробуй поймать джуфиш,— предложил он.— Вечером может попасться крупная.

Мы перевязали подлесок, насадили на три сцепленных вместе крючка небольшую рыбку. Тоже из холодильника и тоже подсоленную.

— Почему такой странный груз?— спросил я брата.

— Чтобы не сносило прибоем.— Он потрогал грузило, поворачивая его ко мне разными сторонами.— Эти выступы врезаются в песок и держат крепко.

Подлесок с грузом, крючками и карабином был настолько тяжел, что я «опасался», как бы он не улетел, порвав леску, в Южную Америку. Но японская леска оказалась достаточно прочной и выдержала испытание.

— Подматывай понемногу,— посоветовал Боб.

Я начал подматывать, чувствуя значительное сопротивление груза, врезающегося в песок. На втором забросе я ощутил удар, почти такой же, как при ловле катранов на Черном море, но чуть мягче, видимо, из-за провисшей лески и длинного удилища. Рыба сопротивлялась не сильно. Просто тяжело было подматывать. Вот она на песке у моих ног. Похожа на темно-коричневого ската, сантиметров в девяносто длиной.

— Да это же банджлшарк, — сказал Боб. — Есть такое слово по-русски? Я не перепутал?

— Банджо-акула,— перевел я.— Австралийцы не знали русской балалайки, а то бы назвали эту рыбу «балалайка-шарк».

— Да,— согласился Боб.— Теперь у нас рыбы хватит не только сегодня на обед, но и на завтрак.

— Разве шарка едят?— удивился я.

— Едят. Конечно, это не джуфиш, но кушать можно.

— По виду не скажешь,— заметил я, однако, вспомнив вкус черноморского катрана, согласился: — Попробуем и шарка.

Мы повторяли наши выходы со спиннингом на «бич» и в последующие дни. В прибое попадались уайтинги и бримы (уайтинги похожи на наших пескарей, увеличенных до океанских масштабов; меньше девяти с половиной дюймов уайтингов брать запрещается; брим вроде нашего карася, только горбатее и с желтыми плавниками), но такого богатого улова, как в первый день, больше не случалось.

Впрочем, я не огорчался. Меня окружало столько нового, необычного, что дни были заполнены до отказа. А впереди ожидала поездка к Великому Барьерному Рифу.

Боб много рассказывал мне про него и его обитателей, обещал показать сказочное царство кораллов, раковин и тропических рыб...

ЗАВТРА

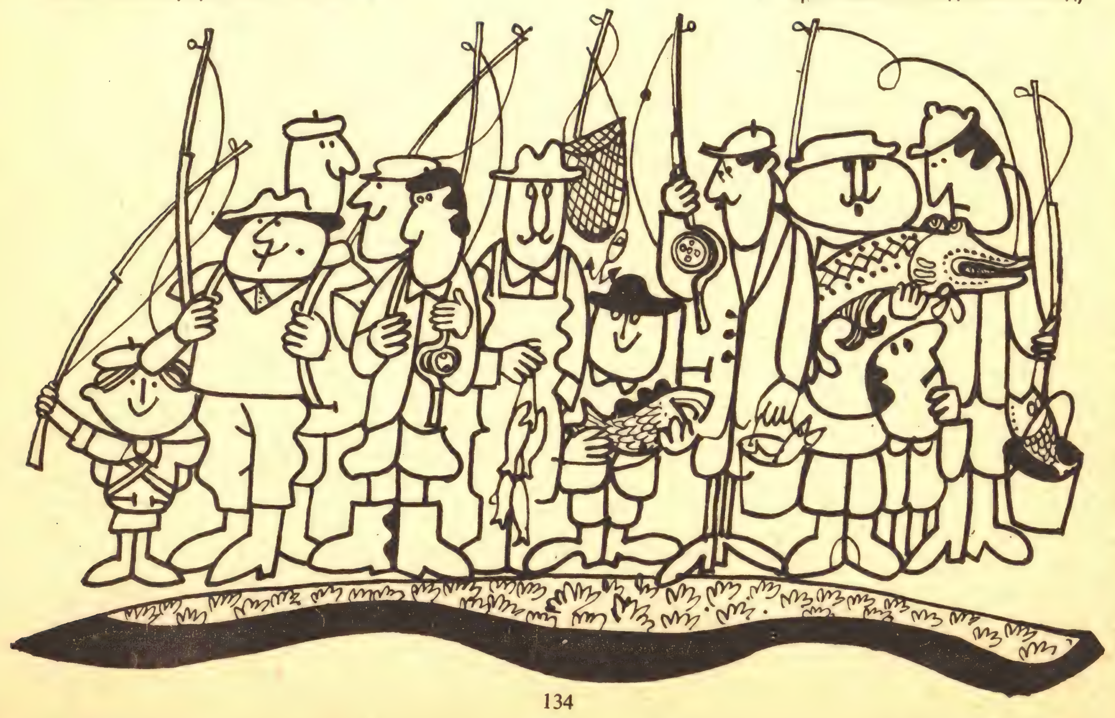
Анджей Осецкий

Много сезонов подряд я посещал это место неподалеку от П. и каждый раз увозил оттуда несколько великолепных форелей. Потом судьба на несколько лет забросила меня за пределы страны, и я вынужден был лишь мысленно возвращаться к стремительному потоку, несущемуся в широкой зеленой долине, обещая себе сразу же по приезде на родину отправиться туда. И вот, наконец, в прекрасное солнечное воскресенье я смог осуществить свою мечту.

Первая неожиданность встретила меня уже на том месте, где шоссе когда-то пересекалось с ропинкой, ведущей прямо к реке. От извилистой, едва заметной тропки не осталось и следа. К долине вела широкая асфальтовая трасса, увешанная дорожными знаками, с многочисленными стоянками для автомобилей. За небольшим холмом, там, где раньше перед приехавшими открывался прекрасный вид на зеленую долину, стояла арка с огромной вывеской: «Великолепная ловля форелей». Потом я съехал вниз и вместо узкой быстрой речки увидел квадратный пруд размером 50× ×100 метров. «Как видно, здесь что-то изменилось»,— подумал я, не подозревая, что меня ждет впереди.

Раскидистого клена, под которым я несколько лет назад ставил машину, не было и в помине. Шоссе привело меня прямо к железным воротам, закрывающим въезд за сетчатую ограду. У входа — вновь вывеска, несколько меньше предыдущей, с надписью: «Вход только по рыболовным удостоверениям. Подкормка рыб только продуктами, купленными в автомате». Рядом стоял автомат с надписью: «Обслуживание клиентов». Там в застекленных ящиках лежали пакеты с подкормкой, а инструкция давала четкие и ясные указания: что сколько стоит и как следует поступить, чтобы, бросив монету и нажав кнопку, получить подкормку.

Я поставил машину на стоянку, оплатив это предварительно в другом автомате, разобрал снасти и подошел к входу.

Он был закрыт; на двери висела маленькая табличка: «Работает с 8.30». До открытия было еще больше получаса. Я решил прогуляться вдоль ограды. За ней никого не было. На противоположной стороне пруда я увидел еще одни ворота; к ним как раз подъехал тягач с прицепом, кузовы были уставлены огромными бочками. К тягачу подошли люди, они перенесли бочки к воде и начали осторожно выпускать из них рыбу в пруд. Рыба была действительно великолепной: большущие форели, несколько усачей, голавли, щуки, окуни. Я спросил у одного из рабочих, зачем сюда привезли рыбу. Он внимательно взглянул на меня, но ничего не ответил. Второй рабочий тоже промолчал.

Я возвратился к первым воротам. Рослый мужчина, который раньше командовал разгрузкой рыбы, уже установил там столик. Он выложил на него квитанционную книжку, шкатулку для денег, поставил раскладной стульчик, уселся и начал обслуживать клиентов. Собралось уже довольно много людей. Каждый получил какую-то бумагу, внимательно прочел ее, заполнил, подписал и вернул хозяину пруда. Тот выписал квитанции, принял деньги и пропустил клиентов к месту лова. Через некоторое время пришла и моя очередь. Я быстро пробежал взглядом полученный бланк. Крупным шрифтом было напечатано: «Улов не гарантируется», а на обороте: «Приманка — на месте, в автомате». Я заполнил бланк, уплатил за полный день ловли, получил квитанцию и отправился за приманкой или подкормкой. Две порции кукурузы и горсточка червячков стоила столько же, сколько входная плата, кстати говоря довольно высокая.

Я начал ловить. Грех было жаловаться, рыба брала отменно. За три четверти часа я выловил несколько весьма увесистых рыб. Согласно правилам, прочитанным на бланке, я сразу же после поимки пускал их в ведро с водой, полученное мной у входа. Через некоторое время ко мне подошел один из служащих.

— Вы уже отловили свой дневной лимит,— заявил он, после чего ловко опорожнил ведро и бросил рыбу на весы.

— Здесь уже больше пяти килограммов. Будете ловить дальше или поедете домой?

— Буду ловить,— ответил я.

— Тогда прошу купить еще один билет.

Я взглянул на квитанцию. И в самом деле, там черным по белому было написано, что оплата действительна только на время от 8.30 и до 19.30, и что за эти деньги можно наловить не более пяти килограммов рыбы. По исчерпании лимита, следует повторить оплату. Что ж поделаешь? Я снова уплатил, снова купил (в обязательном порядке) еще порцию приманки, получил второе, уже пустое ведро (первое вместе с рыбой унес служащий) и опять расположился на берегу.

На сей раз мне не очень везло. Я поймал всего лишь одну, довольно посредственную форель, в губе которой торчали к тому же два крючка. Потом на крючок попался приличный усач с распоротым боком, но сорвался, когда я его вытаскивал. В 19.30 я сложил снасти и вернулся к машине.

Вскоре после этого я встретил приятеля, который рассказал, откуда в П. взялся этот «рай для рыболовов». Оказалось, что несколько лет назад, когда я был за границей, какой-то предприимчивый рыболов купил участок реки с прилегающими лугами, выкопал пруд и отвел туда реку. Потом в нескольких километрах от П. купил еще участок и повторил ту же операцию. В оба пруда он запустил рыбу, купленную в соседнем рыбоводческом хозяйстве, и открыл предприятие под названием «Рыболовный центр». Успех был ошеломляющим. Пойманную любителями ловли рыбу, являющуюся собственностью предпринимателя, перевозили в другой пруд, где на следующий день другие рыболовы снова ее вылавливали, потом ее снова отбирали и опять доставляли в первый пруд. Иногда часть рыбы не выдерживала столь напряженного режима; тогда предприниматель отправлялся за новой партией в рыбоводческое хозяйство. С течением времени вокруг прудов выросли рестораны, пивные, солярии, принадлежащие, конечно, тому же владельцу. Предприятие разрасталось. Бывший рыболов стал одним из самых богатых людей в округе.

Я проснулся в холодном поту; грустные перспективы рыболовства в нашей цивилизованной действительности привели меня в ужас. Из руки моей выпал номер „Fisch und Fangu“, где Ф. Маттиас Гелен рассказывал про свои впечатления от пребывания в одном из западногерманских «Центров воскресной рыбной ловли», в долине гор Эйфель. То, о чем он писал, в точности совпадало с моим сном.

И действительно, в некоторых странах, в том числе и в ФРГ, возникает все больше таких центров «рыболовного промысла».

Я выглянул в окно. Вдалеке, почти на горизонте, поблескивала наша старая добрая Висла. Через неделю-две, когда спадут весенние воды, отправлюсь я туда с любимой удочкой, накопаю красных червячков, соберу снасти, засяду на берегу под кустом и буду терпеливо ждать, пока клюнет первая в этом году уклейка или, может, даже плотва. Поймать что-нибудь более солидное вряд ли удастся. Но в то же время я знаю, что мне не придется ожидать ни перед какими воротами, что я не буду заполнять никаких бланков, не буду платить за каждый день ловли и не буду ловить рыб, которые неведомо в какой раз попадутся на купленную в автомате приманку. Я попросту буду чувствовать себя настоящим свободным рыболовом-любителем.

В ЦАРСТВЕ НЕПТУНА
Первый всесоюзный
Подводный мир Дальнего Востока
Поединок с меру́

К. Беловинцев

ЧЕМПИОНАТ В БУХТЕ ЛАСПИ

Своим уникальным климатическим режимом Южный берег Крыма в первую очередь обязан скальной гряде, опоясывающей и защищающей с севера этот благословенный участок морского побережья.

На запад от Алупки прибрежная полоса постепенно сужается, пока, наконец, на мысе Айя скалы и море ни встретят друг друга. Здесь гигантские каменные стены обрываются прямо в море, являя собою удивительное по мощи, суровости и величественности зрелище. Чуть восточнее Айи в побережье врезается бухта Ласпи, закрытая от суровых северных и влажных юго-западных ветров скальными массивами. Район Ласпи — самый теплый участок Южного берега Крыма с поразительным микроклиматом, стимулирующим произрастание редчайших представителей растительного мира, таких, как сосна Станкевича, японская туя и др. Сочетание своеобразного климатического режима с дикими, первозданными ландшафтами придает неповторимую прелесть этому уголку южного Крыма.

В первых числах сентября 1971 года здесь впервые состоялось лично-командное первенство СССР по спортивной подводной стрельбе.

Спортивная подводная стрельба, включающая

подводную охоту как один из трех элементов спортивного многоборья, по решению ЦК ДОСААФ в августе 1970 года получила полноправное гражданство и наряду с подводным ориентированием, подводным туризмом и скоростными видами подводного плавания развивается и культивируется в рамках Федерации подводного спорта СССР.

Выбор акватории бухты Ласпи как места для проведения первенства СССР был далеко не случайным. Этот выбор был продиктован тем, что рельеф дна в прилегающих к бухте Ласпи районов, а также породы и характер поведения обитающих здесь рыб достаточно близки к условиям Средиземноморья, где, по всей видимости, в ближайшие годы нашим спортсменам предстоит помериться силами с зарубежными коллегами. Здесь достаточно высокая прозрачность воды. Кроме того, учитывалась и близость Ласпи к Севастополю, городскому комитету ДОСААФ которого были поручены подготовка и организация этих соревнований.

В каждую команду входили по 4 спортсмена, кроме того, 9 известных спортсменов выступили в личном зачете. Всего в лично-командном перпенстве СССР 1971 года приняли участие 69 сильнейших спортсменов страны, победителей предварительных отборочных соревнований.

После торжественного церемониала открытия первенства состоялись соревнования по стрельбе из мелкокалиберного пистолета и стрельбе под водой по неподвижной мишени.

При стрельбе по неподвижной мишени каждый спортсмен по сигналу судьи должен был пронырнуть дистанцию длиною 15 м, выйти на исходный рубеж и, не всплывая на поверхность, поразить с расстояния 3,5 м из личного подводного ружья мишень, установленную около дна. Подсчет очков производился по сумме трех попыток.

Правила и условия соревнований по спортивной подводной охоте были в основных чертах сформулированы в положении о первенстве и частично дополнены на месте оргкомитетом и судейской коллегией.

Минимальный зачетный вес рыбы — 0,3 кг, максимальный — 1,5 кг. Ограничение сверху означало, что любая добытая рыба, имеющая вес больший чем 1,5 кг, зачитывалась как добыча весом ровно 1,5 кг. В зачет принимались любые виды рыб, за исключечением скорпен, скатов и морских драконов, поскольку перечисленные породы черноморских рыб опасны для человека. Никаких коэффициентов на отдельные породы рыб не вводилось.

Спортсмены могли использовать при охоте любые типы подводного оружия, при условии, что энергия ему сообщается только за счет мускульных усилий.

Для страховки и наблюдения к каждой команде прикреплялась шлюпка с судьей и страхующим. Кроме того, по решению оргкомитета и судейской коллегии каждый спортсмен оснащался буем грузоподъемностью 5 кг и буйрепом длиною не более 15 м.

Упорная битва в воде продолжалась два дня и завершилась убедительной победой сборной команды Ленинграда, второе место завоевала команда Грузинской ССР, на третье место вышли спортсмены сборной Украины.

Такое же распределение призовых мест сохранилось и по всему комплексу многоборья.

Первым чемпионом СССР по спортивной подводной стрельбе стал спортсмен из Ленинграда В. Степанов, продемонстрировавший высокое мастерство, выдержку и настойчивость.

7 сентября, во время торжественного закрытия первенства, проходившего в присутствии многочисленных зрителей, представителей прессы и телевидения, было объявлено, что с 1 сентября 1971 года спортивная подводная стрельба включена в единую спортивную классификационную систему.

Следует подчеркнуть общественную значимость этого события, знаменующего собою становление нового вида спорта. Однако надо сделать несколько критических замечаний по поводу организации первенства.

Низкие спортивные результаты по подводной охоте на рыб связаны с тем, что, вопреки рекомендациям Всесоюзного комитета, судейская коллегия выделила для соревнований слишком маленькую акваторию. Простые расчеты показывают, что в первый день охоты на каждого спортсмена в среднем приходилась зона площадью 2000 м^2. В результате спортсмены оказались в исключительно трудных, неоправданно усложненных условиях, в которых роль случайности значительно возросла, и в то же время многие интересные тактические замыслы команд не могли быть реализованы.

Большие неудобства и, пожалуй, опасность представляют при охоте в море персональные буи и буйрепы. Пелагические породы рыб (кефаль, луфарь и др.) буйрепы просто отпугивают, а при поисках горбылей, окуней и других рыб, обитающих в скальных гротах и пещерах, буйрепы запутываются и заклиниваются среди выступов скал и расщелин.

Видимо, в будущем следует стремиться проводить соревнования такого ранга только по международным правилам, обеспечивая каждого спортсмена страхующей лодкой.

Результаты проведенного первенства СССР и ряда других крупных соревнований дают основания считать, что система зачета в многоборье требует коррекции в сторону повышения удельного веса стрельбы по неподвижным мишеням, поскольку это полезное и интересное упражнение пока оценивается слишком низко.

В целом прошедший в Ласпи первый всесоюзный чемпионат показал, что в нашей стране появился и успешно развивается новый массовый вид спорта и что уже сейчас у нас имеется большая группа спортсменов, которые по уровню спортивного мастерства, технической оснащенности и опыту не уступают своим зарубежным коллегам. Они уже сегодня могут с успехом защищать честь своей страны на любых самых крупных и представительных международных соревнованиях.

П. Курилов

СПУСКАЯСЬ В ЯПОНСКОЕ МОРЕ

Приморский край протянулся узкой полосой вдоль Японского моря в северо-восточном направлении. К северу от города Находки берега отвесно спадают в море, обнажая скалистые породы. В этих местах мало закрытых, удобных стоянок для судов, а побережье суровое и малонаселенное. Оно привлекает дикой красотой прибрежных скал, бурной растительностью, нехожеными тропами голубого континента.

Выход скальных пород местами продолжается и к югу, но береговая полоса более извилистая, изобилует удобными заливами, бухточками, а вдоль побережья много островов. Это объясняется тем, что берег идет под углом к горным отрогам Сихотэ-Алиня. Прибрежная часть района, примыкающая к Владивостоку, носит общее название залива Петра Великого. Акватория залива — самая теплая часть Японского моря у советских берегов. Через Цусимский пролив в море входит ветвь могучего теплого течения Куро-Сиво. Течение проходит вдоль Японии на север, а затем через Сангарский пролив большей частью бесполезно для Приморского края выходит в океан.

Максимальная глубина Японского моря 4036 метров, причем глубоководная часть находится рядом с заливом Петра Великого. У береговой полосы, имеющей обрывистый, скалистый характер, глубина моря местами достигает 40 метров, но залив изобилует прибрежными мелководьями.

Климат южной части Приморского края умеренный, морской. Зима обычно сухая и довольно ветреная (преобладают северные и северо-западные ветры). Летом господствуют юго-восточные и восточные муссоны. Нагретый влажный воздух субтропического Куро-Сиво, сталкиваясь со слоями холодного воздуха Азиатского континента, вызывает в июне-июле беспросветные туманы и затяжную морось. За июнь — сентябрь выпадает 70—75 процентов среднегодовой нормы осадков. Осадки во второй половине лета носят ливневый характер. Приморье — одна из ливнеопасных зон страны: тайфуны, циклоны, наводнения. Муссон в начале лета обычно охлаждает воздух, июнь холоднее сентября.

Циклоны в одиночку и целыми «семействами» жалуют с Тихого океана во вторую половину лета, принося с собой массу теплого и влажного морского воздуха.

Иногда свирепый тропический циклон-тайфун, распластав крылья над южными Японскими островами, задевает Приморье кончиком левого крыла и обрушивает на Владивосток тропические ливни со штормовыми и ураганными ветрами. В иное же лето в воздушном океане близ Владивостока на длительное время задерживается теплый япономорский антициклон.

Южные и юго-восточные ветры приносят туманы и морось, северо-западные и северные — прохладу и солнечную погоду. Смена ветров протекает бурно и сопровождается волнением моря. После этого наступает на два-три дня затишье. В августе направление ветров меняется чаще в сторону северных и северо-западных, погода переменчива. Временами устанавливается безоблачная теплая погода.

В конце августа активизируются подводная охота и подводный туризм. Приморская осень — лучшая пора для аквалангистов. Поездку рекомендуется планировать с 10—20 августа. В этот период теплая вода, теплые ночи и солнечные дни. Лето в Приморье, как и осень, сдвинуто в сторону зимы на полтора месяца, поэтому сентябрь можно считать летним месяцем.

В октябре вода и воздух становятся холоднее, временами дуют северные ветры. Температура воды в середине октября 15—17 градусов. В мокрых гидрокомбинезонах типа «Калипсо» подводные прогулки доставляют удовольствие как в октябре, так и в ноябре. Стоят солнечные дни, вода прозрачная. К 7 ноября температура воды в районе Владивостока опускается до 6—7 градусов. Зимой она держится постоянно около 3 градусов тепла.

Чем дальше от континента в море, тем вода прозрачнее. Вдающиеся далеко в берег мелководные заливы с впадающими реками всегда имеют мутную воду. У скалистых и малоизрезанных берегов вода более прозрачная.

Для подводных фотокиносъемок подходят акватории островов Путятина, Попова, Большой Пелис, в районе залива Славянский живописная бухта Миноноска, бухта Витязь, прибрежье островов Рейнике, Пахтусова и мыса Гамова.

У ряда названных островов и бухт есть вблизи поселки и транспорт, но, чтобы попасть в другие места, необходимо иметь в своем распоряжении плавсредства. Из Владивостока рейсовые и служебные катера ходят на острова Попова, Путятина, в бухту Сидими, залив Славянский, в Посьет. Автобусом или попутной машиной можно проехать вдоль всего побережья Уссурийского залива до Находки и дальше в сторону бухты Ольга.

Что можно увидеть в теплое время у южного побережья Японского моря за стеклом маски ныряльщика или аквалангиста? И что можно добыть в прибрежных водах Японского моря?

Первое впечатление от Японского моря — безжизненность вод. Можно плыть 40 минут, а перед глазами безжизненная зеленоватая толща воды, голое скалистое или илистое дно, коричневые широкие листья морской капусты, пушистая анфельция, изредка неподвижные фиолетовые звезды, черные морские ежи, коричневые огурцы-трепанги. Все неподвижно, только волны на мелководье колышат водоросли.

Есть ли рыба в Японском море? Конечно, есть! И не только рыба.

По литературным данным, в морях, омывающих советский Дальний Восток, выявлено не менее 14 различных видов осьминогов. Несмотря на такое разнообразие, в теплое время года аквалангистам попадаются они редко. Этот период они проводят на больших глубинах, скрываясь в самых потаенных щелях и пещерах скалистого дна. При появлении человека осьминог сжимается, стараясь ничем не выдать себя. Часто он имеет в своем жилище запасной выход, куда устремляется в случае опасности. Из убежища осьминога извлечь трудно.

Осьминог чрезвычайно интересен. В нем все оригинально: странный вид, поведение, средства борьбы и защиты, передвижение, способность менять окраску, необычайная голубая кровь. Встретиться с ним в его родной стихии — большое удовольствие. Встречи летом, к сожалению, происходят на глубине за 20 метров, что ограничивает число «визитеров» и затрудняет кинофотосьемку. Это справедливо для вод залива Петра Великого. К северу, где вода холоднее, осьминоги попадаются и на мелководье.

Лучше всего искать осьминога в акватории удаленных островов, где чистая вода, которую он любит. Попадаются осьминоги и у юго-восточного побережья Владивостока, у мыса Песчаного и острова Попова. Изредка их ловят на удочку. Но никто из аквалангистов в этих районах не встречался с осьминогом под водой, где его защищает мутная вода. При видимости в 10—15 метров, просматривая скалистый грунт сразу на большой площади, легче найти убежище осьминога по характерным следам обжитости, что, однако, не всегда удается.

Осьминог любит уют и обособленность. Его больше привлекают отдельные глыбы, камни, трубы. Всякая узкая щель должна быть просмотрена. Мне кажется, что осьминог отдает предпочтение сочетанию скалистого обрыва или отдельной груды камней с илисто-песчаным грунтом. Он располагается на ровной, чуть углубленной поверхности под спасительными низкими сводами.

Местожительство осьминога обнаруживают по пищевым отбросам — мелкому, как ил, беловато-серому песку (следы работы терки клюва осьминога) и по мертвенно-белым присоскам щупальцев.

До сих пор все наши документальные подводные фильмы с участием осьминога обязаны своим появлением рыбацким тралам. Но можно сделать интереснейшие киносъемки осьминогов в «натуре». В апреле-мае они во множестве встречаются на мелководье у отдаленных скалистых островов. Количество оставленных ими «гнезд» поражает. Впечатление такое, что осьминоги «гнездились» вокруг некоторых островов, словно ласточки под карнизами домов. Примечательно и то, что при мирном поведении визави они подпускают к себе вплотную.

Жизнь осьминога в Приморье еще мало изучена. Неизвестно, появляется он на мелководье весной или живет там долгую зиму? Неясно, чем вызваны его сезонные миграции — изменением температуры воды или другими факторами?

В летнюю пору осьминоги аквалангистам попадаются единицами. Но преподаватель одной из школ Владивостока рассказывал, что как-то он, находясь с учениками на баркасе, вечером опустил

на веревке в море у острова Пахтусова канализационную трубу. Один конец трубы был закупорен деревянной затычкой, а по длине для вентиляции насверлены отверстия. На следующий день труба оказалась забитой осьминогами. Это сообщение требует проверки, хотя подобный способ ловли осьминогов не нов. Не так давно в районе Владивостока был поднят со дна древний глиняный горшок, предназначавшийся, по мнению специалистов, для поимки осьминогов. Местным аквалангистам попадались, как правило, небольшие осьминоги, с длиной щупалец около метра, реже с длиной щупалец до полутора метров. Знакомый, фотографируя осьминогов на острове Путятина в мае, писал мне, что встречал осьминогов «с медведя». Верю — по литературным источникам, в наших водах могут попадаться экземпляры весом до ста килограммов.

Крупного осьминога почти невозможно убить одному без оружия. Для охоты необходимы заостренный металлический прут, гарпун или, на крайний случай, острый нож. На крупных осьминогов лучше всего нападать вдвоем или втроем, иначе роли могут перемениться. Сами животные никогда первыми не нападали. Встречи с очень крупными осьминогами летом надо ожидать на глубине за 40—50 метров.

Ныряльщику в комплекте один* лучше не ввязываться в драку с осьминогом. Впрочем, таких случаев в заливе Петра Великого не происходило.

Ныне в среде аквалангистов Приморья начинают проявляться «филантропические» отношения к осьминогам — наблюдать, но не убивать. Хотя убитый осьминог — заманчивый трофей. Не менее заманчиво съесть волокнистое, вкусное, разрезанное ломтиками щупальце этого животного.

Интригуют подводника камчатские крабы, имеющие размах ног около метра. Начиная с апреля, когда вода очень холодная, крабы атакующей волной выходят на мелководье метать икру. В это время они вылавливаются ставными сетями в районе Владивостока и в довольно больших количествах попадаются в тралах.

В апреле-мае, большей частью из-за них, устремляются в ледяную воду любители подводного спорта. Достают крабов с 5—20 метров. Крабы стоят, как в трансе, у подножия скалистых откосов на песке, среди водорослей и сопротивления не оказывают.

С наступлением тепла, во второй половине мая, крабы уходят на недосягаемую глубину и в самое подходящее для подводного спорта время отсиживаются там. Впрочем, не так уж и недосягаемую: их вытаскивают запутавшихся в тралах с глубины 35—40 метров. Но тралят обычно вдали от берега, на ровном, илистом грунте, где аквалангистам делать нечего.

В конце октября-ноября они опять приближаются к берегу.

Запомнилось подводное знакомство с крабами. Однажды в конце апреля мы отправились на катере к одному из безымянных мысов Уссурийского залива, у оконечности которого весной на 18-метровой глубине встречались крабы. С открытого моря шли покатые волны. У мыса волны дробились о скалы, гул прибоя заглушал голоса. Мы высадились с подветренной стороны на узкой галечной полосе, примыкающей к отвесному обрыву. Сюда можно было попасть только со стороны моря.

Вода 3—4 градуса, в гидрокомбинезоне терпимо. Видимость метров пять. Грунт у прибрежной полосы усеян камнями, плитами, которые поглубже сменяются песком и илом с редкой растительностью. Окидываю взглядом дно и вижу краба — он выделяется светловатой окраской на темном песке. Устремляюсь к нему и разочаровываюсь — пустой панцирь: в это время крабы линяют. Уже с надеждой скольжу над грунтом. В стороне вижу двух крабов. Обнявшись передними клешнями, десятиногие застыли в продолжительном «поцелуе». Побольше — самец, поменьше — самка. Хватаю руками за панцири и, прижав их друг к другу, плыву к берегу.

Ожидаю бешеного сопротивления, щипков могучих клешней, но они едва шевелятся. Если бы крабы Японского моря обладали пропорционально своему весу и размерам силой и проворством крабов Черного моря, пришлось бы плохо. Может быть, нежные любовники в твердых хитиновых «кольчугах» растратили силы в любовных утехах? Нет! Как-то летом я наблюдал крабов, вытащенных из глубин. Они выглядели беспомощно.

2 мая крабов было много: застывшие парочки «лоб в лоб», кое-где брошенная за ненадобностью «одежда». 10 мая крабов встретилось больше, чем неделю назад. За сорок минут насчитали мы 40—50 штук. Но кое-где уже попадались одинокие самцы. При виде человека они забавно убегали, подпрыгивая при максимальной скорости. Догнать в ластах их было нетрудно. 17 мая крабы исчезли — отступили в недосягаемые для подводных охотников глубины. Подводные ложбины напоминали поля сражений — всюду брошенные панцири.

Несколько лет назад глубокой осенью в Амурском заливе на траверзе Владивостока стал появляться кашалот. Он был местной знаменитостью, о нем писала городская газета. Наш кашалот встречался в акватории острова Уши. Там он нырял неподалеку от берега, где мы десятки раз плавали, собирали трепангов и мидий. В районе острова Русского винтом катера как-то был ранен небольшой кит. В 1965 году мы с катера наблюдали черную спину ныряющего гиганта в ста метрах от острова Путятина.

При желании, а еще более — удаче встреча ныряльщиков под водой с китом может состояться.

Огромные донные камбалообразные палтусы обитают в прибрежных водах на большой глубине. Они могут встретиться при погружении на 35—40 метров. Не многие из местных любителей подводного спорта могут похвастаться, что видели этих рыб под водой: палтусы весом до 5 килограммов были взяты в районе острова Большого Пелиса

* *Комплект один — трубка, маска и ласты.*

и один больших размеров заколот ножом у острова Фуругельма.

Палтусы служат предметом промысла, в рыбных магазинах Владивостока часто можно видеть толстые куски белого мяса этой рыбы.

Акулы попадаются чаще палтусов. В 1965 году мы встречали акул в акватории острова Путятина. Наблюдали их и в 1966—1970 годах. Подводные охотники убили акуленка в районе Большого Камня. В 1968 году за Находкой, около Судзухе, сетями поймали трехметровую сельдевую акулу. В 1966 году акулу видели на траверзе Русского острова в районе камня Матвеева. Очевидцы описывали акул различных по размерам и видам. Попадались экземпляры от 1,5 до 5 метров...

Пока в Приморье не зарегистрировано случаев нападения акул на человека, хотя они и подходили близко. Распространено мнение, что акулы опасны в сумерках, но однажды крупная акула поздно вечером прошла под аквалангистом. Какой вид акулы опасен для человека? Как мне кажется, ясного ответа на этот вопрос пока нет. В интересной книге «Тени в море» ее авторы Г. Маккормик, В. Янг, Т. Аллен опасной считают представительницу третьего рода семейства сельдевых акул. Ее научное название lamna произошло от греческого «чудовище-людоед». На Дальнем Востоке эту акулу относят к безобидным. Однако неоднократные визиты к нашим берегам акул, репутация которых весьма сомнительна, должны насторожить аквалангистов.

Акула под водой — впечатляющее зрелище! Без видимых усилий скользит ее обтекаемое, гармоничное тело, поражая ленивой и могучей грацией.

Появление акулы осенью, по-видимому, связано с нерестом терпугов. Однажды мы увидели акул с вершины Пелиса, которая у восточной стороны обрывается отвесно. В 190 метрах ниже лежали омываемые водой скалы. На фоне белеющих глыб в прозрачной ультрамариновой воде виднелись темные туши акул. Огромные рыбы медленно ходили на небольшой глубине у самого берега. Черные плавники прочерчивали гладь моря, похоже было, что акулы отдыхали на мелководье. Позднее двое наших ныряльщиков столкнулись с хищниками, но оба раза акулы ушли в море. Третья встреча с двумя трехметровыми акулами произошла у острова Гильдебранда. Она была самая продолжительная, носила драматический характер и о ней стоит рассказать.

Как-то во второй половине дня мы высадились на берегу небольшой бухточки поохотиться. Охотились по очереди. На всех был костюм «Калипсо». Пневматическое ружье стреляло неточно, попасть из него в движущуюся рыбу было мудрено. Наступила очередь Игоря, одного из аквалангистов. Надев костюм, он вошел в воду. Защипало руку. Еще во время перехода Игорь порезал правую ладонь. Теперь рана слегка кровоточила.

Вода была исключительно прозрачная. В лучах солнца все сверкало. Глубина 3—4 метра. Мористее синел провал, там дно уходило в темную бездну.

Постепенно Игорь удалился от бота. Глубина увеличилась до 8 метров. Он остановился и уголком глаза заметил в мерцающей синеве темное бревно. Слегка удивленный тем, что бревно находилось в погруженном состоянии и как будто перемещалось, он поднял голову и обомлел: к нему неспеша двигалась акула, за ней следовала вторая. Игорь быстро оглянулся: до берега метров сто пятьдесят. Не убежишь и кричать бесполезно. Рассматривая приближающихся акул, он подумал о ружье. Но что мог сделать трезубец толстой, твердой, как подошва, акульей коже?

Ружье он переложил в левую руку и сжал правый кулак, чтобы кровь из раны не привлекала хищниц.

Первая акула без видимых усилий неторопливо приближалась, вторая поотстала. Голова акулы, увеличиваясь в размере, наплывала, как в кадре фильма. Дистанция сокращалась: три метра, два... отчетливо (куда уж больше) виднелась полумесяцем сомкнутая пасть... метр. Перед маской промелькнул изгиб корпуса огромной рыбы раза в полтора толще самого Игоря, и он ощутил толчок водой. Акула уходила...

Неподвижно и безвольно Игорь висел в воде. Страха не было, преобладало чувство абсолютной беззащитности. Рыбина развернулась и также неторопливо деловито устремилась на него. Как и в первый раз, она в метре отвернула. Он почувствовал передышку и бросил настороженный взгляд на вторую акулу. Та не уступала в размере первой, такая же массивность и стройность гибкого трехметрового тела. Вторая акула, как бы подстраховывая напарницу, словно заводная, ходила по дуге окружности, центром которой был Игорь. Ее массивное тело скользило в воде по инерции, затем следовал резкий, как хлопок бича, разворот на 180 градусов и замедляющее скольжение. В стремительных поворотах чувствовались мощь и смертельная угроза.

Первая акула опять приближалась. Она шла с той же спокойной уверенностью и... любопытством. Любопытство это или что иное? Может быть в примитивных акульих мозгах решался самый жгучий для Игоря вопрос: «Цапнуть или не стоит?» В метре от Игоря акула отвернула...

«Сколько это будет продолжаться и чем все кончится?» — подумал Игорь. Он решительно перевернулся на спину и неспеша заработал ластами. Вода тихо журчала около уха. Постепенно сделалось жутко — не видно, что делают акулы. Игорь перевернулся и, наклонив голову, скосил глаза назад. Хищница шла в метре от ласт, ее спутница держалась чуть дальше.

Акулий эскорт сопровождал Игоря до берега. Они ушли, а он встал и по пояс в воде направился к товарищам.

Через полчаса, когда, попыхивая двигателем, бот отвалил от берега и взял курс на Пелис, Игоря вдруг заколотило: стучали зубы, крупная дрожь сотрясала тело, и он никак не мог ее унять...

(Окончание в следующем выпуске альманаха)

И. Найденков

ПОСЛЕ БУРИ

Необычно сильная для середины лета буря продолжалась почти две недели, и жизнь в Айн-Тая, небольшом приморском городке Алжира, лежащем в 35 километрах к востоку от столицы, замерла, как будто уже наступила холодная и дождливая североафриканская зима. И когда однажды под утро ветер утих, перестав хлопать плохо закрепленными ставнями, все в доме проснулись раньше обычного, разбуженные густой, словно осязаемой тишиной.

Вскочив с постели, я распахнул балконную дверь и замер на пороге, ослепленный невыносимо ярким сиянием неба и моря. Удивительно свежее, словно помолодевшее море безмятежно нежилось в косых лучах встающего солнца, как будто и не оно еще только вчера бушевало, с неукротимой силой кидаясь на прибрежные скалы. Его поверхность усеяна правильными рядами небольших серебристых волн, которые бегут к берегу, подгоняемые легким утренним бризом. Далеко, у самого горизонта, виднеются стайки темных пятнышек — это рыбаки спешат наверстать потерянное из-за шторма время.

Работа в этот день идет неважно — мысли то и дело возвращаются к морю. Шторм мог отогнать от берега всю рыбу — интересно, вернулась ли она назад? Конечно, важнее всего другое — очистится ли вода к вечеру настолько, чтобы можно было охотиться? Когда во время бури ветер дует с северо-востока, с открытого моря, то вода просветляется обычно очень быстро. Хуже, если долго господствует северо-западный или западный ветер — даже не очень сильный, он пригоняет к нашему берегу из Алжирского залива массу грязной воды, и тогда приходится ждать несколько дней, прежде чем осядет муть.

Взяв дома давно подготовленное снаряжение, я быстро иду к морю, провожаемый толпой русских и арабских детей. И сколько бы времени я не плавал в море — два, три часа или больше, — несколько самых упорных из них наверняка встретят меня, когда выйду из воды, чтобы посмотреть на добычу и помочь мне донести до дома пойманную рыбу.

По прислоненной к обрыву крутой железной лестнице спускаюсь на полосу желтого песка, разрисованную плавно изгибающимися грядами еще влажных, остро пахнущих морем водорослей. Повсюду валяются обломки досок в черных пятнах мазута, жестянки, пустые бутылки, разноцветные банки и другой мусор, возвращенный морем человеку, который никак не может отвыкнуть от представления о море, как о бездонной мусорной яме.

Надев маску, с ластами в руках, я вхожу в воду и оказываюсь в густой каше из сорванный бурей водорослей. Ослабевшие волны не смогли выбросить их на берег, и теперь они будут колыхаться в толще воды, пока не осядут на дно, привлекая крабов, небольших осьминогов и рыбью мелочь, находящую здесь надежное укрытие от врагов. Это очень неприятно, когда длинные мягкие ленты обвиваются вокруг тела, залепляют стекло маски, и я, поеживаясь от их скользких прикосновений, торопливо натягиваю ласты. Несколько сильных гребков — выплываю на сравнительно чистую воду. Здесь еще совсем мелко, и поэтому каждый камешек на дне,

каждая травинка видны так отчетливо, как если бы я держал их в руке. Но как только дно опускается на три-четыре метра, становится заметно, что вода насыщена мельчайшими взвешенными частицами — сначала это легкая муть, но по мере удаления от берега она постепенно сгущается, и на большой глубине я могу разглядеть только вершины поднимающихся к поверхности подводных скал, а ниже все расплывается и исчезает в густом белесом тумане. Море поэтому кажется бездонным, и у меня возникает ощущение какой-то неясной опасности, не проходящее даже тогда, когда я ныряю и, опускаясь вниз, начинаю различать контуры давно знакомых камней и выступов дна.

Ритмично работая ластами, я быстро преодолеваю прибрежную полосу мутной воды, держа курс на виднеющуюся вдали одинокую скалу. Вот позади уже остался сравнительно мелководный участок, где доходящее до дна волнение уничтожает всю растительность, постоянно перегоняя с места на место песок и мелкие камни. В таких условиях выживают только морские ежи — они сверлят глубокие лунки в мягкой породе дна и сидят в них, не боясь никаких бурь. Скалы подо мной густо усеяны этими черными шариками, такими пушистыми и безобидными на вид. Однако стоит вам однажды столкнуться с ними поближе, и вы на всю жизнь запомните мучительную операцию по извлечению невероятно острых и хрупких иголок.

Рыба не любит эти облизанные волнами свинцово-серые гряды, разделенные узкими полосками песка. Кроме вездесущих морских юнкеров — длинных, пестро раскрашенных рыбешек, здесь иногда можно встретить стайку кефали, кочующей вдоль берега в поисках пищи. Но эта осторожная рыба хорошо знает, какую опасность представляет подводное ружье, и безошибочно сохраняет нужную дистанцию. Гоняться за ней бесполезно, и при случайных встречах мы только провожаем друг друга взглядом, не нарушая стихийно установившегося нейтралитета.

Несколько дальше от берега начинаются бескрайние подводные луга морской травы зостеры. Местами над ней возвышаются отдельные сильно разрушенные скалы, возле которых можно встретить самых разнообразных рыб. Вот и сейчас я вижу под собой стайку небольших зеленушек — не обращая на меня внимания, они копошатся в кустиках водорослей или просто висят над дном в причудливых позах, казалось бы, совсем неподходящих для рыб, и что-то флегматично пережевывают. Периодически то одна, то другая из них выплевывает с облачком мути какие-то белые крошки — наверное, обломки мелких ракушек. Рядом на миниатюрной песчаной лужайке трудится небольшая барабулька. Она старательно ощупывает дно своими длинными усиками, затем, что-то обнаружив, начинает энергично разгребать ими песок, почти исчезая в поднявшейся мути. Перед ее носом вертится несколько рыбешек-нахлебников — суетясь и отталкивая друг друга, они подхватывают в мутной воде какую-то съедобную мелочь.

Отплыв от берега метров на семьсот-восемьсот, я оказываюсь в районе, где на покрытом мелкой песчаной рябью дне, на глубине около десяти метров лежит множество громадных известняковых плит. Они так густо поросли водорослями, что напоминают затаившихся фантастических лохматых зверей. Море сильно источило непрочный известняк — извилистые ходы, узкие расселины, таинственные глубокие пещеры образуют настоящий лабиринт, почти недоступный для подводного охотника. С краев плит свисает бахрома водорослей, скрывая входы в мрачные катакомбы, куда даже в полдень не проникает солнечный свет.

Рыба легко находит здесь и пищу, и укрытие от врагов, а поэтому стоит только заплыть сюда, как вас тут же окружат стайки быстро скользящих возле самой поверхности воды серебристых облад с большими черными глазами; темно-коричневые, с лиловатым оттенком морские ласточки медленно опустятся на дно при вашем приближении, сохраняя горизонтальное положение тела и едва пошевеливая длинным раздвоенным хвостом. Внимательно приглядевшись, вы увидите сидящих в засаде среди камней полосатых хищников — каменных окуней. Если же нырнете и заглянете под плиту, то можете оказаться носом к носу и с могучим, словно отлитым из серебристого металла красавцем конгром, и с пятнистым электрическим скатом, который уставится на вас своими подслеповатыми глазками, не двигаясь с места. Не раз мне приходилось выхватывать лучом моего подводного фонаря из густого зеленоватого мрака пещеры гибкое змеиное тело свирепой мурены, и хотя я давно убедился на собственном опыте, что легенды об этой рыбе совершенно не соответствуют действительности, все равно становилось немного не по себе, когда на меня медленно надвигалось из глубины пещеры чудовище с полной острых зубов широко разинутой пастью. Следы этих зубов даже сейчас видны на металле стрелы от моего подводного ружья.

Едва впереди показалась самая крайняя из глыб, как я отметил какое-то движение сбоку, как будто с места сдвинулся небольшой камень, такой же желтый, как и песок, на котором он лежал. Но стоило мне перевести взгляд в эту сторону, как я разглядел большую рыбу, тут же скрывшуюся под нависшим краем находящейся рядом плиты. Не успел я нырнуть, как рыба появилась из-под противоположного края плиты, пересекла узкую песчаную дорожку и неторопливо ушла под огромный плоский камень квадратных очертаний. На этот раз я хорошо разглядел короткое массивное тело, горбатую спину и непропорционально большую голову с выступающей вперед нижней челюстью — конечно, это меру́, излюбленная добыча подводных охотников Средиземного моря. Увлекательная, а иногда и опасная охота на него создала меру репутацию серьезного противника. Когда-то пионеры подводного спорта встречали рыбин до 40 килограммов весом, причем совсем недалеко от берега. Теперь же такие гиганты если и сохранились, то лишь в самых глухих уголках Средиземноморья, а поэтому даже встречу с меру

весом около пяти-шести килограммов можно было считать большой удачей. Примерно столько же должна была весить и встреченная мной рыба.

Нырнув следом за меру, я опустился на дно и повис на уровне нижнего края плиты, ухватившись за него рукой. Передо мной открылась большая полость — плита с этой стороны не лежала на песке всей своей нижней поверхностью, а опиралась на несколько выступов, похожих на толстые уродливые колонны. Я успел заметить в пробивающемся откуда-то сбоку свете, как меру, изогнувшись с неожиданной для своих размеров грацией, скользнул между двумя дальними колоннами, и тут же нажал на спусковой крючок, резко выбросив вперед руку с ружьем. Рывок шнура показался мне необычно слабым — сразу же мелькнула мысль о промахе. Я быстро потянул к себе шнур — если упустить те доли секунды, когда после попадания стрелы меру замирает на месте, ошеломленный неожиданным ударом, то потом придется основательно повозиться. Раненая рыба обычно забивается в такую узкую щель, так заклинивается в ней, растопырив жаберные крышки и колючие плавники, что легче, кажется, разорвать ее на части, чем вытащить целиком. Но вот весь шнур у меня в руках, и я с изумлением вижу, что стрелы на его конце нет! Теперь поздно ругать себя за то, что не проверил перед охотой узел — стрела или лежит где-то под плитой, или — что гораздо хуже — торчит в боку меру, который мог удрать под любую из окружающих плит — попробуй найти его в этом лабиринте!

Что же делать? Если я промахнулся, то стоит попытаться найти стрелу. А если я все же попал в цель, то разумнее всего не начинать эти наверняка безнадежные поиски... Нет, не годится бросать подранка — и я решаю нырять до тех пор, пока не удастся найти или подбитую рыбу, или хотя бы стрелу.

Долгие упорные поиски не дают результатов, и мне все чаще и чаще приходится отгонять настойчиво возвращающуюся мысль о бессмысленности этого предприятия. Наконец, при очередном погружении замечаю небольшую боковую расселину — оказывается, она ведет в довольно большую пещеру. Осветив ее фонарем, вижу выглядывающую из-за выступа остроносую морду меру с хитро поблескивающим круглым глазом. Ну и храбрец! Затаился и сидит себе на месте, несмотря на возню, которую я поднял у него под боком!

Вновь и вновь ныряю к плите, пытаясь разглядеть стрелу. Время от времени я осторожно освещаю меру, чтобы убедиться, что он мне не померещился. Уже выбившись из сил от непрерывных погружений, я все же увидел стрелу — она почти целиком ушла в песок, и конец ее, торчавший между двумя песчаными валиками, был виден только под одним, строго определенным углом. Потребовалось несколько мгновений, чтобы достать стрелу, подцепив ее рукояткой ружья. Затем я привязал ее тройным узлом к ружью и тщательно натянул обе пары мощных резиновых тяжей. Все эти операции я проделал неторопливо, чтобы дать успокоиться дыханию перед самым важным нырком.

Но вот все в порядке; я быстро опускаюсь на дно, влезаю в расселину и, осветив меру, навожу ружье. Стрела сильно застучала о камень, когда забилась раненая рыба; я тут же потянул за шнур и почувствовал, как меру тяжело тронулся с места, затем рванулся в сторону и застрял в узкой щели. Осторожно дергаю, потом тяну все сильнее — стронуть рыбу с места не удается. Уже пора всплывать, и я оставляю меру — теперь-то он уже никуда не уйдет. Но едва я начинаю подниматься вверх, как что-то резко останавливает меня и даже как будто тянет вниз. Совершенно автоматически, еще не успев разобраться в том, что случилось, я выхватываю из ножен узкое обоюдоострое лезвие кинжала и только тогда вижу, что его не придется пускать в ход — достаточно сбросить с висящего на поясе проволочного кукана захлестнувшую его петлю шнура. Хорошо, что все так легко обошлось — бывали случаи, когда приходилось резать шнур и лишаться верной добычи — на дне ведь оставаться не хочется.

Несколько глотков воздуха, и я опять кидаюсь на дно. Вот и шнур — меру немного переместился, и теперь мне удается начать подтягивать его к себе. Из-под плиты показывается конец стрелы — я осторожно протягиваю руку, но меру в этот момент делает сильнейший рывок, вылетает на открытое место, молниеносно разворачивается и снова скрывается под плитой, бешено натянув шнур. Несколько мгновений продолжается ожесточенная борьба — и в руках у меня остается только обрывок шнура — его перерезала, по-видимому, острая кромка камня. Совершенно ошеломленный таким неожиданным исходом поединка, я всплываю на поверхность и с трудом прихожу в себя. Внизу все спокойно. Тихо оседают на дно разбросанные во время схватки водоросли, еле заметно покачивается в такт волнам торчащее из щели ружье. Что ж, теперь остается только подобрать его, и можно возвращаться домой.

Я опускаюсь на дно, беру ружье и... Нет, этому просто невозможно поверить — рядом со мной из куста перепутанных водорослей торчит перепончатый спинной гребень меру! Протягиваю к нему руку — рыбина нервно вздрагивает, но остается неподвижной. Осторожно нащупываю среди водорослей стрелу, тут же хватаю ее второй конец — стрела пробила меру навылет от жаберной крышки до грудного плавника. Меру судорожно бьется, швыряя меня из стороны в сторону, но теперь для него уже всё кончено. Прежде чем всплыть, подцепляю концом стрелы ружье, чтобы не нырять еще раз, и поднимаюсь на поверхность.

Только теперь вижу, что рыба по крайней мере вдвое больше, чем мне показалось вначале — обычно случается преувеличивать размеры рыбы на расстоянии, но на этот раз, очевидно, сказалась замутненность воды.

Меру ведет себя очень спокойно, лишь изредка поворачиваясь на стреле с такой силой, что она прогибается, и я с трудом удерживаю ее в руках. Я неторопливо плыву к берегу и минут через двадцать выхожу на песок под скалами.

РЫБОЛОВ-БИБЛИОФИЛ

По страницам старых изданий •
На книжной полке •
Библиография •

Из опыта русских рыболовов-любителей

ВЕСЕННЕЕ УЖЕНИЕ НАЛИМОВ

И. Комаров

В развитие и пропаганду любительского рыболовства в России в начале нашего века определенный вклад внес известный рыболов И. Н. Комаров. Свой практический опыт он изложил в 1906 году в книге «Руководство к ужению рыбы». В 1913 году она вышла вторым изданием, исправленным и дополненным. В том же году вышла другая его книга — «Ужение рыбы. Сборник руководительных статей и рассказов». Многие практические советы И. Н. Комарова о способах ужения различных рыб не потеряли своей ценности и в наши дни. Мы печатаем одну из статей о ловле налимов в весеннее время.

Самым ранним выступлением на реку любителей охоты с удочкой неизменно является после долгого зимнего бездействия ловля налимов.

Несколько дней спустя после ледохода, как только вздувшаяся река сильно пойдет на убыль, можно, не теряя времени, уже начинать ловлю.

Ужение налимов как весною, так равно и осенью обязательно производится ночью и является доступным решительно всем, так как не требует ни особого искусства, ни дорогих или сложных по устройству снастей.

Все сооружение охотника за налимами почти исключительно состоит из донных удочек самого упрощенного, даже грубоватого, устройства, но чем больше будет этих удочек, тем добычливее окажется результат ловли.

К короткому, в аршин* или полтора, можжевеловому удильнику привязывается аршин тридцать английской бечевки № 2 или 3**, на свободном конце которой прикрепляется довольно тяжелый свинцовый груз (тяжесть грузила зависит от силы течения, весною до окончательного спада воды всегда значительного), а отступя вершка*** на три выше груза, на бечевке делают небольшую петлю, к которой пристегивают шестивершковый поводок из более тонкой бечевки, с крючком № 1 или 0****.

---

* *Аршин — 71,1 см.*

** *Шелковый плетеный прочный шнур.*

*** *Вершок — 4,4 см.*

**** *По современной нумерации № 10 или 11.*

Большинство рыболовов прикрепляют к леске у самого кончика удилища бубенчик или колокольчик, дающий знать о поклевке, но особенно рекомендовать это дополнение я не решаюсь, так как налим далеко не всегда дает знать о своем клеве даже и при наличности бубенчика. Сплошь и рядом бывает, что налим заглатывает насадку и остается на крючке, даже не звякнув бубенчиком.

А потому гораздо проще почаще осматривать удочки и расставлять их в большем количестве, нежели напряженно прислушиваться к бубенчикам. Налим не такая рыба, как язь или лещ — не бросит насадки и если взял ее, то непременно заглатывает вместе с крючком.

Для наматывания лески в удильник ввинчиваются на расстоянии один от другого в ¼ арш. два медных крючка или два полудюймовых* с отрубленной шляпкой гвоздика. Последние, разумеется, вбиваются несколько наискось, чтобы леска с них не съезжала.

Вот и все, в высшей степени несложное устройство налимьей удочки, стоимость которой по московским ценам обойдется не дороже 50 копеек, а в провинции можно, разумеется, самолично нарезать в леску можжевеловых шестиков, заменив английскую бечевку обыкновенным «голосинником»**, тогда стоимость налимьих снастей будет совсем уже ничтожна, а рыбу они добывать будут ничуть не хуже дорогих снастей. Необходимо лишь при пользовании «голосинником» обязательно сначала намочить его водою, а затем туго натянуть где-либо на дворе или в комнате и дать в таком положении высохнуть. После такой операции бечевка совершенно теряет свое свойство закручиваться в воде и будет служить на удочках вполне удовлетворительно.

Насадкой для весенней ловли налимов служит крупный земляной червь, называемый выползком. Выкапывать этих червей очень затруднительно, а потому их обыкновенно собирают на огородах или в садах вечером при свете фонаря. Двигаться, высматривая червей, необходимо по возможности бесшумно, т. к. при неосторожном шорохе червь быстро скрывается в свою норку, прежде чем его успеют схватить.

Брать червя следует щепотью руки, стараясь захватить его как можно ближе к норке и вытаскивать не торопясь, так как иначе червя легко разорвать пополам — он замечательно крепко держится своим шероховатым хвостом за стенки норы, но затем скоро ослабевает и выходит без сопротивления.

Держат выползков в холщовых мешочках с небольшим количеством сыроватого мха, а запасных хранят в больших ящиках с хорошей землей и обрывками гнилых рогож где-либо в тенистом, сыром месте, например в подвалах, на погребицах, под сараем и пр.

Места для ужения налимов следует выбирать не слишком быстрые, с каменистым или глинистым дном, но не особенно глубокие.

Так как ловля производится в то время, когда река еще не вошла совсем в берега, то весьма полезно знать заранее расположение затопленных водою кустов и прочих препятствий, чтобы не засаживать в них крючков.

Главным образом я для того и рекомендую привязывать крючки к более тонкой по сравнению с леской бечевке, чтобы в случае задева за корягу или куст приходилось бы оборвать один крючок, а не всю леску.

Приходить на избранное место лучше засветло, чтобы как следует расположиться и не спеша закинуть все удочки в удобных для подхода к ним и вытаскивания добычи пунктах берега.

Необходимо потеплее одеваться и захватывать с собой фонарь, а также не забывать запасных, заранее уже навязанных на поводки крючков, так как вынимать из пойманного налима крючок настолько трудная операция, после которой налим еще вдобавок обязательно засыпает, что гораздо практичнее будет пустить рыбу в ведро или корзину вместе с крючком и поводком, обрезав последний около лески, и заменить его запасным. Крючки же освободят из рыбы уже дома, при ее потрошении.

Отрезать поводок с пойманным налимом следует подальше от воды, иначе налимы часто выскальзывают из рук и уходят снова туда, откуда их только что вытащили.

Ранней весною ночи еще очень бывают холодные, а потому не мешает позаботиться о костре с походным чайником, тем более что разложенный на берегу костер своим светом привлекает налимов, а сидеть у приветливо потрескивающего огонька куда приятнее, чем коротать ночь в темноте.

Лучший клев налимов бывает около полуночи и продолжается до рассвета, когда поклевки становятся все реже и реже.

Осматривать удочки следует как можно чаще, например каждые ½ часа, так как весенние воды постоянно наносят на леску всякий сор, который закрывает от рыбы насадку, затем червей часто объедает разная мелочь, а на голый крючок налим при всей своей жадности и невзыскательности все же не попадется.

Весьма нередко на налимью удочку попадаются крупные язи и голавли, а потому удильники должны быть крепко воткнуты в берег, так как голавль не так хладнокровно относится к своей беде, как глуповатый налим, и у оплошавшего рыболова небрежно воткнутый удильник в один миг будет вырван из земли при могучем порыве крупного голавля и, высоко взлетев на воздух, хлопнется в воду и навсегда погибнет для охотника вместе с хорошей добычей.

В виде подспорья к удочкам можно подставить в стороне от них небольшой перемет, а то и два.

Перемет делается из более толстой бечевки аршин в тридцать длины, к которой привязываются на двухаршинном один от другого расстоянии ½

---

* *Дюйм — 2,5 см.*

** *Самодельный шнур из прочных волокон льна или пеньки.*

аршинные поводки (из тонкой бечевки) с крючками. Один конец основной бечевки привязывается к прочному заостренному колышку, затем, отступя от него на сажень, привязывается камень приблизительно в фунт весом, а к свободному концу бечевки привязывается второй камень, уже более тяжелый,— фунта в 2—3.

Приступают к постановке такого предмета (разумеется, еще засветло) следующим образом: размотав снасть, втыкают крепко в берег колышек и вытягивают бечевку не вдоль берега, а, наоборот, прямо от берега по направлению к материку, т. е. относят концевой камень вдаль от воды, а первый от колышка камень кладут у самой воды или даже опускают его заранее на дно у берега. Расправив затем поводки и наживив крючки выползками, подходят, наконец, к тому месту, где положен концевой камень, берут его с земли правой рукой и, не подходя к воде, прямо с места с силой бросают его в реку с таким расчетом, чтобы камень летел дугой, т. е. сначала бы полетел вверх, подняв за собой перемет, а затем упал бы в воду, вытянув всю снасть поперек реки. Возможный толчок умеряется добавочным камнем, который, кроме того, служит и для того, чтобы бечевка на всем своем протяжении находилась на дне.

Разумеется, переметы эти уже не вынимаются до утра, так как возиться ночью с такой снастью совершенно неуместно.

Выползки насаживаются на крючки как удочек, так и переметов непременно «комочком», отнюдь не оставляя свешиваться длинного конца. Червь прокалывается поперек около головы, затем жало крючка прокалывает опять-таки поперек туловища червя ближе к середине, потом еще раз ближе к хвосту и, наконец, жало прячется уже в хвостике червя вдоль, причем остается извиваться лишь небольшой кончик.

В местах, где много налимов, весенняя ловля их бывает очень добычлива, особенно при правильном выборе места и достаточном количестве снастей. Особенно крупные налимы весною не часто попадаются, но экземпляры до 3-х фунтов и даже крупнее на хороших местах вовсе не являются редкостью.

В благоприятную ночь на рыбной речке компания рыболовов в два-три человека нередко уносит с собою ½—2 пуда налимов, добытых самыми нехитрыми по своему устройству снастями.

Для начинающих рыболовов поездка на ночь за налимами очень интересна и по большей части оставляет неизгладимое впечатление неизведанной прелести общения с природой и многих уже сделала записными и дельными рыболовами.

Итак, господа, попробуйте счастья в охоте за налимами! Ведь «попытка не пытка», а я рад буду, если мое краткое описание кому-либо пригодится.

Авось и «прибудет нашего полку», рьяных приверженцев уженья!

Публикацию подготовил
И. Федотенков

На книжной полке

А. Жихарев. *Справочник-календарь рыболова*. Минск, 1970.

СПРАВОЧНИК ДЛЯ РЫБОЛОВОВ-СПОРТСМЕНОВ

Справочник начинается с описания водоемов Белоруссии — рек, озер и водохранилищ. В нем даны необходимые для рыболова-спортсмена сведения, имеющие научно-познавательное значение. Характеристика рек приведена в книге по бассейнам Черного и Балтийского морей. Автор указывает видовой состав рыб, характеризует береговую линию и наиболее рыбные и удобные для ловли места, приводит цифровые данные о глубинах озер и водохранилищ и о размере их акватории.

Основной раздел книги содержит справочные сведения о спортивных рыболовных снастях. Большое место уделено спиннингу, как наиболее спортивной снасти. Спиннингисту дается немало дельных советов, при этом обращается особое внимание на выбор удилища и блесен, на умение ими «играть». «Можно, конечно, быть рекордсменом по забросам,— пишет А. Ф. Жихарев,— достигнуть при этом и дальности, и меткости, но плохо ловить рыбу. Нужно еще уметь правильно вести блесну, чтобы она давала хорошую «игру» и попадала в поле зрения хищника». Рассказывая о снастях и их назначении, автор одно-

временно излагает и способы ловли ими разных видов рыб.

Видное место в книге отводится описанию насадок. Справедливо замечание автора, что дело не только в том, чтобы запастись насадкой, нужно еще уметь ее приготовить, знать, когда и как применить и сохранить в хорошем состоянии. Рыболовам пригодятся советы, как самому заготовить животные насадки, сварить кашу, горох, картофель, зерна злаковых культур.

Водоемы Белоруссии отличаются разнообразием ихтиофауны. В справочнике приведена характеристика 48 видов рыб, которые ловятся спортивными снастями. По каждому виду рыб даются краткие сведения по биологии, образу жизни и их повадках, о времени и местах нереста.

Интересна глава «В копилку рыболова-спортсмена», в которой говорится о влиянии погоды и уровня воды на клев рыбы, даются советы рыболову, как изучать особенности водоема: его глубину, рельеф дна, быстроту течения, наличие корма, естественных укрытий, прибрежной и водной растительности. В конце книги помещен календарь рыболова.

Хотелось бы высказать несколько замечаний автору этой полезной и нужной книги. Описания некоторых снастей даны слишком кратко. Следовало бы сказать подробнее о нахлысте и зимних жерлицах. Ужение рыбы в проводку, как активный способ ловли, надо изложить отдельной главой, как это сделано при описании других видов ловли.

Более подробно следовало осветить вопрос о мерах предосторожности на водоемах, соблюдении установленных правил на них как в зимнее, так и в летнее время. Это особенно важно для начинающего рыболова.

Справочнику недостает карты-схемы водоемов Белорусской ССР.

Ф. Иванов

СПРАВОЧНИК-ОПРЕДЕЛИТЕЛЬ

Рыбы СССР. Под ред. В. Никольского и В. Григораш. М., 1969.

Во внутренних водоемах и морях Советского Союза обитает свыше тысячи видов рыб — от арктической черной рыбы даллии, которая на зиму вмерзает в лед и оживает весной, до черноморской барабульки, которая, будучи поймана, меняет окраску, переливаясь всеми оттенками розового и перламутрового цветов. Коллектив авторов (В. Д. Лебедев, В. Д. Спановская, К. А. Савваитова, Л. И. Соколов, Е. А. Цепкин) включили в справочник свыше 400 наиболее распространенных пресноводных и морских рыб СССР — все объекты спортивного и промыслового рыболовства. Иллюстрированная большим количеством черно-белых рисунков и цветных таблиц, книга дает характерные признаки различных рыб, карты их ареалов, самое краткое (5—7 строк) биологическое описание и хозяйственное значение.

В. Холостов

Книги о правилах любительского рыболовства

П. И. Пешкин. *Памятка рыболова-любителя*. Сыктывкар, 1970.

Памятка рыболову-любителю. Петрозаводск, 1971.

Два местных книжных издательства выпустили памятки рыболова-любителя, написанные в соответствии с бассейновыми правилами, утвержденными Министерством рыбного хозяйства СССР. Особое внимание в этих книгах уделено соблюдению правил ужения рыбы и ее охраны в период нереста, что имеет решающее значение для естественного воспроизводства рыбных запасов.

Рыболовам-любителям даются советы и рекомендации, как спасать рыбу в непроточ-

ных водоемах зимой, во время замора и в летнее время в мелеющих и высыхающих заливах, старицах, ериках.

Для предотвращения вылова неполовозрелых особей рыболовы-любители должны знать меру рыб, которую разрешается вылавливать. Правилами рыболовства установлена минимальная мера, ниже которой вылов этой рыбы запрещен. Если пойманная рыба меньше минимума, ее нужно выпустить в воду живой и неповрежденной.

В книжках-памятках рыболовам-любителям подробно разъясняется, где, когда и чем они могут ловить рыбу, на каких местах водоемов не разрешается удить, перечисляются запрещенные орудия и способы лова, а также ценные виды рыб, которые нельзя ловить, и многое другое.

Отдельные главы посвящены ответственности за нарушение правил рыболовства. В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 27 марта 1964 года «Об усилении административной ответственности за нарушение Правил рыболовства и охраны рыбных запасов в водоемах СССР» виновные лица подвергаются в административном порядке штрафу, а в необходимых случаях материалы о нарушителях передаются в следственные органы для привлечения виновных к уголовной ответственности.

Выпущенные в Петрозаводске и Сыктывкаре книги очень своевременны и полезны. Они учат рыболовов-любителей соблюдать правила рыболовства, повышают спортивную культуру, воспитывают у людей бережное отношение к использованию рыбных богатств, приобщают их к участию в охране водоемов. Остается лишь пожелать, чтобы все областные и республиканские издательства снабдили своих читателей такими памятками.

И. Федотенков

Библиография

В ПОМОЩЬ РЫБОЛОВАМ-ТУРИСТАМ

Публикуемый список литературы может оказать помощь рыболовам-туристам в выборе маршрутов путешествия и их изучении. В книгах и статьях даются советы, как следует подготовиться к походу или поездке в отдаленные районы страны, какое необходимо иметь снаряжение и рыболовные снасти, как оборудовать моторную и весельную лодку и т. п. В книгах даны описания водоемов и видовой состав рыб, способы их ловли и спортивные снасти, которые целесообразно применять при ужении различных рыб.

Алистаев В. У нас на Амударье. «Рыболов-спортсмен» № 13, М., 1959.

Бабкин Н. В верховьях Волги. (Озера Пено и Вселуг.) «Рыболов-спортсмен» № 27, М., 1969.

Бокаев В. Водоемы и рыбы Закарпатья. «Рыбоводство и рыболовство», 1964, №4.

Быков В. Отпуск на охоте. (Из опыта охотничьего и рыболовного туризма). М., 1960.

Васенев Н. На Ленских просторах. «Рыбоводство и рыболовство», 1965, №3.

Васильев В. В краю лесов, озер и рек (Карельская АССР). «Рыболов-спортсмен» №10, М., 1958, и №11, М., 1959.

Васильев В. На озере Селигер. «Рыболов-спортсмен» №15, М., 1960.

Галимов Ш. На Северной Двине. «Рыболов-спортсмен» №21, М., 1964.

Жихарев А. Справочник-календарь рыболова. Водоемы Белоруссии и их рыбные богатства. Минск, 1970.

Карманный справочник туриста. М., 1970.

Кеммерих А. Приполярный Урал. Путеводитель. М., 1970.

Киселев Я. В джунглях Каспия. (Ловля рыбы в дельте Волги). «Рыболов-спортсмен» № 19, М., 1963.

Когда начинается клев. (О ловле рыбы в таежных реках Восточной Сибири — Лена, Ангара, Иркут и др.). Иркутск, 1969.

Краснов М. В Рижском заливе. (Ловля рыбы в заливе и озерах, расположенных вдоль побережья). «Рыболов-спортсмен» № 21, М., 1964.

Леонова Л., Тищенко Л. Туризм — лучший отдых. М., 1967.

Любимые места охоты. Сборник. (Описание охотничьих и рыболовных угодий). М., 1961.

Мицеловский П. Под солнцем Казахстана. (Реки и озера Восточного Казахстана). «Рыболов-спортсмен» № 22, М., 1965.

Молокоедов П. У нас на Амуре. «Рыболов-спортсмен» №17, М., 1962.

Нечаев-Кравченко И. Спортивное рыболовство в Закавказье. «Рыбоводство и рыболовство», 1958, № 4.

Никифоров А. Деснянские озера. Туристам, рыболовам, охотникам. Путеводитель. Киев, 1970.

Охотник и рыболов Украины. Сборники. Книга первая. Киев, 1963. Книга вторая. Киев, 1967.

Охотничий и рыболовный туризм. Составитель В. Н. Порошин. М., 1968.
Охотничий туризм. Сборник. (Об охотничьем и рыболовном туризме в отдаленных районах страны). Составитель И. Дебрин. М., 1964.
Пащенко П. Справочник охотника и рыболова. М., 1965.
Пигулевский С. Рыбы, опасные для человека. Л., 1964.
Попов А. Мещерский край. Реки и озера. Рыба и рыбная ловля. М., 1970.
Протопопов В. Кольская кумжа. (Рыбы рек и озер Кольского полуострова). «Рыболов-спортсмен» № 28, М. 1968.
Протопопов С. На водоемах Калининградской области. «Рыболов-спортсмен» № 9, М., 1957.
Спутник туриста. Издание 3-е, переработ. и дополн. М., 1969.
Таежными тропами. Сборник. (Об охотничьем и рыболовном туризме). Составитель В. Н. Порошин. М., 1970.
Токарев Б. Осенняя поездка на Ахтубу. «Рыболов-спортсмен» № 30, М., 1970.
Федотов Н. Когда человек в беде. (Очерк о первой медицинской помощи в походе, на охоте и рыбной ловле). М., 1966.
Фомин Б. На реках южного Забайкалья. (Реки Бурятской АССР, впадающие в озеро Байкал). «Рыболов-спортсмен» № 9, М., 1957.
Цикунов. В. На реках Алтая (Обь, Бия, Бухтарма и др.). «Рыболов-спортсмен» № 2, М., 1951.
Чижов А. В Приазовских плавнях. «Рыболов-спортсмен» № 23, М., 1965.
Чудновский В. У нас на Сырдарье. «Рыбоводство и рыболовство», 1962, № 4.
Чумаков К. Рыболовные угодья восточной Эстонии. «Рыболов-спортсмен» № 17, М., 1962.
Чупров И., Кулагин А. По Селигеру и Валдайским озерам. М., 1970.

ЛИТЕРАТУРА ПО ЛОВЛЕ РЫБЫ В МОРЕ СПОРТИВНЫМИ СНАСТЯМИ

В рекомендуемом списке книг и статей дается описание снастей, применяемых для ловли рыбы в море, рассказывается об образе жизни и повадках морских рыб и способах их ужения с берега и с лодки, о мерах предосторожности и т. п.

Акатов М. Ловля рыбы в море на «самодур» «Рыболов-спортсмен» № 7, М., 1957.
Александров А. На Крайнем Севере. (Бухта Нагаева — Охотское море). «Рыболов-спортсмен» № 13, М., 1959.
Архангельский В. Пятьдесят дней в Паланге. (Побережье Балтийского моря, Литовская ССР). «Рыболов-спортсмен» № 16, М., 1961.
Бабкин М. На севере Кольского полуострова. «Рыболов-спортсмен» № 16, М., 1961.
Беляев А. На лобана. «Рыбоводство и рыболовство», 1960, № 3.
Васильев В. На просторах Балтики. (Ловля корюшки в Финском заливе). «Рыболов-спортсмен» № 31, М., 1971.
Величко Н. О насадках для рыбной ловли в море. «Рыболов-спортсмен» № 29, М., 1970.
Воронин А. С удочкой на саргана. «Рыболов-спортсмен» № 11, М., 1959.
Гогешвили А. В бухте Ласпи. (Ловля луфаря спиннингом в Черном море). «Рыболов-спортсмен» № 29, М., 1970.
Гудзовский А. У самой Одессы. В кн. «Любимые места охоты». Сборник. М., 1961.
Догонов В. С удочками в Сухуми. «Рыболов-спортсмен» № 6, М., 1956.
Дудин И. За горбылем. (Ловля рыбы под Новороссийском). «Рыбоводство и рыболовство», 1965, № 4.
Дудин И. Рыбная ловля на Черном море. «Рыбоводство и рыболовство», 1962, № 6.
Дудин И. За кефалью. «Рыбоводство и рыболовство», 1962, № 5.
Дудин И. На Черном море. «Рыбоводство и рыболовство», 1959, № 5.
Дудин И. Черноморские очерки. «Рыбоводство и рыболовство», 1961, № 4.
Дудин И. Под Новороссийском. (Ловля рыбы в районе Анапа—Геленджик—Новороссийск). «Рыболов-спортсмен» № 12, М., 1959.
Дудин И. Морские обитатели. «Рыболов-спортсмен» № 25, М., 1967 и № 26, М., 1967.
Залесов В. За луфарем. «Рыбоводство и рыболовство», 1960, № 3.
Зенкевич Л. Моря СССР, их фауна и флора. М., 1956.
Ильин Б. Ужение в Черном море. «Рыболов-спортсмен» № 5, М., 1955 и № 6, М., 1956.
Картыков С. За треской с дорожкой. «Рыболов-спортсмен» № 7, М., 1957.
Кеммер Д. С мормышкой на ... бычков! «Рыболов-спортсмен» № 13, М., 1959.
Киселев Я. Погоня за ставридой. «Рыбоводство и рыболовство», 1968, № 2.
Киселев Я. Бычки, бычки... «Рыбоводство и рыболовство», 1968, № 4.
Костин Б. Ловля берша на Апшеронском полуострове. «Рыболов-спортсмен» № 9, М., 1957.
Кравцов С. Ейские записки. (Азовское море). «Рыболов-спортсмен» № 12, М., 1959.
Краснов М. В Рижском заливе. «Рыболов-спортсмен» № 21, М., 1964.
Краснов М. О ловле спиннингом в море. «Рыболов-спортсмен» № 17, М., 1962.
Кушнарев М. Советы рыболовам-любителям. Владивосток, 1961.

Луковников А. К ловле кефали. «Рыболов-спортсмен» №16, М., 1961.
Малинин В. Спортивное рыболовство в Магаданской области. Магадан, 1967.
Маринин П. Рыбная ловля в Финском заливе. «Рыболов-спортсмен» №10, М., 1958.
Матвеев М. Практика спортивного рыболовства. Раздел «Спортивная рыбная ловля на море». М., 1966.
Надточий Г. Ловля рыбы спиннингом в районе Туапсе. «Рыболов-спортсмен» №26, М., 1967.
Настольная книга рыболова-спортсмена. Глава «Спортивная ловля рыбы в море». Составитель и редактор В. Васильев. М., 1971.
Никифоров А. На берегах Авачи. (Авачинская губа — Охотское море). «Рыболов-спортсмен» №12, М., 1959.
Никишин С. Ужение трески и сайды. (Побережье Баренцева моря). «Рыболов-спортсмен» №23, М., 1965.
Никольской М. С блесной на хищных рыб. Раздел «Спортивное рыболовство на Черном море». М., 1963.
Никольской М. Ловля рыбы на «самодур» и «дорожку» в Черном море. «Рыболов-спортсмен» №1, М., 1950.
Никольской М. Черноморские очерки. (Ловля саргана и катрана). «Рыболов-спортсмен» №2, М., 1951.
Никольской М. Морской петух. «Рыболов-спортсмен» №4, М., 1954.
Никольской М. На Черном море. «Рыболов-спортсмен» №6, М., 1956.
Никольской М. Ночной хищник. (Горбыль). «Рыбоводство и рыболовство», 1961, №3.
Никольской М. За балканом. «Рыбоводство и рыболовство», 1959, №5.
Никольской М. Необходимо знать. (О ядовитых морских рыбах). «Рыболов-спортсмен» №11, М., 1959.
Никольской М. Спортивная ловля рыбы на Черном море. В кн. «Рыболов-спортсмен». М., 1948.
Очаповский В. Приезжайте в Геленджик. (Черноморское побережье). «Рыболов-спортсмен» №28, М., 1968.
Петелин В. В Авачинской губе. (Охотское море). «Рыболов-спортсмен» №16, М., 1961.
Подвальный А. Со спиннингом в Арктике. «Рыболов-спортсмен» №10, М., 1958.
Поляков Н. Курский залив. (Балтийское море). «Рыбоводство и рыболовство», 1968, №1.
Прыгунов В. За каспийской шемаей. «Рыболов-спортсмен» №11, М., 1959.
Радлинский А. Камбалу на «самодур». «Рыбоводство и рыболовство», 1961, №4
Ребров М. На рыбалке с космонавтами Три и Четыре. «Рыбоводство и рыболовство», 1962, №6.
Световидов А. Рыбы Черного моря. М., 1964.
Семке Н. С удочкой и блесной. Любительская морская рыбалка. Владивосток, 1965.
Смирнов А. Советы рыболову-любителю. Одесса, 1960.
Смирнов Ю. «Самодур». «Рыболов-спортсмен» №5, М., 1955.
Станкевич И. Подледный лов рыбы в бухте Нагаева. (Охотское море). «Рыболов-спортсмен» №8, М., 1958.
Станкевич И. На берегу Охотского моря. «Рыболов-спортсмен» №15, М., 1960.
Стефаров П. За катраном. «Рыболов-спортсмен» №23, М., 1965.
Тарасов Н. Море живет. М., 1956.
Тиханович В. С удочками на Черноморском побережье. В кн. «Узелки на память». Минск, 1969.
Тишков В. За навагой. (Ловля на побережье Сахалина). «Рыболов-спортсмен» №31, М., 1971.
Турков М. За треской. (Ловля на Белом море). «Рыболов-спортсмен» №14, М., 1960.
Усиченко Ю. Скумбрия пошла. «Рыболов-спортсмен» №17, М., 1962.
Филенко Ф. Не забыли ли вы рыболовные снасти? (Рыболовам, едущим отдыхать на Черноморское побережье). «Рыболов-спортсмен» №19, М., 1963.
Холостов В. Бархатный сезон. (Ужение рыбы в Черном море в районе Феодосии). «Рыболов-спортсмен» №6, М., 1956.
Холстед Б. Опасные морские животные. Перевод с английского. Л., 1970.
Цитович А. Рыбалка на Апшероне. «Рыболов-спортсмен» №6, М., 1956.
Цитович А. За шемаей в Лок-Ботан. (Каспийское море). «Рыболов-спортсмен» №5, М., 1955.
Черемисов В. На бирюзовом Арале. «Рыбоводство и рыболовство», 1966, №3.
Шеманский Ю. Спортивное рыболовство и подводная охота на Черном море. Одесса, 1963.
Шеманский Ю. С удочкой и подводной маской по берегам Балтики. Л., 1964.
Шеманский Ю. Современный морской рыболовный спорт. Изд. 2-е, исправл. и дополн. Л., 1966.
Шеманский Ю. Спортивная ловля акул, скатов, дельфинов. «Рыболов-спортсмен» №17, М., 1962.
Шеманский Ю. С удочкой по берегам Белого моря. «Рыболов-спортсмен» №20, М., 1964.
Шманкевич А., Смирнов Ю. Поездка на Азовское море. «Рыболов-спортсмен» №5, М., 1955.
Шлопак Г. Хранение ставки к «самодуру». «Рыболов-спортсмен» №14, М., 1960.
Шолохов Л. За морским окунем. «Рыбоводство и рыболовство», 1961, №3.
Шпагин Н. Приезжайте в Новоазовск. «Рыболов-спортсмен» №14, М., 1960.
Шубин И. Спортивный лов рыбы на море. В кн. «Юный рыболов». М., 1952.
Щенников С. О ловле луфаря. «Рыболов-спортсмен» №14, М., 1960.

Содержание

Р 93 Рыболов-спортсмен. Альманах 33. М., «Физкультура и спорт», 1973.

160 с. с ил.

На обороте тит. л. сост.: С. Череватый

В очередном выпуске альманаха рассказывается о современном состоянии спортивного рыболовства в нашей стране и за рубежом, обсуждаются вопросы сохранения и преумножения рыбных богатств и лучшей организации рыболовов-спортсменов. Также печатаются материалы об опыте рыболовов, о рыболовном туризме, новых снастях и приемах ужения, даются советы молодым.

Для массового читателя.

6—9—3 / 94—73 639.2

РЫБОЛОВ-СПОРТСМЕН № 33

Редактор Э. Киян. Художественный редактор О. Айзман. Технический редактор Е. Триденская. Корректор Г. Соколова.

А 09195. Сдано в производство 9/VIII—1972 г. Подписано к печати 6/VI—1973 г. Бумага офсетная, Формат 70×90/16. Печ. л. 10,0. Усл. п. л. 11,7. Уч.-изд. л. 16,46. Бум. л. 5,0. Тираж 150 000 экз. Издат. № 4878. Цена 1 р. 04 коп. Зак. 545.

Издательство «Физкультура и спорт» Государственного комитета Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, 103006, Каляевская ул., 27.

Ярославский полиграфкомбинат «Союзполиграфпрома» при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Ярославль, ул. Свободы, 97.

В следующем альманахе
читайте
ВСЁ
о нахлысте
о насадках
Цена 1 р. 04 к.
ФС

рыболов-спортсмен
33